

60 ЛЕТ

ФИЗТЕХ ПОМНИТ...

К 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне
Воспоминания ветеранов

ФИЗТЕХ ПОМНИТ...

Москва
«Азбука»
2004 год

Автор и организатор проекта

Член Совета ветеранов МФТИ доцент Емельянов В.В.

Редколлегия: Емельянов В.В.

Емельянова Е.Д.

Седов Б.С.

Трухан Э.М.

Физтех помнит...

МФТИ, г. Долгопрудный, 2004. – 224 с.

Авторы книги – ветераны Великой Отечественной войны и ветераны труда, еще работающие в МФТИ.

Они сотрудники знаменитого Физтеха, занимают различные должности: кто-то, будучи академиками и профессорами, читает лекции студентам и аспирантам, кто-то трудится в хозяйственной и других службах института. Но шестьдесят лет назад они все были равны перед войной, и все они, сыны и дочери своей Родины (СССР), защищали и спасали ее от фашистских захватчиков.

О том, что сохранилось в памяти людей этого поколения рассказывает книга.

ISBN 5 8012 00126

© Московский физико-технический институт, 2004

© Емельянов В.В., Седов Б.С.

© ЗАО «Издательство Азбука», 2004

Оглавление

Введение.

Член-кор. РАН, ректор МФТИ Кудрявцев Н.Н.	5
--	---

Предисловие.

Доктор исторических наук, профессор Емельянова Е.Д.	6
--	---

Глава I. Они не все оставили воспоминания. Седов Б.С.

1) День победы.	10
2) Священная Земля.	20

Глава II. Как мы защищали Родину.

Болдинова М.П.	26
Владимиров В.С.	28
Зубков С.Л.	35
Кизель В.А.	40
Кривенков Ю.П.	45
Лидский В.Б.	51
Лузин И.Н.	58
Минкин Е.А.	62
Митюшин Н.А.	65
Попов И.А.	76
Синеокая М.В.	82
Тиваньян В.Ф.	86
Цирлин А.И.	92

Глава III. Как мы жили и трудились ради Победы.

Аверина Л.В.	105
Артамонова Н.Д.	108
Белкина К.С.	110
Бирюков П.П.	117
Блохина Н.М.	119
Грачева З.И.	122
Дементьева Л.А.	123
Емельянов В.В.	128
Емельянова Е.Д.	143
Корчагина (Антонова В.Г.)	154
Кудинова-Быковская З.А.	156
Лахтин Н.А.	159
Лифанова (Каткова) А.Т.	162
Миронов А.М.	165

Никольский С.М.	168
Свиридова Л.П.	180
Суворова К.М.	182
Трушечкина Г.Я.	185

Глава IV. Из поколения последних свидетелей Великой Отечественной войны. Воспоминания.

Гаранина С.В.	187
Котина С.В.	189
Олешек Л.Б.	194
Поляков В.В.	204
Трухан Э.М.	206
Шабунин М.И.	220
Послесловие	222

«Где бы ни находился советский человек – на фронте, в тылу страны, в тылу врага... – всюду и везде он делал все от него зависящее, чтобы приблизить час победы над фашизмом».

Г.К. Жуков

ВВЕДЕНИЕ

Кудрявцев Николай Николаевич

Член-кор. РАН.

Ректор МФТИ.

Чем глубже и прочнее память о прошлом, тем крепче и надежнее традиции.

Память о прошлом всегда многогранна. Она память многих поколений: она в сознании самих участников событий, в сознании свидетелей этих событий, в сознании более молодого поколения.

Физтех – сын победы советского народа в Великой Отечественной войне. Само создание физтеха, есть результат понимания высшим руководством страны значения научных достижений для обороноспособности, что определяется опытом Второй мировой войны. В его становлении и жизни в течение многих лет принимало участие то поколение, которое одержало победу – поколение победителей. Эти люди длительное время составляли основной костяк трудового коллектива, были ведущими учеными, педагогами, организаторами, служащими и рабочими института. Но к большому сожалению, их остается все меньше и меньше. Книга «Физтех помнит» – это воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, до сего времени работающих в институте.

За десятилетия существования МФТИ сменилось не одно поколение «физтехов». Часто можно услышать от студентов «мои родители окончили физтех...». В обыденный же язык давно вошли выражения «физтех знает», «физтех может», «физтех осилит»... В них не только традиции системы физтеховского образования, но и традиции физтеховского трудового коллектива.

Название книги «физтех помнит» глубоко патриотично. Здесь воплощена память всех поколений нашего коллектива.

Физтеховская общность лишь частица российского общества, а память физтеха – маленький кусочек общенародной памяти о страшной трагедии войны и Великой Победе.

Эта глубокая благодарственная народная память о подвиге поколения победителей – неизгладима. И очень важно, чтобы она прививалась молодому поколению, которое в скором времени будет определять судьбу России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Емельянова Елена Дмитриевна

Доктор исторических наук.

Профессор МФТИ.

О войне написано несметное количество разных книг, в которых излагаются причины войны, ее ход и важнейшие события, стратегия боевых действий и качество оружия, биографии военачальников и примеры беззаветного героизма. Вся история отечественной войны нашла отражение в цифрах. Среди этих книг не мало воспоминаний участников войны и тружеников тыла, рядовых солдат и крупных военных специалистов, политических деятелей. И в первых, и во вторых анализируются объективные исторические события и процессы. Но можно заметить и конъюнктурный подход, отражающий серьезные политические изменения в обществе за многие десятилетия после Победы.

К поколению победителей в свое время относились десятки миллионов российских граждан, но далеко не все оставили воспоминания о войне. Когда-то в Московском физико-техническом институте было несколько сот ветеранов Великой Отечественной войны. Эта книга и начинается с материалов, посвященных памяти ушедших.

К настоящему времени участников войны в институте осталось менее двадцати, а тружеников тыла – около полусотни. Идея написания книги воспоминаний оставшихся ветеранов института возникла в процессе общения их со студентами. Несколько лет назад Совет ветеранов института решил возобновить встречи ветеранов со студентами. (Когда-то они проводились регулярно. Это была одна из форм воспитательной работы). Не менее важную роль они играют и сейчас, хотя с каждым годом организовывать их становится все труднее, ветеранов мало, многие просто физически не в состоянии выступать. Студенты же их слушают с неослабным вниманием и интересом, задают много вопросов, с поразительной душевной мягкостью относятся к ветеранам.

Вопросы студентов часто наивные, но больше серьезные. В них не только желание получить знание, но и стремление понять: «а как это было, там, в те годы, когда ветеранам было по двадцать?»

Вот небольшой перечень вопросов: «благодаря чему была одержана Победа», «были ли на самом деле зверства немцев», «расскажите о втором фронте», «как можно было эвакуировать столько промышленных предприятий», «неужели было много добровольцев», «трудно ли было жить при Сталине», «расскажите о качестве советского оружия»...

Для молодых важен жизненный опыт ветеранов, они ищут для себя ответы на вопросы, ежедневно задаваемые современной жизнью: «расскажите о своей семье», «расскажите о ваших идеалах», «пришлось ли менять профессию», «ваше мнение о будущем нашего общества», «во что верите», «ваше мнение о нас, молодежи»...

В книге, наряду с воспоминаниями крупных ученых, педагогов, ведущих лабораториями, учебных мастеров, публикуются воспоминания ветеранов войны, не получивших в своё время высокого образования, но длительное время работающих в физтехе в хозяйственной и обслуживающей сфере.

Многим из авторов этой книги было трудно писать воспоминания. Одним не хватало образованности, другим мешала присущая этому поколению скромность, и всем буквально – болезни и жизненная усталость. Ряд воспоминаний записаны нами под диктовку. Кто-то запомнил и описал биографию своей воинской части, «забыв» свое непосредственное участие и тяготы войны, пережитые ими лично. Кто-то больше писал не о себе, а о родственниках, также участвовавших в войне. Кто-то, получив ранение, порой не одно, описывал их как рядовые случаи обыденной жизни, не придавая им существенного значения.

Самому молодому автору воспоминаний уже под 70, а самому пожилому – почти 100 лет. Они различны по характеру воспитания, кто-то родился и жил в городе, а кто-то в деревне. У каждого из них свои особенности памяти и эмоций, у всех сложились разные дальнейшие судьбы. Поэтому представленные воспоминания отличаются друг от друга не только своим содержанием, но и глубиной, подробностями, деталями изложения и многими другими качествами. Может быть, это как раз наиболее ценно и интересно. Авторы писали воспоминания не по заданной программе, а опираясь только на собственный опыт и свою память.

К сожалению, в нашем трудовом коллективе не осталось уже тех, кто брал Берлин, кто участвовал во многих других великих битвах. Поэтому в воспоминаниях не отражена полная картина войны. Все это естественно, остаются буквально единицы участников войны, но они вместе со всеми, уже ушедшими, внесли свой полный вклад в победу над фашизмом. И через их воспоминания можно представить опасности и трудности фронтовой жизни.

На наш взгляд, все участники Великой Отечественной войны отразили в своих воспоминаниях объективную картину жизни солдата на войне.

То же самое можно сказать и о воспоминаниях тружеников тыла. Все участники трудового фронта награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.». В их воспоминаниях мы находим описание жизни еще совсем юных 12 – 16 - летних подростков, заменивших взрослых и работавших в городах и деревнях в труднейших условиях голода и холода.

Еще не дойдя до совершеннолетия, они достигали высот мужества, и их трудовая доблесть стояла плечом к плечу с мужеством взрослых. Они отдали свое солнечное детство за то, чтобы земля оставалась землей для людей, у которых жизнь обязательно должна начинаться не с войны, а с книг и тетрадей, игр и смеха.

Одновременно здесь же частично даются воспоминания о войне ветеранов труда физтеха, относящихся к поколению последних свидетелей войны. Они не могли, как их старшие сверстники, ни воевать, ни участвовать в общественном труде, им в день Победы было всего 8 – 10 лет. Но их цепкая детская память сохранила картину войны и радости Победы. Может быть, память этого поколения еще какое-то время будет являться источником правды того исторического прошлого.

Книга «физтех помнит» — удивительное явление. Сколько уже написано о войне, а здесь простое маленькое воспоминание откуда-нибудь из-под Яхромы или из-под Орла, Харькова, Кубани, Урала, Сибири ... вдруг высвечивает в общей панораме событий такой «крупный план», какого не встретишь ни в самой подробной хронике, ни в романе, ни в фильме.

Уважаемый читатель, всмотритесь в сохранившиеся фотографии того времени авторов воспоминаний. Все они, будучи совсем молодыми вступали в самостоятельную жизнь, уже успев усвоить идеи патриотизма и глубокое понимание необходимости своего участия в судьбе Родины.

Думается, что книга «Физтех помнит», как капля вольется в море народной памяти о Великой Отечественной войне, о Великой Победе.

Наши ветераны, с точки зрения историка, избежали предвзятости, показных воспоминаний и выразили неприкрытую правду событий того исторического времени.

В отдельных воспоминаниях затронуты и послевоенные годы. Жизнь не останавливается там, где заканчиваются воспоминания. Поколение ветеранов Великой Отечественной Войны – это люди особого склада. И после победного окончания войны их дальнейшая жизнь была наполнена глубоким смыслом и яркими насыщенными эпизодами. Они с таким же упорством участвовали в восстановлении народного хозяйства, поднимали страну из руин, строили города и заводы.

Они учились, совершали научные открытия, воспитывали детей и внуков, формировали новые поколения. Их авторитет, слава и заслуги не

менее значительны, чем награды периода Великой Отечественной войны. И не случайно нынешние современники продолжают видеть в них наиболее активных, неутомимых и обеспокоенных людей и, порой, удивляются и завидуют их смелости, инициативности и энергии.

Прошло почти 60 лет после Победы. Нынешний молодой человек наверняка увидит в этой книге краешек той страшной войны и задумается над тем, как предостеречь от нее свое настоящее и будущее.

ГЛАВА I

ОНИ НЕ ВСЕ ОСТАВИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ

Седов Борис Сергеевич

Председатель совета ветеранов МФТИ.

В МФТИ с 1965 года.

Полковник в отставке, доцент.

1) ДЕНЬ ПОБЕДЫ!

Есть даты, соприкосновение с которыми всегда глубоко волнует людей, вызывает у них самые сильные чувства, еще резче подчеркивает их ответственность в настоящем за будущее. Именно такой датой является 9 Мая 1945-го – день Победы над фашистской Германией.

Почти 60 лет минуло с того незабываемого дня, когда над поверженным Рейхстагом взвилось Красное знамя нашей Победы. За прошедшие годы выросли новые поколения людей, родившихся после того, как к родным очагам вернулись солдаты-победители. Но время не изгладило и не может изгладить из народной памяти

а, наоборот, еще ярче высвечивает величие исторического подвига советского народа и его славных Вооруженных Сил.

Оглядываясь в прошлое, мы видим, как велика была опасность, нависшая над многими народами. Оккупировав большинство европейских государств, фашизм свой главный удар направил против нашей Родины. На бескрайних просторах от Баренцева до Черного моря развернулась ожесточеннейшая схватка с фашизмом.

22 июня 1941 г. против нас была брошена 5,5 миллионная армия. Ее поддерживали более 4300 танков и штурмовых орудий, около 5000 самолетов, до 48000 орудий и минометов.

В этот удар гитлеровцы вложили не только всю мощь фашистского рейха и его союзников, но и весь предшествующий опыт второй мировой войны, все военные навыки своих вышколенных, тщательно подобранных и обученных солдат и офицеров.

Начало войны сложилось крайне неблагоприятно для Советской страны. Сказались ограниченные сроки на решение сложных проблем перевооружения армии и флота. Несмотря на активно принимавшиеся меры, под-

итонка страны к отражению агрессии не получала тех завершенных форм, которые были необходимы для немедленного сокрушительного отпора агрессору. К тому же Советским Вооруженным Силам не хватало опыта ведения современных военных действий против оснащенного до зубов, сильно-го и коварного врага.

Советские люди никогда не забудут тех полных трагизма и героики летних и осенних дней и ночей сорок первого года, когда все они были вынуждены переходить от мирного созидания к ожесточенной борьбе с врагом, отстаивать не только результаты своего труда, не только свою свободу, но и само право на жизнь.

На Нюрнбергском процессе в 1946 году были вскрыты чудовищные преступления фашистов. Вот некоторые из них.

Перед вторжением в СССР, Гитлер вместе с приказом о задачах «СС» по истреблению населения, издал и чреватый тяжелыми последствиями приказ, отменивший уголовную ответственность солдат за преступные действия против населения.

Готовясь к захвату Москвы, Гитлер дал следующую директиву:

«Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были заполнены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа. Для других городов должно действовать правило: перед их занятием, они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами».

Да, такую варварскую психологию трудно понять нормальному человеку и сегодня!

1418 дней и ночей длилась Великая Отечественная война Советского народа с фашистской Германией. В ней решался вопрос мирового значения: падет Советский Союз – и миром овладеют силы реакции; выстоит страна Советов в этой борьбе, одержит верх – и тогда восторжествуют силы прогресса. От исхода ожесточенных сражений на советско-германском фронте зависела судьба человечества, его будущих поколений.

Руководство Советского Союза и его авангард – Коммунистическая партия в этот сложный и критический период сделали все для мобилизации страны на отпор врагу. История в мире еще не знала такого всенародного патриотического подъема, такого героического самопожертвования, железной стойкости, дисциплины, массового героизма, какие проявили в годы Великой Отечественной войны народы Советского Союза.

Историческая битва под Москвой навсегда развеяла миф о «непобедимости» немецко-фашистской армии и окончательно похоронила гитлеровский план «молниеносной» войны.

В знаменитых битвах под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, на Кавказе, под Курском и на Днестре, на Малой земле у Новороссийска Советская Армия добилась коренного перелома в ходе войны и полностью захватила инициативу вооруженной борьбы в свои руки. Последующие крупнейшие стратегические операции, такие как Корсунь-Шевченковская, Белорусская, Ясско-Кишиневская, Будапештская, Висла-Одерская, Пражская, Берлинская, широкое партизанское движение, которое развернулось на всей временно оккупированной фашистскими войсками территории, Движение Сопротивления в странах Европы, привели гитлеровскую Германию к окончательному разгрому.

Московский физико-технический институт со дня его основания (1946, 1951 г.г.) являлся кузницей высококвалифицированных кадров в основном для оборонных отраслей страны и Академии наук СССР. Работники физтеха очень много делали для укрепления обороны страны и развития фундаментальных наук в области теоретической и прикладной физики. С первых лет рождения МФТИ и до сегодняшнего дня большой вклад в обучение и воспитание многих поколений наших студентов вносили и вносят преподаватели и сотрудники института – участники Великой Отечественной войны.

В первые годы (1946 – 1965 г.г.) в МФТИ работало до 500 участников войны. Но, к сожалению, время неумолимо и жестоко к нашему здоровью. Ветераны по здоровью уходили из института. Участников войны становилось все меньше и меньше. В 1975 году участников ВОВ было 156 человек. В 1990 году – 54 человека. В 2000 году – 26 человек, а в 2004 году – осталось 10 человек.

В эти цифры не входят ветераны войны – труженики тыла. Труженики тыла как категория ветеранов Великой Отечественной Войны была определена «Законом о ветеранах» только в декабре 1994 года. На январь 2004 года тружеников тыла в МФТИ работает 55 человек.

Сегодня трудно восстановить пофамильно всех участников войны, начиная с 1946 года. В этой статье я перечислю всех ветеранов на май 1975 года, т.е. на период празднования 30-й годовщины Дня Победы. В годы Великой Отечественной войны 156 ветеранов – участников войны, работавших в этот год в МФТИ, принимали участие в различных сражениях на фронтах.

В первый же день войны (22 июня 1941 года) вступили в схватку с фашизмом:

Вергун Иван Клементьевич

Гуров Николай Иванович

Горячий Иван Тихонович

Зырянов Вячеслав Николаевич

Кузьмичев Дмитрий Александрович

В боях за столицу нашей родины – Москву принимали участие:

Авдеев Алексей Васильевич
Астапов Георгий Васильевич
Ананских Владимир Михайлович
Абрамов Андрей Максимович
Болдинова Мария Пименовна
Баринов Михаил Сергеевич
Быстров Иван Моисеевич
Гнетов Иван Алексеевич
Дмитровский Всеволод Васильевич
Ермолов Георгий Георгиевич
Журавова Лидия Севировна
Карасев Павел Михайлович
Коротков Алексей Федорович
Кочкин Петр Романович
Лихарев Валентин Иванович
Ложкин Николай Яковлевич
Лебедев Александр Васильевич
Маклаков Михаил Ильич
Мосина Татьяна Ефремовна
Петров Иван Федорович
Попов Леонид Стефанович
Попов Иван Андреевич
Полуянов Григорий Федорович
Родин Михаил Васильевич
Старицин Игорь Владимирович
Скотников Юрий Александрович
Терещенков Александр Никифорович
Трубачев Петр Алексеевич
Талисманов Валентин Сергеевич
Чекаль Валентин Яковлевич
Чаркин Александр Мартынович
Штарков Михаил Гаврилович

Участниками героической обороны Ленинграда были:

Анисимов Валерий Витальевич
Абрамов Андрей Максимович
Быстров Иван Моисеевич
Войтов Дмитрий Владимирович

Владимиров Василий Сергеевич
Вечерук Виктор Иванович
Вечерук Галина Исаковна
Вергун Иван Клементьевич
Волынский Анатолий Иванович
Дайнеко Любовь Яковлевна
Кондрашин Иван Иванович
Кузьмичев Дмитрий Александрович
Кузнецова Лидия Васильевна
Маклаков Михаил Ильич
Оганесова Зоя Владимировна
Перцев Сергей Павлович
Свирский Александр Владимирович
Синеокая Марина Владимировна
Сосинский Михаил Лазаревич
Трубачев Петр Алексеевич
Тихонов Иван Илларионович
Филимонов Иван Лукьянович

В сражениях под Сталинградом участвовали:

Астапов Георгий Васильевич
Беляков Павел Сергеевич
Войтов Дмитрий Владимирович
Галковский Георгий Лукич
Горячий Иван Тихонович
Дмитровский Всеволод Васильевич
Константинов Павел Александрович
Китаев Алексей Васильевич
Лебедев Петр Николаевич
Маклаков Михаил Ильич
Новиков Михаил Титович
Павлов Андрей Матвеевич
Померанцев Георгий Александрович
Вязовкин Владимир Федорович
Филинский Николай Иванович

Защищали:

Кавказ

Анисифоров Алексей Константинович
Брехов Алексей Михайлович
Гнетов Иван Алексеевич
Китаев Михаил Алексеевич
Макуха Валерий Иванович

Москалев Петр Иванович
Шени Виктор Иванович

Заполярье

Смирнов Петр Сергеевич
Рахманинов Владимир Сергеевич
Яковлев Александр Иванович

Севастополь

Вергун Иван Клементьевич
Тумпаров Хасан Мухамедович

Освобождали столицы Европейских государств:

Прагу

Ананских Владимир Михайлович
Будаев Иван Арсентьевич
Горячий Иван Тихонович
Константинов Павел Александрович
Комардин Георгий Герасимович
Лебедев Петр Николаевич
Лидский Виктор Борисович

Варшаву

Баринов Михаил Сергеевич
Беляков Павел Сергеевич
Ермолов Георгий Георгиевич
Кузнецова Лидия Васильевна
Китаев Михаил Алексеевич
Комаров Константин Павлович
Попов Дмитрий Ильич
Полуянов Григорий Федорович
Павлов Андрей Матвеевич
Терещенков Александр Никифорович
Филиппский Николай Иванович

Будапешт

Будаев Иван Арсентьевич
Вязовкин Владимир Федорович
Константинов Павел Александрович
Кривенков Юрий Петрович
Морозов Иван Петрович
Фетисов Владимир Иванович

Белград

Вязовкин Владимир Федорович

Штурмовали:

Вену

Бурихин Петр Игнатьевич

Войт Сергей Сергеевич

Талисманов Валентин Сергеевич

Кенигсберг

Глинский Леонид Степанович

Попов Леонид Стефанович

Синеокая Марина Владимировна

Чекаль Валентин Яковлевич

Берлин

Бурихин Петр Игнатьевич

Баринов Михаил Сергеевич

Бурятов Борис Николаевич

Беляков Павел Сергеевич

Дружченко Емельян Степанович

Ермолов Георгий Георгиевич

Китаев Михаил Алексеевич

Кочкин Петр Романович

Кузнецова Лидия Васильевна

Комаров Константин Павлович

Попов Леонид Стефанович

Попов Дмитрий Ильич

Полуянов Григорий Федорович

Терещенко Александр Никифорович

Филиппский Николай Иванович

Закончили войну на Эльбе

Камардин Георгий Герасимович

Попов Леонид Стефанович

Полуянов Григорий Федорович

Сражались на других фронтах Великой Отечественной войны

Агушева Антонина Николаевна

Беляков Александр Васильевич

Васин Ефим Тихонович
Волкогон Андрей Павлович
Венедиктова Эвелина Алексеевна
Гавеля Максим Антонович
Гротовляк Василий Михайлович
Дударев Иван Петрович
Ефанов Анатолий Сергеевич
Иванов Лев Николаевич
Иванов Владимир Данилович
Кизель Владимир Александрович
Круть Майя Васильевна
Кровяков Петр Уварович
Крючков Дмитрий Дмитриевич
Мачинская Татьяна Сергеевна
Митрофанов Виктор Дмитриевич
Митюшин Николай Алексеевич
Ольховский Владимир Иванович
Серов Николай Васильевич
Синицин Михаил Дмитриевич
Смирнов Александр Сергеевич
Ребров Александр Александрович
Тиваньян Валентин Федорович
Тихонин Иван Васильевич
Трубачев Петр Алексеевич
Федоров Валентин Александрович
Филиппов Иван Владимирович
Цирлин Аркадий Иосифович
Чернявский Владимир Николаевич
Четверикова Ирина Дмитриевна
Шагова Александра Ивановна
Шмонников Георгий Георгиевич
Шарабакина Дина Алексеевна
Шлойда Михаил Степанович
Шмелев Вячеслав Никитович

Прошли с боями от Москвы до Берлина:

Баринов Михаил Сергеевич
Попов Дмитрий Ильич
Попов Леонид Стефанович
Полуянов Григорий Федорович
Терещенко Александр Никифорович

Среди наших сотрудников был и участник парада Победы на Красной Площади – преподаватель института Леонид Степанович Глинский.

В августе 1945 г. Советский Союз, верный своим союзническим обязательствам, вступил в войну против империалистической Японии. Наши войска разгромили наиболее сильную группировку Японских сухопутных войск – Квантунскую армию, и тем самым значительно ускорили наступление долгожданного мира.

В боях против Японии принимали участие:

Зубков Степан Леонтьевич
Кашин Федор Иванович
Кузнецова Лидия Васильевна
Макаров Арсений Яковлевич
Марков Алексей Никанорович
Морозов Иван Петрович
Пулькин Василий Иванович
Попков Алексей Петрович
Серебряков Виктор Павлович
Трубачев Петр Алексеевич
Тумпаров Хасан Мухамедович

Вторая Мировая война окончилась победой стран антигитлеровской коалиции при решающей роли Советского Союза.

Советский Союз в войне 1941-1945 гг. понес огромные потери. Мы потеряли около 27 млн. человек военнослужащих и мирных жителей. При освобождении стран Восточной Европы Советская Армия потеряла более 3 млн. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Историческим фактом является то, что Советский народ внес решающий вклад в дело победы над фашизмом. И все злобствующие антисоветчики как внутри России, так и за ее пределами, этого опровергнуть не смогут.

Родина высоко оценила вклад участников войны в общую победу, наградив их орденами и медалями.

Среди участников ВОВ – работников института – награды получили:

Орден Ленина – 3 человека:

Беляков Александр Васильевич – трижды
Петров Иван Федорович – трижды
Синицин Михаил Дмитриевич

Орден Красного Знамени – 5 человек:

Петров Иван Федорович – трижды
Беляков Александр Васильевич – дважды
Попов Дмитрий Ильич
Синицин Михаил Дмитриевич
Глинский Леонид Степанович
Павлов Андрей Матвеевич

Орден Отечественной войны I и II степени – более 20 человек, в том числе:

Анисимов Валерий Витальевич
Болдинова Мария Пименовна
Владимиров Василий Сергеевич
Войт Сергей Сергеевич
Зубков Степан Леонтьевич
Китаев Михаил Алексеевич
Круть Майя Васильевна
Кривенков Юрий Петрович
Лидский Виктор Борисович
Маклаков Михаил Ильич
Митюшин Николай Алексеевич
Ольховский Владимир Иванович
Попков Алексей Петрович
Попов Леонид Стефанович
Попов Иван Андреевич
Серов Николай Васильевич
Синеокая Марина Владимировна
Терещенков Александр Никифорович
Цирлин Аркадий Иосифович
Шеин Виктор Иванович

Орден Славы III степени – 2 человека:

Попов Иван Андреевич
Талисманов Валентин Сергеевич

Орден Александра Невского – 4 человека:

Гуров Николай Иванович
Глинский Леонид Степанович
Лебедев Петр Николаевич
Фетисов Владимир Иванович

Орден Богдана Хмельницкого:

Гуров Николай Иванович

Орден Красной Звезды – 43 человека:

в том числе трижды:

Глинский Леонид Степанович

Гуров Николай Иванович

Зырянов Вячеслав Николаевич

дважды:

Войт Сергей Сергеевич

Вергун Иван Клементьевич

Попов Леонид Стефанович

Терещенков Александр Никифорович

Память о Великой Отечественной войне должна быть вечной. Об этом очень хорошо сказал выдающийся полководец четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Жуков Георгий Константинович:

«Я призвал бы нашу молодежь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно.

Советский солдат вынес тяжкие испытания. А сегодня старая рана заговорила, здоровье шалит, бывший фронтовик не станет вам жаловаться – не та закваска характера. Будьте сами предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в 1941-м, 42-м, 43-м, 44-м, 45-м».

2) СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ

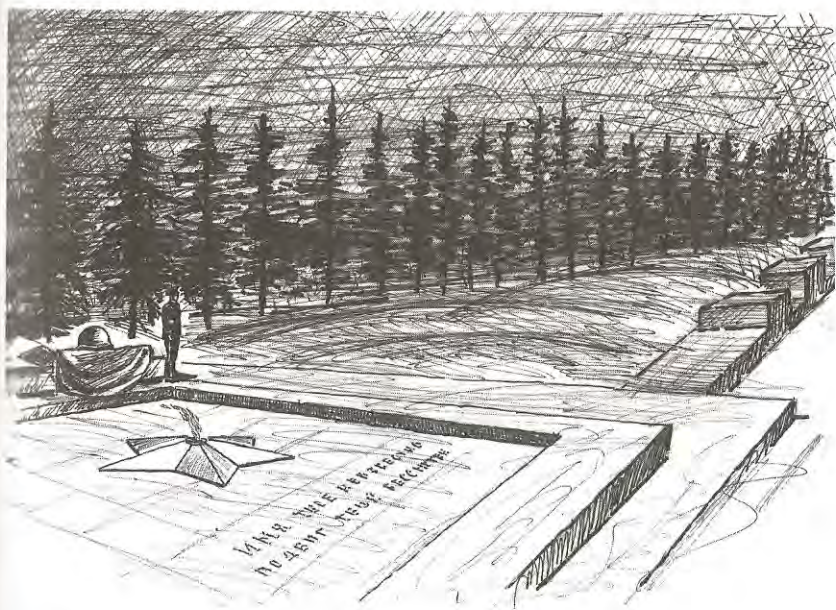
Городов-Героев Советского Союза

В конце 1979 года я будучи начальником военной кафедры МФТИ выступил с инициативой о доставке в музей института со всех Городов-Героев СССР Священной земли. Эту инициативу поддержал ректорат и партийный комитет МФТИ. Все необходимое для проведения этой операции было поручено организовать проректору института – участнику Великой Отечественной войны, профессору Кузьмичеву Дмитрию Алек-

сандровичу и начальнику военной кафедры полковнику, доценту Седову Борису Сергеевичу.

В это время получил бурное развитие Музей боевой и трудовой славы МФТИ, а штатным руководителем музея был назначен начальник 2-го отдела полковник в отставке, участник ВОВ Попов Леонид Стефанович.

На торжественном собрании института в феврале 1980 года, посвященном 62-й годовщине Советской армии и ВМФ (в те годы такие собрания проводились ежегодно и имели большое политическое и воспитательное значение) было объявлено о принятом ректоратом и парткомом решении, которое было согласовано с Советским Комитетом ветеранов войны, о направлении ветеранов ВОВ и групп студентов, победителей социалистического соревнования в честь 62-й годовщины Советских Вооруженных Сил в Города-Герои для ознакомления с полями сражений в этих местах и доставки Священной Земли в капсулах от мемориалов Городов-Героев в институт.

Председатели секций ветеранов войны Городов-Героев получили соответствующие распоряжения от Советского комитета ветеранов войны об оказании необходимой помощи на местах для выполнения этой почетной миссии.

Время поездки наших делегаций было определено – апрель 1980 год. За период февраль-март были подобраны кандидатуры от ветеранов ВОВ

и студентов. Бухгалтерия института выделила необходимые денежные средства для оплаты всех командировочных расходов. В начале апреля 1980 года все группы были собраны в музее института для предметного инструктажа. Определялось, что торжественная доставка и закладка Священной Земли будет проведена на торжественном собрании 6 мая 1980 года, т.е. в день 35-летия Праздника Победы.

Все председатели Советов ветеранов войны Городов-Героев были мною поставлены в известность о времени прибытия наших делегаций и их составе.

Следует отметить, что во всех Городах-Героях местные власти к нашим делегациям относились с большим вниманием и оказывали всяческую помощь во всем. По всем инструкциям о выдаче такой земли требуется ее не просто взять где-то, а обязательно со священных мест, а земля должна пройти термическую обработку. Без этой операции ее передавать на хранение нельзя.

Интересна история присвоения городам этого почетного звания. Первые Города-Герои были названы в Приказе Верховного главнокомандующего И.В. Сталина 1 мая 1945 года, это – Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одесса. В мае 1965 года было утверждено «Положение о Городах-Героях», в котором этому городу вручалась «Золотая звезда» и «орден Ленина». Этим же указом Президиума Верховного совета СССР от мая 1965 года присваивались звания «Город-Герой» – Москве, Киеву, Брестской крепости («Крепость-Герой»).

В 1973 году становится «Городом-Героем» Новороссийск.

В 1974 году – Минск и Керчь.

В 1976 году – Тула.

В мае 1985 года – Мурманск и Смоленск.

5 мая 1980 года в Концертном зале МФТИ прошло торжественное собрание коллектива института, посвященного 35-ой годовщине Великой Победы Советского народа над фашистской Германией.

Священную Землю с Городов-Героев доставили следующие делегации из участников ВОВ, сотрудников МФТИ и студентов института (номера студенческих групп на период 1980 года):

Москва

Землю, взятую с северных рубежей обороны столицы, доставили:

- ♦ генерал-л-т, участник ВОВ, Петров Иван Федорович
- ♦ пол-к в отставке, участник ВОВ, Попов Леонид Стефанович
- ♦ пол-к Сячинов Александр Николаевич
- ♦ секретарь ком. ВЛКСМ института Зернов Владимир Алексеевич

Ленинград

Землю, взятую на Пискаревском кладбище, у монумента на Пулковских высотах и у памятника на Невском пятачке, доставили:

- ♦ под-к в отставке, участник ВОВ, Трубачев Петр Алексеевич
- ♦ студент 613 гр. Тужилкин Владимир Алексеевич
- ♦ студент 611 гр. Лизунов Александр Борисович

Киев

Землю, взятую с могилы неизвестного солдата и с мест первой линии обороны города, доставили:

- ♦ под-к в отставке, участник ВОВ, Глинских Леонид Степанович
- ♦ Студент 683 гр. Базакуца Павел Владимирович
- ♦ Студент 682 гр. Колосов Олег Викторович

Минск

Землю, взятую с разных мест боев под Минском и переданную нашей делегации в Белорусском Государственном музее ВОВ, доставили:

- ♦ Профессор, ст. л-т в отставке, участник ВОВ, Китаев Михаил Алексеевич
- ♦ Студент 624 гр. Иванов Сергей Николаевич
- ♦ Студент 755 гр. Еременко Николай Федорович

Сталинград

Землю, взятую с мест самых ожесточенных боев на Мамаевом кургане, доставили:

- ♦ Пол-к в отставке, участник ВОВ, Новиков Михаил Титович
- ♦ Студент 552 гр. Галишников Игорь Викторович
- ♦ Студент 654 гр. Михайлов Сергей Анатольевич

Севастополь

Землю, взятую на Сапун-горе, доставили:

- ♦ пол-к в отставке, участник ВОВ Вергун Иван Климентьевич
- ♦ студент 642 гр. Баранов Юрий Феликсович
- ♦ студент 644 гр. Мухин Юрий Викторович

Одесса

Землю, взятую на Аллее Славы у памятника неизвестному матросу, где захоронены герои ВОВ, павшие за освобождение города, доставили:

- ♦ Доцент, мл. л-т в отставке, участник ВОВ Ольховский Владимир Иванович
- ♦ Студент 632 гр. Марков Вячеслав Витальевич
- ♦ Студент 631 гр. Кобелев Владимир Владимирович

Керчь

Землю, взятую у обелиска Славы, доставили:

- ♦ доцент, мл. л-т в отставке, участник ВОВ, Макуха Валерий Иванович
- ♦ студент 676 гр. Задорин Игорь Вениаминович
- ♦ студент 775 гр. Кудрик Сергей Валентинович

Новороссийск

Землю, взятую с легендарной Малой Земли, доставили:

- ♦ ст. л-т в отставке, участник ВОВ, Цирлин Аркадий Иосифович
- ♦ студент 623 гр. Ющенко Олег Петрович
- ♦ студент 623 гр. Шагин Петр Михайлович

Тула

Землю, взятую с рубежа боев Тульского рабочего полка и с братской могилы воинов, погибших при защите города, доставили:

- ♦ лейтенант в отставке, участник ВОВ Ложкин Николай Яковлевич
- ♦ студент 666 гр. Варганов Игорь Юрьевич

Брестская крепость

Землю, взятую у стен Брестской крепости, где каждый сантиметр земли полит кровью ее защитников, доставили:

- ♦ ст. л-т в отставке, участник ВОВ, профессор Лидский Виктор Борисович
- ♦ студент 632 гр. Бекиш Владимир Станиславович
- ♦ студент 632 гр. Легостаев Игорь Викторович

Мурманск

(доставлена в МФТИ в мае 1985 года)

Землю, взятую с рубежей береговой обороны Североморска и Мурманска, доставили:

- ♦ полковник, доцент Альбов Леонид Иванович
- ♦ подполковник Зыков Григорий Свиридович
- ♦ студент Дюбайло Владимир Васильевич

Смоленск

(доставлена в МФТИ в феврале 1986 года)

Землю, взятую у Вечного Огня братской могилы воинов Смоленского кремля, доставили:

- ♦ Майор Прусаков Игорь Борисович
- ♦ Студент ФМБФ Трихачев Сергей Юрьевич

Порядок перечисления Городов-героев соответствует их расположению у Кремлевской стены в г. Москве. Из Концертного зала института Священная земля по приказу ректора (приказ подписывал проректор Кузьмичев Д.А.) была перенесена в Музей МФТИ и взята под ответственность Попова Леонида Стефановича.

Вся эта церемония проходила торжественно-трогательно. Многие присутствующие на этом собрании плакали. Это не красное словцо, это правда. Все, что связано с Великой Отечественной войной для абсолютного большинства людей и сегодня их волнует, а равнодушные иных – не очень хороший признак.

Необходимо, в заключении, отметить следующее. В конце 80-х годов (ректором в это время стал профессор Карлов Николай Васильевич) по каким-то причинам было рекомендовано Священную землю из Музея института убрать. Я не получил убедительного объяснения этому шагу. Мне ничего не оставалось, как забрать Землю на территорию военной кафедры, где она хранится и сегодня. Все студенты, начиная прохождение военной подготовки, знакомятся с историей доставки земли в институт. По лицам студентов можно твердо сказать, что Священная земля Городов-Героев их делает более серьезными, и приходит понимание, что это не просто какая-то горсть земли, а именно священная, политая кровью миллионов советских людей, ради независимости своей Родины и жизни последующих поколений, и их собственной в том числе. Хочешь проверить себя на зрелость, на умение оценить подвиг старших поколений ради тебя – подойди к Священной земле городов-героев. Около нее получишь ответ.

ГЛАВА II

КАК МЫ ЗАЩИЩАЛИ РОДИНУ

Болдинова Мария Пименовна

Родилась в 1923 году.

В МФТИ в 1956-1996 годах.

Старший преподаватель

кафедры иностранных языков.

Оттремел школьный выпускной бал 17 июня 1941 г. Счастливая поступила в 1-й МГПИИЯ и вдруг... война! Она была долгой, изнурительной и казалась нескончаемой... Москву бомбили; эвакуировались многие заводы, предприятия, увозили детей; улицы и все дома были затемнены. Вечерами дежурили на крышах, собирали «зажигалки», по ночам старались спать в бомбоубежищах. Начался голод и холод, приходили похоронки — ничего нет страшнее войны.

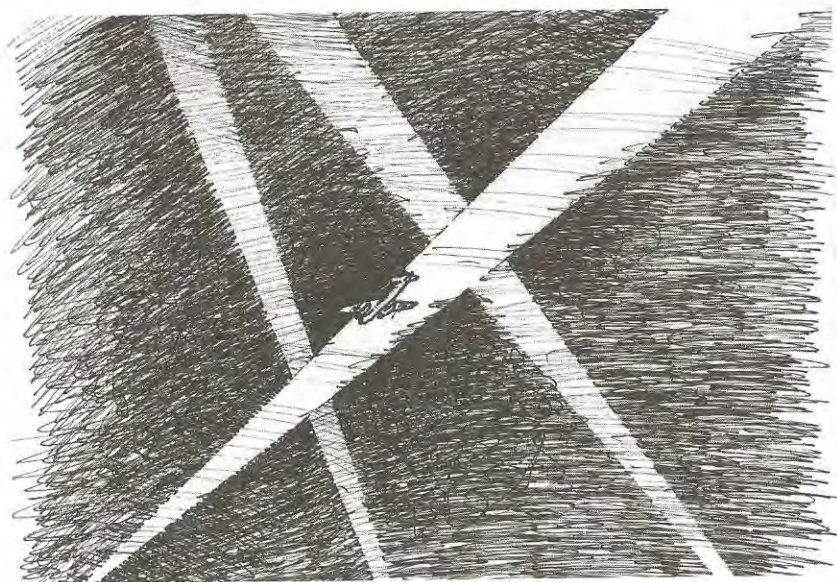
Оставшиеся в Москве работали по 14-16 часов, многие не покидали неделями военные заводы; изучали противогаз, учились стрелять и оказывать первую медицинскую помощь. Но я не стала санинструктором, судьба распорядилась иначе...

Наконец, появился указ, подписанный М. И. Калининым, разрешавший мобилизовывать в Армию и девушек. В 1942 г. 9 апреля я была направлена в 14-й зенитно-прожекторный полк, который располагался от Солнечногорска до Клина. Наш полк защищал небо на подступах к Москве от налетов немецких бомбардировщиков и самолетов-разведчиков. Овладела специальностями связиста-телефониста, а чуть позднее прожекториста. Нас называли «лунатиками», потому что с наступлением темноты и до рассвета мы находились в окопе у прожектора, готовыми в любую секунду «дать луч» и осветить вражеский самолет. В конце 1943 года пришлось работать на единственном в нашем полку английском радиолокаторном прожекторе. И так было до конца войны: бессонные ночи в окопе у прожектора, а днем, чуть поспав, учеба, охрана станции, чистка и уход за прожектором и подготовка его к ночной службе.

И настал день 2 мая 1945 года, пришла долгожданная победа: Берлин взят, Германия капитулировала. Радости не было конца, плакали от счастья. А 24 июня 1945 года – Парад Победы! Наш полк принимал участие в этом торжестве. Мы стояли с нашими прожекторами, вытянувшись по Садовому Кольцу. Вечером, когда был салют Победы, я включила рубильник и дала последний луч, направив его на Кремлевские башни.

Вернувшись домой в августе 1945 года, возобновила занятия в моем любимом институте иностранных языков.

Трудно пришлось нам, молоденьким девчатам и ребятам, на войне. Но мы выполнили свой патриотический долг. И не зря написал о нас поэт А. Старшинов: «Нам, кажется, Россию доверяли, и мы ее не подвели».

Владимиров Василий Сергеевич

Академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской и Государственной премий, премии Правительства РФ, Золотой медали Ляпунова АН СССР, Золотой медали Боголюбова РАН, Золотой медали Бернарда Больцано Чехословацкой АН. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени и 14-ю медалями.

Родился 9 января 1923 года, призван в армию в конце августа 1941 года. На Ленинградском фронте с ноября 1941 года по декабрь 1944 года. Демобилизовался в октябре 1945 года как студент III курса.

Профессор Физико-технического института с 1964 года по 1988 год.

Три сюжета из моей военной службы.

Мне уже 81. Всё чаще и чаще возвращаюсь в своих мыслях к годам моей юности, к ужасной блокадной зиме 1941/42 годов. Война меня, призванного 41-го года, застала в Публичной библиотеке Ленинграда. Я готовил последний экзамен за II курс физического факультета Ленинградского университета – диалектический материализм. В 12 часов 20 минут нам объявили, что началась война.

В июле-августе вместе со студентами университета я работал землекопом на строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом, мы отступали вместе с Красной Армией от Кингисепа до Тосно. Вернулся 28 августа, вспомнил престольный праздник Успения в моей родной деревне. В тот же день был призван в Красную Армию и направлен курсантом в Военно-автомобильное училище ВВС ЛФ в Ленинграде.

Окончил училище по специальности тракторист – водитель гусеничных машин и 19 ноября 1941 года был направлен в составе маршевой колонны из 40 солдат, молодых шоферов и трактористов, в аэродромно-техническую роту № 13 61-ого Батальона аэродромного обслуживания 96-го района авиабазирования ЛФ на один из незахваченных немцами военных аэродромов под Ленинградом. На этом аэродроме был единственный на Ленинградском фронте ночной истребительный авиационный полк, защищавший ночной Ленинград от немецких стервятников. Но прежде чем взлететь нашим ястребкам, трактористы должны были укатать (обычно после снегопадов) взлётно-посадочную полосу площадью 1200 x 200 м².

Командир роты В. Крылов сказал нам, что горючего мало, есть более опытные трактористы, и, стало быть, пока мы будем служить рядовыми красноармейцами, помогать трактористам, патрулировать окрестные леса и дороги, нести караульную службу и т.д., будем жить в землянках в этом же лесу и добавил, что с сегодняшнего дня норма блокадного хлеба уменьшается с 400 граммов на человека до 300, соответственно будет уменьшен и без того скудный приварок. Жуть!

Скажу сразу, что никаких боевых героических подвигов я не совершал. Моя служба на различных военных авиабазах под Ленинградом состояла в бесперывном труде (рядовым, трактористом, метеорологом) и страданиях, в борьбе с голодом, холодом, вшами и болезнями, под бесконечными бомбёжками и обстрелами, под воздушными боями над головой. Служба моя длилась 50 месяцев, — в конце октября Победного 1945 года я был демобилизован как студент III курса университета.

Вспоминаю три сюжета из моей службы в армии в самые страшные блокадные месяцы — ноябрь, декабрь, январь 1941/42 годов. Следует сразу же сказать, что люди, в том числе и ваш покорный слуга, действующие в этих сюжетах, были сильно истощены и слабы как в физическом, так и в моральном, и в умственном отношениях, находились как бы в полубессознательном состоянии. Поэтому их действия не всегда были адекватными.

1. Как я чуть не сгорел.

На следующий день после прибытия в роту меня определили в составе группы из четырёх человек на работу на склад боеприпасов, который располагался в лесу недалеко от наших землянок. Заведующий складом Кротов привёл нас в маленькую 3 x 3 м² землянку в 3-4 наката и сказал, что мы здесь будем набивать пулемётные ленты для самолётов и показал, как это делать. Один солдат отмывает от гари уже использованные ленты в баке с керосином (или лигроином?) и сушит. Бак стоял слева от входа напротив печурки, расположенной справа от входа. Другой солдат заготавливает дрова, топит печурку и греет воду из растопленного снега. Два остальных солдата за столиком у окошечка противоположной стены набивают вымытые и высушенные ленты по 500 патронов в каждой с периодом 3: простой, бронебойный, трассирующий, и т.д. Негодные для зарядки патроны выбрасывать, но ...куда? — на пол, где уже скопилось их не одна сотня, многие из которых были раздавлены. Через два часа меняем места. Так мы проработали два дня. Как-то я спросил:

— Ребята, как бы не вспыхнуло, ведь рядом печурка?

— Я уже давно здесь работаю, ничего не случилось, — один солдат ответил, а Кротов ничего не сказал. На третий день случилось то, что и должно было рано или поздно случиться. В это время я вместе со своим напарником (имя его не помню) набивали патроны у окошечка. Кто-то вскрикнул, и я, обернувшись, увидел, что вся противоположная стена ох-

вачена сплошным огнём, особо сильно бушует пламя над баком с керосином. Выход из землянки также был объят сильным пламенем, пробиться наружу через него было невозможно, наших двоих товарищей не видно. Горящий вал неудержимо приближался к нам. Начали взрываться патроны, лежащие на полу. Это было видно по траекториям трассирующих пуль. Пламя приближается к цинковым ящикам, в которых хранились около 80 тысяч патронов. Мелькнула мысль, – а вдруг где-то в землянке хранятся гранаты или мины? Казалось, мы обречены. Тут я вспоминал маму и Бога, шепчу про себя:

– Спаси, Боже, сохрани... Мама, мама, я погибаю...

Единственное спасение – пролезть через окошечко, если пройдут голова и плечи. Опомнившись, мы разбиваем стекло в окошечке, судорожно рвём рамку и гвозди руками и зубами. Первым полез в окошечко мой напарник, но тщетно: плечи широки. Я вылез легко и помог товарищу выбраться, вытащив его из окна за ноги. Выйдя из ямы, мы увидели собравшихся людей из соседних землянок – караульного помещения и гауптвахты, которые и извлекли из тамбура двух наших товарищей, сильно обгоревших. Их отправили в санчасть. Позже мы узнали, что один из них вскоре умер. Попытки погасить пожар не увенчались успехом. Политрук 1-ой роты Григорий Мефодьевич Ножко метнул две гранаты в тамбур землянки, но она не разрушилась, и ещё до вечера ухали взрывы...

2. Как меня опускали в колодец.

Это было в конце декабря 1941 года. Политрук роты Кузнецов сказал мне, что я совсем отошел и неплохо бы мне подкормиться. Для этого он назначил меня рабочим по кухне. Бригада из трёх солдат, рабочих по кухне, назначаемых на одни сутки, должна была вскипятить семь котлов по семь ведер в каждом для завтрака (каша, чай), обеда (суп, каша, чай) и ужина (каша, чай) для более чем 200 солдат и командиров.

С дровами не было проблем: кругом росли высокие берёзы, только пили и коли. С водой было плохо, снега было мало, стояли сильные морозы, колодец пересох. Ротный конь, на котором привозили воду из ближайшего дачного посёлка за 4 км, подох ещё в начале зимы (или ему помогли) от бескормицы и был съеден. Единственный способ добыть воду – это опустить одного из нас в колодец, чтобы кружкой вычерпывать воду из лунки на дне колодца. Выбор пал на меня, как на наиболее тощего и наименее рослого. Меня опустили на верёвке на глубину в 6 метров, там было почти ничего не видно. Вокруг лунки образовалась конусообразная льдина, так что ни ведро не поставить, ни самому не уместиться на склоне, да ещё надо черпать кружкой воду. Жутко. Положение усугублялось ещё тем, что при подъёме верёвкой ведра с водой (ворота, конечно, не было), вода расплёскивалась и обливала меня, попадая даже за воротник шинели. Часа через два я превращался в «ледышку», а на мои плачи и требования поднять меня хоть на 10 минут неизменно отвечали:

– Потерпи, пока не наберем два котла воды, ведь в 4 часа утра придет повар.

Но всему рано или поздно приходит конец. После завтрака всё повторялось, нужно было, как было сказано выше, добыть уже три котла воды для обеда, а после обеда – ещё два котла для ужина. Днем было полегче: повар накинул мне на голову что-то вроде мешка или клеёнки, а в колодеце было теплее и светлее.

Ещё дважды перед Новым 1942 годом меня назначали рабочим по кухне. С добычей воды стало легче, нашёлся в роте ещё один ходячий солдатик (такой же доходяга, как и я) моих габаритов, и нас опускали в колодец по-очереди. После Нового года выпало много снега, потом была оттепель, а к весне колодец стал постепенно наполняться водой. Но политрук уже больше не назначал меня рабочим по кухне...

3. Как погиб мой друг Вася Гаврилов.

До войны Вася Гаврилов (1921г. рожд.), как и я, был студентом ЛГУ, мы оба, учились в одной группе, в общежитии жили в одной комнате, на оборонных работах – в одной бригаде, в училище и на аэродроме – в одном взводе, в карауле – на одном посту. Мы дружили. Его родители жили в небольшом городке Чудово под Ленинградом. Мать – преподавательница французского языка, отец – районный уполномоченный комитета заготовок (уполкомзаг). Одним словом, Вася происходил из интеллигентной сравнительно обеспеченной городской семьи. Он совсем не был приспособлен к трудностям лесной жизни в землянках, от чего очень страдал.

Хотя наша рота была технической, она обязана была каждую неделю на одни сутки выделять гарнизонный караул для охраны важных объектов: самолётов, складов горюче-смазочных материалов и боеприпасов, командных пунктов, въезда на аэродром и т.д. В январе 42 года в нашей роте было четыре студента из 40 солдат, прибывших в ноябре. Один из них, Андреев, был больной, лежал на нарах в землянке и ждал отправки на Большую землю. Остальных троих студентов политрук почти всегда назначал на самый ответственный и опасный пост – бомбосклад, наиболее близкий к передовой линии фронта, часовые на этом посту иногда бесследно исчезали. При этом он всегда загадочно говорил:

– Вы, студенты-комсомольцы, успеете выстрелить...

Очередной наряд мы получили в ночь на 19 января. Стояли лютые Крещенские морозы. Связка из трёх студентов опять была назначена на бомбосклад. В этот вечер Вася был необычно активен, разговорчив. Лежа на нарах в шинели в караульном помещении (землянке), он вспоминал о разных вкусных вещах, – винограде, апельсинах и колбасах, которые ему удалось поесть перед войной и которые он называл деликатесами. Вася даже нашёл в кармане малюсенький кусочек сахара и поделил его со мной. Я был весьма поражён этим его добрым поступком, ведь рань-

ше мы никогда не делились едой. Лёжа рядом и слушая Васю, я тоже с тоской стал вспоминать свою довоенную студенческую, хотя и полуголодную, но всё же счастливую жизнь. Вспомнил кинотеатр «Октябрь», что на Невском проспекте, в котором я впервые увидел фильм «Большой вальс». Теперь звучат, как бы про меня, щемящие душу слова под замечательную музыку:

Сказки Венского леса я увидел в кино -

Это было недавно, это было давно.

Разве мог я подумать, мог поверить тогда,

То, что с юностью нашей расстанюсь навсегда...

Но вернёмся в караул. В 3 часа 45 минут ночи я пошёл по лесной заśnieженной дороге на смену Васи, как всегда без разводящего в нарушение Устава караульной службы. Но это дело не солдатское, а начальника караула (карначя). До поста было около километра. Подходя к посту, на расстоянии 100-150 метров до поста, я не увидел как обычно нетерпеливо ждавшего смену часового. Что случилось с Васей? Может быть его убили, или утащили, или захватили немцы (или финны) и ждут его сменщика? Может быть, он замерзает или уже замёрз в укрытии? Много вопросов. Что мне делать? Может быть, вернуться? Вот где пригодился бы разводящий! Сознание моё было настолько затуманено, чувство боязни было настолько притуплено, что мысль о возвращении сразу отпала, единственное было желание, чтобы всё как-то кончилось, будь что будет... Я быстро подошёл к посту, к укрытию, окликнул Васю, ответа не последовало. Войдя в укрытие, я увидел его прислонившимся к бомбовой стенке, замерзающим. Винтовка была выпущена из рук. Я ему сказал:

– Иди. Винтовку я принесу.

Он едва прошептал:

– Не могу.

Тогда я вывел его на дорогу, отпустил его руку, и он упал, идти самостоятельно он не мог. Я отвёл его обратно в укрытие. Моя винтовка была заряжена ещё в караульном помещении, и я начал стрелять в воздух, вызывая наряд. Расстрелял всю обойму, никто не пришёл, вопреки обещанию политрука. Что делать? Вася замерзает. Вдруг я увидел на дороге приближающуюся ко мне чёрную точку. Сначала я подумал, что это волк (я ждал двоих), но это оказался человек (не из нашего караула). На мою команду:

– Стой! Кто идёт? Пароль? – Я щелкнул затвором незаряженной винтовки. Он стал многословно объясняться:

– Я командир сапёрного взвода Соловейчик, пароля я не знаю, но прошу пропустить меня через бомбосклад к землянке моего взвода, которая совсем близко, иначе мне придётся далеко обходить аэродром, минное поле и т.д., – мы узнали друг друга, так как он проводил в нашей роте занятия по сапёрному делу. Я колебался: вдруг он тайный враг, подорвёт бомбос-

клад вместе со мной миной замедленного действия, и никто никогда не узнает, или он мог быть дежурным по гарнизону и, проверяя мою бдительность, провоцирует меня? Он настаивал. Вася замерзает. И я решил, будь что будет, пропустить командира через пост (в нарушение устава), взяв с него обещание сразу же позвонить карначу о Васе. Он сдержал своё слово. Минут через 20 появились разводящий с солдатом, матерясь:— Это вы, студенты, опять мутите, мать вашу... — Я вывел Васю на дорогу, отпустил его руку, он опять упал, солдат начал его пинать сапогом в бок, матерясь. Я закричал:

— Что вы делаете, ведь человек умирает?! — Тогда они, схватив его под мышки, поволокли по дороге к караульной землянке. Только теперь я мог вздохнуть спокойно. Мне пришлось протанцевать на посту четыре

часа, вместо двух, почти превратившись в «ледышку». Когда, наконец, меня сменили в 8 часов утра и я, вернувшись в караульную землянку, «оттаял», мне бодрствующие солдаты рассказали, что Вася был ещё жив, когда его приволокли, вызвали ротного военфельдшера, он пытался помочь ему, спасти, но тщетно, он даже не ел хлеб с жиром. Вася при «оттаивании» вскоре скончался. Тело его уволокли и сбросили в полуразрушенную снарядом землянку к другим телам погибших бойцов. К весне они были похоронены в братской могиле на ближайшем гражданском кладбище под Ленинградом около станции Горская. Сейчас на этом месте мемориал.

Старшина роты вручил мне Васины очки и пачку писем от Васиной мамы. Вот и всё, что осталось от Васи! Он не дожил всего 6 дней до первой прибавки хлеба с 300 до 400 граммов в день на человека, при этом качество хлеба значительно улучшилось.

Через несколько дней я написал Васиной маме письмо о гибели её сына «от холода и голода». На следующий день меня вызвал политрук роты в командирскую землянку и, вскрыв моё письмо-треугольник, спросил:

– Это вы писали?

– Да, я, – ответил я.

– Об этом пока писать преждевременно, всё равно письмо не дойдёт, – сказал он, вернул мне письмо и приказал сжечь его здесь же в печурке. И всё-таки я перехитрил политрука. Через четыре месяца, уже в июне 42 года, когда у меня разбились очки, и меня отпустили в гарнизонную поликлинику в осаждённый Ленинград, я опустил в почтовый ящик письмо с печальной вестью к Васиной маме, и оно дошло. Переписка с ней продолжалась до конца войны. Но это уже другая история...

Зубков Степан Леонтьевич

Родился в 1922 г.

В МФТИ с 1948 г.

Учебный мастер.

В то время мы, молодые, увлекались авиацией. В 1939 г. учился в аэроклубе, на годичных курсах, без отрыва от производства. Практику проходили на самолетах У-2 («кукурузник» ПО-2) где готовили пилотов запаса. Я вместе с товарищами прошел весь курс самолетовождения и высшего пилотажа. Во время учебы были и драматические, и смешные случаи. Так при обучении летной практике, при полете в зону появился запах бензина в кабине. При осмотре на фюзеляже обнаружено пятно, рядом с выхлопным патрубком мотора. Была опасность пожара, но мы с курсантом, быстро пе-

решили на малые обороты двигателя, развернули машину и пошли на посадку против взлета. При обследовании на земле обнаружена лопнувшая трубка, идущая на указатель бензиномера на щитке.

При подготовке к празднику, решили пустить с самолета на стадион города парашютистов. Во время тренировок, при прыжке, направление ветра изменилось и парашютист полетел на жилые дома. Парашютист попал на двор где был наш дом, находившийся рядом со стадионом. Купол упал на вишневые деревья и колодец, а парашютист оказался на телеге стоящей посреди двора. Этим парашютистом оказался мой инструктор старший лейтенант Анчихров. Я после дневных полетов отдыхал дома. После такой встречи я помогал ему снять ремни, собрать парашют, вынести на улицу и уложить на прибывшую машину. Анчихров отправился на машине на аэродром. После этого прыжки над стадионом были прекращены.

Был случай, при прохождении прыжков с парашютом с самолета, один наш курсант Иван Флегантов при прыжке попал в штопор, парашют был запутан стропами, и он разбился.

По окончанию курса обучения в аэроклубе, специальная комиссия НКО устроила экзамен.

В 1940 г. я был призван на срочную службу в Тихоокеанский Флот. Направлен в электромеханическую школу в г. Владивосток. Школа находилась на Русском острове, обучение проходило около года. Все знания, полученные в аэроклубе, пригодились. Получил специальность «маши-

нист турбинных установок». В мае 1941 г. был распределен на эскадренный миноносец «Разящий» ОЛС ТОФ, машинистом-турбинистом корабельных установок. После прохождения практики был командиром машинного отделения, а затем назначен старшим механиком машинной команды, имеющей 36 машинистов, с большой мощностью корабельных установок. Командиром корабля был капитан III ранга Кошкарёв, зам. командира капитан лейтенант Лобов С.М.

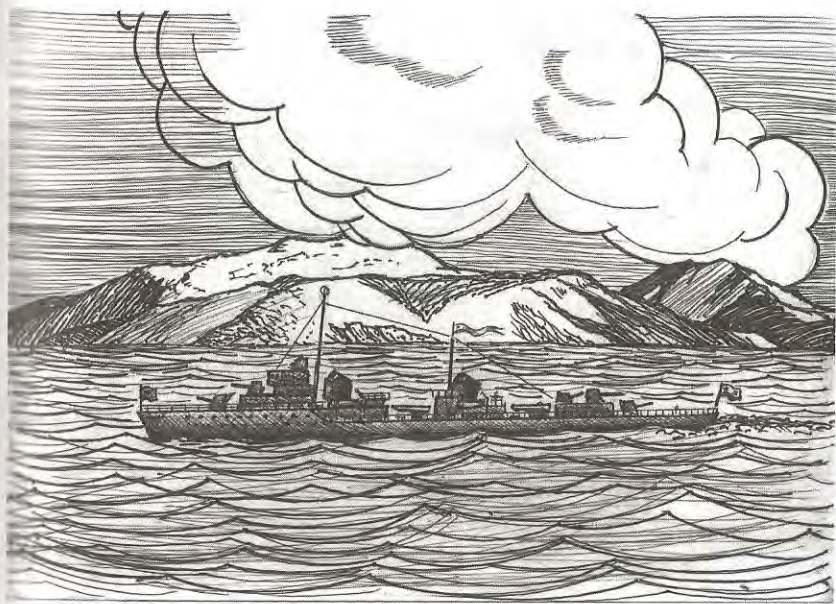
Когда началась война с Германией э/м «Разящий» стоял во Владивостоке в доке на ремонте. Корабль быстро отремонтировали, и он вышел в море. Все ожидали, что война вот-вот начнется с Японией. Но Япония не пошла войной на Дальний Восток, боясь отпора, так как наши войска и флот были хорошо вооружены и подготовлены к отпору. Наш э/м «Разящий», находясь при ОЛС ТОФ совместно с другими кораблями, находились в походах, дозорах в Японском море. Находились в боевом положении, не выходя на берег по несколько месяцев подряд. В одном из походов, у берегов Японских островов, вышли из действия котельные. Параметры давления и температура пара резко были понижены, что могло вызвать в паропроводах высокого давления «водяную рубашку», что очень опасно для работающих турбинных установок, так как «водяной удар» в турбинах выводит из строя всю машинную установку. Команда быстро отреагировала на опасность, прекратила подачу на турбины, оставив на малых ходах вспомогательные механизмы. Через некоторое время, котельные дали положенные параметры в машинные отделения. Таким образом устранили неисправность и дали ход машинам, своевременно отойдя от Японских берегов.

Находясь в море у Японских берегов получили радиограмму, что в нашем квадрате потерпел аварию наш самолет СБ. Четыре летчика успели выбраться и на надувной лодке находились в море. Мы их искали всю ночь и только под утро их обнаружили и спасли.

В ходе службы окончил курсы легко-водолазов с глубиной погружения до 30 метров. Приходилось в аварийных случаях использовать погружения для выполнения подводных работ. Во время похода в море, мы попали в сильный шторм. Уходя от него, мы стали заходить в бухту Владивосток, где при выходе получили сильный удар волны в кормовую часть корабля. От удара во втором машинном отделении была выбита часть трубопроводов холодильника для конденсата воды котельных, что вызвало засоление. Котельные прекратили работу. В результате были опущены якоря, которые не удерживали на грунте, и нас несло на скалистый берег. Корабль клало с борта на борт, мачты касались водяных волн. Соседние корабли не могли оказать нам помощь из-за волнения. От кормы до берегов оставалось 18 кабельтовых. Для устранения неисправности в холодильнике через люки стали заглушать пробками выпешшие из строя трубки. Запустили опреснители из забортной воды... Боролись около двух су-

ток. Когда устранили, пустили машинную установку и уже винтами стали себе помогать не идти на берег.

В 1942 г. по Северному морскому пути во льдах, впервые из Владивостока на Северный морской театр за одну навигацию с 15 июля по 14 октября прошел отряд боевых кораблей из ОЛС ТОФ лидер «Баку» (командир-капитан III ранга Б.П. Беляев), эскадренные миноносцы: «Разумный» (командир капитан-лейтенант В.В. Федоров), «Разъяренный» (командир капитан-лейтенант Н.И. Никольский) благополучно прибыли в Кольский залив. За 61 ходовые сутки корабли прошли свыше 7 тыс. миль. В эту группу перехода был включен э/м «Ревностный», но в Татарском проливе у Сахалина потерпел аварию, столкнувшись с торговым судном. По заданию командования ТОФ наш э/м «Разящий» вышел на помощь. Из Владивостока до Татарского пролива мы за сутки, полным ходом прошли 1200 миль. На э/м «Ревностный» шла борьба за живучесть корабля, откачивали поступавшую воду, заделывали пробоины пластырем и укрепляли перегородки. В результате носовая часть была пробита и развернута на несколько градусов. После чего взяли поврежденный корабль на буксир и отвели его в Советскую гавань в мастерские.

В конце 1942 г. – начале 1943 г. группа подводных лодок ТОФ совершила беспрецедентный в истории подводного плавания переход с Дальнего

Востока на Север через 2 океана и 9 морей. Общая протяженность похода около 17 тыс. миль.

В начале войны с Японией наша группа кораблей выполняла задание поддерживать с моря наш десант, высаживающийся на Южном Сахалине. Затем мы ходили к Корейским Берегам в районе Сейсина, Рансина и др., поддерживая с моря наши наземные войска. Один из наших э/миноносцев был атакован торпедой из подводной лодки в районе острова Аскольд. Сигнальщики определив ее ход, дали своевременный сигнал. Корабль уклонился от торпеды и пошел на место пуска подводной лодки, при этом открыв огонь подводными бомбами. При постановке завес — появились на воде воздушные пузырьки и масляные пятна. В печати сообщили что японская лодка была уничтожена.

После войны прибыл ЭПРОН и обнаружил вместо японской лодки американскую подводную лодку, что в печати уже не сообщалось.

Помню такой эпизод: при налете японских самолетов и бомбежки кораблей наш старшина артиллерийской группы зенитных орудий своими меткими выстрелами разогнал эту группу самолетов. За оперативность и удачную стрельбу был отмечен командованием наградой и получил повышение в должности, получив внеочередное звание — мичман.

В одно время на один из наших кораблей «Таганрог», стоявший в порту, прорвался японский самолет с летчиком смертником «камикадзе», летевшим прямо на это судно с целью удара. По тревоге на корабле командир боевой части, находясь у пулемета «Эрликона», дал прямую очередь по самолету. Самолет, на подходе к кораблю, потерял управление, несколько взмыл над кораблем, порвав антенные провода упал рядом в море, где и взорвался. После падения самолет подняли, обнаружив летчика убитым. Затем для реликвии сняли винт с мотора самолета. Затем отметили «Красной Звездой» на дымовой трубе корабля, а внизу «звезды» победы укрепили винт самолета.

Были случаи, когда в море обнаруживали плавающие мины. Мины расстреливали из пушек, создавая огромный взрыв.

В одно время наш корабль устанавливал минное ограждение. В команде по установке мин по расписанию был старшина хим. службы. Он случайно попал в петлю троса сбрасываемой мины (вес которой около 0,5 тонны с взрывчаткой) и пошел на глубину в море. Корабль замедлил ход и его быстро подняли на борт корабля. Сделав освобождение от воды и проведя искусственное дыхание, привели в сознание.

Во время войны с Японией на наш корабль э/м «Разящий» в бухте «Золотой Рог» во Владивостоке прибыл нарком внешней торговли СССР и зам. Председателя СНК (Совмина) СССР Микоян Анастас Иванович. Тут же по колоколам громкого боя объявлен сигнал «боевой тревоги». Быстро снялись с якорей и вышли в море, взяв курс на Сахалин в г. Отома-ри, путь до которого 1000 миль. На протяжении похода мы проходили в

проливе Лаперуза, который находится между Южным Сахалином и японским островом Хоккайдо. Через пролив Лаперуза японцы на лодках, катерах и др. перебирались на свой остров Хоккайдо. В проливе на воде, мы наблюдали оброненные остатки мебели и другие пожитки, утерянные при бегстве японцев.

Город Отомари, находившийся на Южной части Сахалина, представлял из себя городок с постройками легкого типа. При осмотре города встречали японцев в их национальных костюмах «кимоно» и деревянных сандалиях. Там находилось 7 винных заводов, где они изготавливали рисовую водку «саке». По улице бегали с колясками «рикши», возившие пассажиров. Притом город представлял морской порт с причалами и складскими помещениями. По прибытии в Отомари, министр Микоян отправился в город по своим делам.

После разгрома Красной Армией японских сил в Манчжурии, Сахалине и др. Япония 2 сентября подписала акт о безоговорочной капитуляции. Флот Японии был разделен между СССР, США и Англией. Мы принимали 24 корабля различных марок. Я был командирован с командой для приема японских фрегатов. Участвовал в двух партиях. Каждая группа состояла из 8 кораблей. Мы осваивали их за трое суток и своим ходом перегоняли в наши порты. Были случаи, японские команды имели среди себя «камикадзе», которые устраивали скрытые диверсии: обрыв, разрыв кабелей, электропроводок, перекрытия трубопроводов и неполадки машин.

Был у меня случай, когда я с механиком японцем делал обход по машинным установкам, он мне через переводчика явно неправильно указывал на эксплуатацию механизмов, паропроводов и т.п. Когда переводчик удалился, я грубо говоря, этого механика взял за грудь, сказав, что не следует обманывать, тогда он вместо слова «вакарнай» – в переводе «не понимаю», тут же заговорил по русски «арузен, ты оказывается все понимаешь». Тут я был удивлен знанием им русского языка. Кстати, все приборы у них обозначены на фунты и дюймы, не как у нас килограммы и сантиметры.

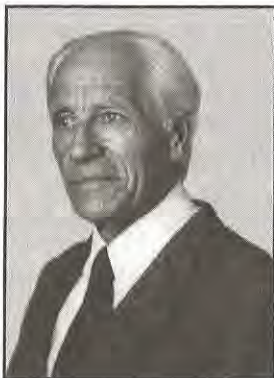
Наш бывший ранее командир э/м «Разящий» капитан 3 ранга, которого команда звала «Батя», в последние годы за службу и военные заслуги получил звание контр-адмирала, занимал пост начальника штаба Черноморского флота. Его старший помощник на э/м «Разящий», капитан лейтенант Лобов С.М., дошел до звания адмирал. Лобов С.М. был командиром Северного Краснознаменного Флота с 2 июня 1964 г. по 3 мая 1972 г.

Кизель Владимир Александрович

Родился в сентябре 1912 года.

Заслуженный деятель науки РФ Работает в МФТИ с 1956 г.

Заслуженный профессор МФТИ.

Войну я встретил на Кавказе. Необычно рано – в начале июня – начальник физической подготовки РККА генерал-майор Тарасов начал, наконец, горную подготовку армии. В Терскольскую спортивно-альпинистскую базу ЦДКА, расположенную в Кабардино-Балкарии у подножья Эльбруса, вызвали батальон Бакинской пехотной школы и всех более или менее крупных альпинистов, в том числе и меня, и начали подготовку по технике передвижения войск в горах (эта база была скорее базой спортивно-альпинистского отдыха командиров разных профилей).

Поскольку я в течение ряда лет в летних сезонах вел на этой базе тренерскую работу, меня назначили командиром роты.

Второе занятие на склонах Эльбруса на скалах закончено. Мы спускаемся вниз строем с веселой песней – снизу бежит нам навстречу взбешенный, не по форме одетый, начальник лагеря и не по уставу орет: «Германия напала на СССР, бомбила города» и т.д. Это было настолько неожиданным и невероятным, что показалось сначала частью учебного задания – но...

Нас отправили по местам воинских приписок, обратно в батальон. Только приехав в Москву, мы пришли в себя и поняли все... Москва, 30 сентября. Немцы рвутся к Москве, воздушные тревоги, ночные бомбежки, сирены, пожары, спортсмены уходят на фронт. Генерал Тарасов собирает всех более или менее известных альпинистов для подготовки горных войск. У меня была бронь, но я отказался и получил направление в Среднюю Азию. Поехало четыре альпиниста, прочих направили в школу в Бакуриани, в Грузии.

Поезд отвалил от Казанского вокзала, набитый до предела: сидели и лежали на полках, на лавках и под ними, на багажниках, стояли и сидели в проходах, в тамбурах; ехали все: эвакуируемые, беженцы из фронтовых районов, раненые на поправку, солдаты, успевшие стать инвалидами, еврейские семьи из Бердичева... Казалось, всю Россию перемешивают огромной суповой ложкой. Нашим ближним соседом оказался поляк, окончивший Парижскую и Варшавскую академии художеств – он попал куда-то на север (не знал куда), на лесоповал, и ехал теперь в армию Андерса,

босой, в распояске; его земное имущество состояло из банки с водой, (польский генерал Андерс формировал в Ташкенте польскую воинскую часть).

Поезд ощупью пробирался по затемненным стрелкам, через затаившуюся в темноте Москву, темные пригороды, только на следующий вечер появились безбоязненные жилые огонечки. Поезд останавливался всюду – на каждой станции к вагонам кидались эвакуируемые, лезли в вагоны, в окна, проводники спихивали, летели чемоданы и баулы. 10 дней мы ехали до Ташкента через зауральские степи, мимо полустанков – домик станции, три тополя и голая пустая степь – на чемоданах сидели эвакуированные, ждущие невесть чего. Было странно спокойствие степи, не выдавшей войны, после ночных тревог и бомбежек.

В Ташкенте мы еле пробрались через огромную привокзальную площадь, плотно забитую эвакуированными – стариками, женщинами, детьми – они сидели, спали, ели на чемоданах и сумках, выплескивались на окружающие улицы, забили вокзал.

Военно-пересыльный пункт тоже был забит, нас поселили под кустами. По улицам, в кино, гремели песни:

– Одержим победу, домой я приеду.

На горячем боевом коне....

Вы о нас, девчата не грустите,

Мы придем с победой назад.

– Мало кто представлял масштаб войны... танковые бои с кавалерией. Сколько НЕ вернется.

А на следующий день штаб округа направил нас четверых в Ашхабад, в штаб корпуса.

Прибыв, мы получили направление Кзыл-Арват – Астрабад: иранский экспедиционный корпус. Как известно, мы были недостаточно подготовлены к войне и получали от союзников помощь в разных видах (кто из нас не ел американской свиной тушенки?) – т.н. ленд-лиз. Путей его получения было три – через Мурманск, смертельно опасный из-за шнырявших там немецких кораблей, через Владивосток далекий, и близкий к оси Берлин-Рим-Токио, и третий через безопасную трансиранскую железную дорогу, идущую от Персидского залива к побережью Каспия, однако, тогдашний шах Ирана был прогерманской ориентации, и в Иране было полно немецких коммерсантов и «коммерсантов». Железная дорога идет по гористой местности-мосты, тоннели - и очень удобна для диверсий. Шах был изгнан, а союзники решили занять Иран: с юга – англичане (индусские войска), с севера – наши.

Ожидая оформления документов мы стояли в коридоре, глядя на Каракумы и были возвращены к прохождению службы дикой бранью какого-то майора – крыли, видимо, нас – загадку разрешил проходивший мимо сержант, пробасивший «вы задницей стояли» – т.е. стояли спиной к коридору и не приветствовали проходивших офицеров.

Мы ехали поездом Ашхабад-Красноводск по окраине Каракумов, через жару и пески, встречая иногда поезд-водянку, развозящий воду по полустанкам; на одном из них мы услышали о разыгравшейся трагедии: эвакуированная студентка, которой предстояло ждать 6 часов поезда, пошла, прогуляться по барханам вокруг – и не вернулась, она заблудилась в этих однообразных песках и погибла от жары и жажды в километре от полустанка – ее искали два дня.

Рано утром мы выехали из Кзыл-Арвата с большой автоколонной, подымая клубы песчаной пыли. Потянулась степь – полупустыня, всплески Каракумов, здесь невольно вспоминались слова Джамбула – «вокруг меня были голые степи, в детстве я не видел ни разу ни садов, ни полей, ни арыков». Потом путь шёл вдоль «реки» – широкого каньона, на дне которого были сиротливые лужицы солоноватой воды, окруженные на-

летом соли.

Ночлег у туркменского кочевья – несколько юрт на голой и жесткой земле, вырытые в земле очаги, остро пахнущие кизяком; рядом стоял лагерь геологов, у которых был сегодня праздник – нашли воду на глубине всего-то два километра. Переехали пограничную речку – и пошла та же голая степь, кочевья, только к вечеру замаячила вдали гряда фиолетовых гор – хребет Эльбурса. А у их подножья все сразу изменилось, словно взмахнула волшебная палочка, разбитый проселок сменился гудронным шоссе, окруженным субтропическим лесом, Колонна пронеслась до Аст-

рабада – столицы Мазандерана – провинции побережья Каспия.

Работа началась – мы объезжали гарнизоны, разбросанные по мелким городишкам; основной задачей их была охрана трансиранской железной дороги, поезда с ленд-лизом шли непрерывно. Берегли ее пуше глаза – вдоль всей дороги посты, дозоры, секреты, патрули. И над всей страной, над цепью темных гор, возвышался властно массив Демавенда с наброшенным на него легким кружевом снегов. Из всех городишек запомнился Шахи – мы стояли здесь в шахском дворце, офицеры и мы, грешные, в большом зале гарема (отдельного здания в глубине шахского парка с особой стеной и кордегардией) на гигантском мягком ковре. До гор обычно было далеко, к верховьям ущелий мы продирались верхом сквозь заросли колючек и дикого граната (штатом армии не предусмотрены инструктора горной подготовки и мы числились – во взводе конной разведки).

Мы числились действующей армией («неизвестному бойцу» прислали неизвестная девушка – тогда это было в моде – кiset с вышивкой «совершив геройский подвиг – сядь, товарищ, закури»). Мы обучали основам техники передвижения подразделений в горах, преодолению несложных скал, а, главное – знакомили с опасностями гор (при войне на Кавказе и двух последних войнах части несли большие потери из-за незнания их) – лавинами и камнепадами, обучали укрытию от камнепадов и, наоборот, использованию их как грозного оружия, которое, кстати, и применял противник в двух последних войнах, (одна умело брошенная граната может вызвать обвал, выводящий из строя отделение, а то и взвод). Поскольку командиры, как правило, не были знакомы с войной в горах, мы показывали им тактику движения отряда в ущелье и движение передового и бокового охранения, тактику разведки. Все гарнизоны прошли предписанный минимум – мы возвращались в Ашхабад.

Нас сразу направили на двухнедельный учебный сбор комсостава всего округа в Фирюзе, цветущем приашхабадском курорте, гнездившемся в узком ущелье Копет-Дага – тактические занятия, где мы были консультантами и походы по ущельям, где уже мы показывали выбор пути, показывали технику, опасности, распределение передового и боковых охранений, возможности засад.

Копет-Даг – горы своеобразные: узкие ущелья с отвесными стенами, глухие и безводные; на военной карте крупная торжественная голубая надпись «ручей Бюльбюрак» означала сомнительной чистоты лужицу под навесом скалы. Здесь надо было учитывать и наличие воды в дороге.

Следующим направлением стал Мешхед – восточный угол Ирана, священный город, Мекка, шиитов. Здесь гарнизоны стояли по политическим соображениям. С очередной автоколонной, через знаменитый по Тихонову перевал Гаудан мы попылили по пустынному Иранскому нагорью. Попыток сопротивления и здесь, как и раньше, не было, кроме пары вы-

стрелов из-за угла. Невысокие холмы, редкие оазисы – и уже в темноте мы прибыли. Восемь дней мы просидели безвыходно в казармах: были дни февраля, дни Шахсэ-Вахсе и командование опасалось инцидентов – Мешхед – город шиитских фанатиков. Во дворе казармы звучало:

«Пусть ярость благородная

Вскипает, как волна.»

Вскипала она с утра до вечера с перерывом на обед – пока не было выхода на тактические учения, «гнали строевку». Наконец, нам разрешили выходы – не в город, но по окрестностям, для выбора мест занятий. Мы несколько дней колесили между окрестных гор, безводных каменистых ущелий, где изредка, в потайных уголках пробивались роднички и, прижавшееся к ним, пятно неправдоподобной среди этих холмов зелени. Мы поднялись на холм повыше – перед нами, на плоской серой равнине стоял город с золотыми и голубыми большими куполами, башнями мечетей, плотной зеленью садов и блестящими водоемов (но жилые кварталы были в большинстве убогими, а то и бидонвиями). Наконец, стали выпускать в город как дозорные патрули – вчетвером и с оружием; здесь на нас смотрели косо, но инцидентов не было – побаивались.

На главную площадь большой мутный арык входит через портал медресе Имам-Риза. В центре площади, над арыком – узорная беседка с медными чашечками на цепочках – полагается пить святую воду арыка, протекающего по улице города с унавоженных полей. Занятия в городском и ряде окрестных гарнизонов прошли по той же программе.

Занятия были кончены. Мы давно уже подавали рапорта на фронт, немцы были на Кавказе, в конце 1943 г. нас отправили в школу младших лейтенантов в Андижане.

Судьба распорядилась иначе: вместо фронта я был направлен в Норильск–Норильский никелевый комбинат, был начальником контрольно-измерительной лаборатории комбината, где и довелось работать до 1948 г. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Кривенков Юрий Петрович

Родился в 1923 г. В Физтехе с 1952 г.

Доцент кафедры высшей математики.

Проходят годы. Все большее количество лет проходят с того момента, когда началась Великая Отечественная война советского народа и новое поколение все с большим интересом желает постичь суть ужасов войны и сделать выводы для своего будущего.

В своих выступлениях перед студентами я рассказываю о пройденных фронтовых дорогах. Этот материал – огромен и для большей точности я здесь остановлюсь на следующих пунктах моего трудового и боевых участия в годы войны.

1. Москва. Начало войны. Участие в оборонных Мероприятиях. Студент-землекоп противотанковых рвов.
2. Куйбышевская область. Оборонный завод.
3. Украина. Украинский фронт, Корсунь-шевченковская операция. (Сталинград на Днепре). Заряжающий батальонного миномета.
4. Молдавия, Румыния. Ясско-Кишиневская операция ДТ: Украинский фронт. Мостостроитель.
5. Венгрия. Будапештская операция. Мостостроитель через Тиссу и Дунай.
6. Чехословакия, Австрия. Мостостроитель через Дунай и Мораву.
7. После войны

1. ПРЕДВЕРЬЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ. УЧАСТИЕ В ОБОРОНЕ МОСКВЫ.

Осенью 1940 года мне посчастливилось приехать в Москву и стать студентом Московского электромеханического института инженеров транспорта им. Ф. Э. Дзержинского. К концу июня 1941 года у меня было отличное настроение: экзаменационная сессия за I-й курс была почти сдана, остался один предмет - физика...

Но в мире была очень сложная и серьезная военно-политическая обстановка. Фашистская Германия захватила почти всю Европу и наша страна по многим позициям опасалась войны и готовилась к ней.

В апреле 41-го года весь студенческий состав младших курсов был вызван в военкомат для медосмотра, на предмет пригодности к службе в армии. Военком перед общим построением отметил:

«Время тяжелое, ваша задача быть готовыми, на случай войны». (Перед этим военком назвал несколько фамилий, включая мою, и объявил негодным по здоровью к службе выйти из строя и получить «белый билет»). Кроме этого, уже в мае 41-го года в нашем институте для студентов младших курсов были проведены серьезные военные учения для обнаружения и ликвидации вражеской группировки. Учения проходили в северо-восточной части Подмосквья.

22 июня 1941 года грянула война – огромная, страшная от моря Белого до Черного. Сроки начала войны, ее масштабность и острота были для всех неожиданными и до боли резкими.

Людей, прошедших грозные годы войны, остается все меньше и меньше. Но, как говорится, в стихах и песнях, они еще до сих пор «не вернулись с боя».

Артострелы, бомбежки, взрывы, потеря товарищей и друзей, тяжелый ежедневный физический труд, холод, голод и прочие общие неприятности... и если «кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне», говорила участница войны, поэтесса Юлия Друнина. 23-го июня всех военнообязанных – мобилизовали, остальным приказано полностью очистить общежитие института. А в ночь под 1-ое июля оставшихся мобилизовали на стройку оборонительной линии города Москвы, и на следующий день мы уже были за Вязьмой около ж/д. моста Москва-Минск. Копали противотанковые рвы. Вскоре перед нами начались бои за Смоленск, Ярцево, Дрогобуж. На фронт шли войска, а навстречу им «текла река» беженцев. 21-го сентября нас вывезли в Москву, а 23-го сентября захлопнулось Вяземское окружение. Большие группы наших войск и даже часть наших студентов оказались в окружении, и попали в немецкие концлагеря...

2. 16 ОКТЯБРЯ ИЗ-ЗА ПРОРЫВА НЕМЦЕВ К МОЖАЙСКУ, В МОСКВЕ НАЧАЛАСЬ ЖУТКАЯ ПАНИКА.

Вокзалы, особенно Казанский, были забиты эшелонами с отъезжающими. Мой институт эвакуировали в Томск. Я поехал в родной город Чапаевск, где меня приняли на работу слесарем-прибористом теплоцентрали крупного военного завода №15...

3. БОЕВОЕ УЧАСТИЕ. УКРАИНА. КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ, (СТАЛИНГРАД НА ДНЕПРЕ).

В сентябре 1943 подошло время быть мне годным для службы в Красной армии. Был призван, прошел через учебу в 85 и 123 запасных стрелковых полках около Пензы и Ржева.

В конце декабря 1943 года в составе 335 стрелковой дивизии 40 армии со станции Сычевка выехал на фронт.

1-го января 1944 года эшелон выгрузился перед городом Киевом на станции Бровары, и начался наш трехсоткилометровый путь на фронт. Прошли Бобровицы, Дарницу, Днепр по пешеходному мосту, Подол, Крепятик, пошли на Фастов и далее на юго-запад, затем круто свернули на юго-восток. Вначале шли по 30 километров ночами, затем круглые сутки с перерывами 3 часа. Подошли к городу Жашкову, это уже фронтовой город, где наша минометная рота под артобстрелом и бомбежкой потеряла целый взвод. С Жашкова началось наше наступление по окружению фашистской группировки, стоявшей у Днепра. Окружение было выполнено успешно, наши войска 1-го Украинского фронта соединились с войсками 2-го Украинского. Дальнейшая наша задача – это наступление и укрепление нашего положения на внешней стороне окружения. Бои были жесткими. Я был минометчиком, заряжающим батальонного 82 мм миномета. Это три сочлененных куска металла: а) вращающий ствол с казенной защитой, в) лафет для укрепления и наводки ствола и с) опорная плита под казенную часть. Общий вес – 60 кг, стрелял минами весом 3 кг 400 гр. на расстоянии 3 км 200 м по навесной, крутой траектории.

Миномет носили 3 человека – наводчик, заряжающий и подносчик, которые, кроме того, еще имели карабин, а иногда и запасные мины, и патроны, а также, в обязательном порядке – лопату. На фронте в полевых условиях, к тому же зимой, без лопаты нельзя и хотя бы в малой степени – укрепить миномет и обеспечить себе какие-то спальные условия: т.е. яму диаметром 1,5 метра и 2 окопчика для укрытия на ночь. Мы, сохраняя сзади окруженных «фрицев», наступали с большими потерями в людской силе. И вот, в середине февраля 1944 года рано утром началась сильнейшая «фрицевская» канонада по нашим позициям. Затем пошли немецкие танки. Они нас обошли, и наша рота осталась сидеть в ложине старого железнодорожного пути. Затем обстрел стал стихать, танки не возвращались.

Меня вызвал к себе командир роты, капитан, и сказал: «Сходи на КП батальона, узнай обстановку и спроси, что делать минометной роте». Я ответил, что не знаю где КП, а он приказал: «С тобой пойдет солдат, который знает где КП». Я не знаю, почему он послал меня – рядового новичка, ибо в роте были и лейтенанты, и сержанты, и старые солдаты. До фронта мне с капитаном, командиром роты, довелось хорошо познакомиться. Я был добросовестным, безотказным и точным в исполнении. Может быть поэтому? Дальше пошло, почти как в кинофильме «Баллада о солдате», в которой молоденькому солдату, герою фильма, во фронтовой полосе пришлось встретиться с танком, только так резво мы не убегали, а сразу, от его взора – направленного дула танка, нырнули в ямку-окопчик.

На КП батальона никого не было. Вернувшись, я получил приказ роте к отступлению: с минометами на плечах, по земляной жиже, в условиях

бесперебойной стрельбы с различных сторон. Мы начали свой нелегкий, непростой путь во время наступления. Как нам позднее стало известно, что такую участь испытали еще почти 2 дивизии. После окончательного разгрома группировки немцев, окрыленные и воодушевленные Войска 1-го и 2-го Украинских фронтов двинулись на северо- и юго-запад к границе Советского Союза. В Ямполе меня, как человека знакомого с черчением, сняли с марша и направили на строительство моста через Днестр. Старый низководный мост, под напором поднявшейся воды, снесло на наших глазах, а у строящегося нового высоководного моста еще много работы. Я стал строителем мостов в составе 10-го отдельного мостостроительного батальона 2-го Украинского фронта – (10 ОМСБ) и вскоре, после проверки меня на черчение, стал чертежником-конструктором.

Границу Советского Союза встретил 1-го мая 1944 года на реке Прут около села Скуляны, напротив второй столицы Румынии – города Яссы. Здесь на берегу я сменил всю старую зимнюю (наполовину сгнившую и страшно грязную одежду) на летнюю форму.

4. ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

В районе Кишинева войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов была окружена большая группировка «фрицев», но удержать ее не смогли, немцы прорывались на Запад через восточную Румынию, южнее Ясс. Так что по дорогам днем шли наши войска, а ночью убегали по этим же дорогам, отстреливаясь, озираясь по обочинам, немцы...

Восстанавливали и строили мосты, и часто под ними находили немцев, которых брали в плен. После начала наступления мы встречали колонны пленных румын, затем стали встречать целые полки румын, которые двигались вместе с телегами на Запад, воюя против немцев. Румыны переходили на нашу сторону.

5. БУДАПЕШТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В конце осени 1944 года наш фронт вышел на Венгерскую равнину в районе Арад-Оредо-Маре и стал с юга двигаться на север. Наша задача – строить и восстанавливать мосты.

Перед нами канал Кериш, Тисса. Новый год 1945 встречали на реке Иполь в городе Иполь-Шахи в Чехословакии. В начале января наш ОМСБ срочно перевезли в Уйпешт – пригород Будапешта – столицы Венгрии, где была окружена немецкая группировка.

Все мосты через Дунай были разрушены. Получили задание – поставить срочно мост ниже ж/д. моста в Уйпеште для переправы 53-й армии на правый берег Дуная. Это при очень высокой воде, подвижности льдов и мостовых ферм, бомбежки и обстрела с острова Маргит, и все равно, мост был поставлен вовремя. После освобождения города построили высоководный долгосрочный мост через остров Маргит.

Впоследствии, будучи в городе Будапеште на научной конференции, я упомянул некоторым Будапештским коллегам о моем участии в строительстве этого моста, они с огромным уважением отнеслись к моим словам. Этот мост долгое время был единственным мостом, связывающим две части столицы Венгрии: горную часть – Буду и равнинную – Пешт. Ему дали даже специальное название – «спасительный мост».

6. ЧЕХОСЛОВАЦКО-АВСТРИЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ.

После Будапешта – Чехословакия, левый берег Дуная...

В Братиславе был возведен наплавной, понтонный мост через Дунай и два моста через реку Мораву в Австрию...

2-го мая ознакомился со столицей Австрии – городом Вена...

День Победы – 9-го Мая, встречал на строительстве, с моим прямым участием – проектом железнодорожного моста через Мораву в Австрийском городе Мархеге. У нас всех после известия о Победе диски наших автоматов оказались опустошены, опустошены полностью!

7. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Закончив мост в Мархеге, был в летнем лагере около чехословацкого города Малацки, где меня попросили сделать архитектурные проекты парадного въезда в лагерь и летнего театра...

Дальше – победоносный радостный путь на Родину через Братиславу, Будапешт, Плошты, Одессу, Унгены и возврат к учебе в МЭМИИТе в начале октября 1945 года.

В начале октября 1947 года, я – студент МЭМИИТа, за отличные успехи по всем предметам, приказом Министра Высшего образования СССР был переведен на II-й курс, (с повышением стипендии) физико-технического факультета МГУ им. Ломоносова в группу Академика М.В. Келдыша. МГУ окончил в 1952 году, получив специальность инженера-физика, и был оставлен в аспирантуре вновь созданного на базе ФТФ МГУ физико-технического института – МФТИ. После окончания аспирантуры стал преподавателем, далее доцентом на кафедре «Высшая математика» МФТИ.

Награжден значком «За отличные успехи в высшей школе».

Подводя общий итог войны, скажу следующее:

За время войны я получил звания от рядового до старшего сержанта. Получил большое число благодарностей от Верховного, Фронтового и батальонного командования, награжден медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ».

После войны награжден юбилейными медалями и орденом.

Всегда помню и очень скорблю о погибших во время войны моих самых близких друзьях военного периода – Модеста Полякова, студента I-го курса Ленинградского Политехнического института, погибшего при обороне Ленинграда, в составе расчета 45 миллиметровой противотанковой пушки и Василия Арефьева, тоже погибшего на фронте.

Лидский Виктор Борисович

Родился в 1924 году.

В МФТИ в 1954-2002. Профессор кафедры высшей математики.

Заслуженный профессор МФТИ.

В середине февраля 1942 г. меня вызвали в Саратовский военкомат и направили в школу разведчиков-переводчиков, которая находилась в г. Ставрополе, на Волге. Эта школа вместе с составом преподавателей и контингентом курсантов эвакуировалась из Киева и расположилась в трех километрах от прибывшего из Москвы ВИИЯКА (Военный институт иностранных языков Красной Армии).

В марте 1943 г. я получил документы об окончании 11-месячных курсов и вместе с большой группой бывших курсантов и выпускников ВИИЯКА по льду Волги прошел в г. Куйбышев. Оттуда — поездом в Москву, в Главное Управление кадров, и спустя две недели, сложным путем — на Центральный фронт (станция Свобода, 30 км севернее г. Курска). Из Управления кадров Центрального фронта меня направили в распоряжение разведотдела (РО) 70-й армии, который располагался в лесу, в 15 км северо-западнее г. Фатеж. Начальником разведотдела 70-й армии был полковник А. Прокофьев (опытный разведчик, в 1937-41 гг. командовал погранотрядом на границе с Манчжурией, тогда оккупированной японцами). В РО 70-й армии я проходил стажировку в течение мая-июня 1943 г.

Вдоль всего Курского выступа проходило огромное сосредоточение войск. В конце июня, при разведке боем, в районе высоты 256 (южнее Троицы), был взят пленный, солдат 7-й пехотной дивизии (гамбургский грузчик). Пленный показал, что 7-я дивизия накануне (26.06.1943 г.) введена двумя полками в первую линию и получила полосу в 3 км по фронту. Эти показания и другие важные факты, которые я не стану перечислять, служили бесспорным доказательством того, что немцы со дня на день перейдут в наступление крупными силами. По указанию А. Прокофьева 2-го июля я был направлен на правый фланг 70 А. на стык с 13 А., занимавшей фронт восточнее. Мне вместе с группой разведчиков и связистов (6 человек) надлежало установить в нейтральной полосе устройство (рамку), улавливающее индуцированные токи и позволяющее перехватывать телефонные переговоры противника. Следовало определить момент сосредоточения пехоты и танков на рубеже атаки. Третьего и четвертого июля мы находились в блиндаже на перед-

нем крае правофланговой дивизии 70 А. К сожалению, слышимость была низкой. Однако, сосредоточение пехоты противника к исходу 4-го июля 1943 г. было отмечено.

Наступление немцев началось 5-го июля в 5 часов утра с опозданием на 3 часа. Это было следствием упреждающего удара нашей артиллерии, который начался в 2 ч. 30 мин. и длился 2-3 часа. Противник понес большие потери в живой силе. Недавно отмечалось 60-летие Курской битвы. Да и в доступной литературе ход и последствия этого сражения хорошо описаны.

Замечу, что после форсирования рек: Десны, Сожа и Днепра, 27-й стрелковый корпус, в разведотдел которого меня перевели на плацдарме за Днепром, занял рубеж по линии Озаричи-Паричи (Белоруссия). Командовал 27 ск генерал И. Ф. Черокманов, начальник штаба полковник Г. В. Иванов.

В конце января 1944 г. корпус погрузился в эшелоны и кружным путем, через разбитый Гомель, Бахмач, Нежин, по временному мосту в Киеве через Днепр добрался до Новоград-Волынского, где выгрузился. После чего своим ходом достиг крайнего фланга 1-го Украинского Фронта, которым командовал генерал армии Н. Ф. Ватутин (умер 15.04.1944 в Киеве после тяжелого ранения).

После успешного завершения Корсунь-шевченковской операции, в начале весны 1944 г. началось новое большое наступление по освобождению правобережной Украины.

В результате успешных действий линия фронта перед началом Львовско-Сандомирской операции (13.07.1944 г.) проходила вдоль реки Стирь (г. Броды удерживал противник) и далее строго на юг до г. Коломыи.

27 ск занимал двумя дивизиями участок фронта севернее г. Броды. Нейтральная полоса, на левом (южном) фланге 162 сд, входившей в 27 ск, была широкой (около 350 м) и «влажной», неподалеку находился исток небольшой реки, уходящей на восток. Западнее, противник занимал селение Лопатин (на польском Лопатув) и небольшой лесной участок северо-западнее г. Броды (около 10-12 км) по правую сторону реки Стирь.

Войска противника перед 27 ск были известны: 356 пд, 248 пд, один полк дивизии СС «Галиция» (в отделении 9 жителей западной Украины, а командир отделения, а также весь комсостав – немцы). В глубине время от времени появлялись немецкие танки. Они просматривались через перпендикулярную к линии фронта просеку в лесу. Важно было выяснить, сколь велики резервы противника северо-западнее г. Броды, в частности, количество танков.

Группа в 11 человек: 2 сапера, 2 радиста, 1 телефонист, 4 разведчика из разведроты 162 сд и 2 офицера – опытный разведчик, командир взвода пешей разведки 162 сд А. Копытин, и я. Номинально я занимал должность военного переводчика разведотдела 27 ск (начальник – подполковник

В.Ф. Сахаров). Фактически, я исполнял обязанности старшего помощника начальника РО (только в конце войны был утвержден в этой должности). Второй старший помощник – майор А.А. Романов. Впоследствии начальник разведотделения 6-й гвардейской дивизии.

В ночь с 6-го на 7-е июня 1944 г. группа благополучно прошла через усеянную минами нейтральную полосу и вошла в лес, расположенный на территории противника. Разумеется, проход у нашего переднего края (около 70 м) проделали саперы; они же «ослабили» проволоку, соединяющую соседние прыгающие мины противника (Springminen). Резать проволоку бесполезно – поставят новую.

Углубившись лесом километра на два, обошли стороной артбатарею противника, стоявшую у домика лесника.

К рассвету прошли лесом незамеченными в глубину на 5 км.

Селение Лопатин осталось севернее. После чего устроили привал. Первая половина дня 7-го июня ушла на разговоры с начальством. Нас поздравили, просили «исследовать» окрестность; при случае, разумеется, взять пленного. Разбившись на группы по 3 человека, днем лесом прочесали полосу на расстоянии 8-10 км от фронта. Обнаружили следы танков южнее Лопатина. Саперы заложили противотанковые мины. По всем приметам танков было мало, и наблюдавшиеся ранее пытались ввести нас в заблуждение.

К вечеру 7-го пошел сильный дождь; людских резервов ни одна из групп не обнаружила. Возможно, что они находились западнее, более чем 12 км от фронта, но тогда это не дивизионные, а армейские резервы. Что и подтвердилось после прорыва фронта 13-15 июля 1944 г. Промокшие, расположились в лесу под елями, почистили автоматы; сообщили по радио о результатах и по очереди улеглись спать. У меня была прекрасная офицерская немецкая шинель, и я проспал до восхода солнца (т.е. более 4-х часов). Проснулся совершенно сухой. К сожалению, рация из-за дождя перестала работать на прием. А. Копытин утром, встретив крестьянку, расспросил ее (нарушив устав), где и сколько солдат в самом Лопатине. Оказалось немного, все на передовой в блиндажах. Двинулись назад. Вышли на просеку (около 17 часов), ведущую к фронту. Вдоль просеки по обеим сторонам – густые кусты. Слева – провод. Телефонист подключился – типшина. На всякий случай решили «посидеть» в кустах. Радист, телефонист и один из саперов – слева (по направлению к фронту). Я и один из разведчиков справа. Остальные, в том числе и А. Копытин – в глубине, метров 100.

Вдруг слышим – песня. Выглянули из кустов. К передовой идут два немца. Похоже артиллеристы меняют наводчика (батарея неподалеку – полкилометра). Мы с разведчиком осторожно переместились в кустах вперед, к фронту. Трое, наискосок от нас, остались на месте; неожиданно к нам на выручку вышел еще один разведчик, он наступил на лежавшую

сухую ветку, раздался хруст. Песня прекратилась. Но оба немца продолжали движение вперед. Когда они оказались метрах в трех от левой группы, на просеку «вылез» сапер и, стоя на коленях, наставил на немцев автомат и крикнул «Hande hoch». Шедший слева (унтер-офицер), встав в позу, не целясь, выстрелом из пистолета пробил голову незадачливому саперу. Разумеется, в этот момент все пятеро уже выскочили из кустов. Второй немец сначала поднял руки вверх, а потом вслед за унтер-офицером бросился бежать. Радист метров с пяти, схода дал очередь из автомата по, убегающему змейкой, унтер-офицеру и продолжал его преследовать. Второго немца я догнал и ударом прикладом по голове свалил на землю. Оттащил его в кусты. В этот момент ко мне подбежал радист... «Лейтенант, немец ушел, я его ранил в руку, но у меня заел автомат». Я сказал разведчику: «Забери у лежащего без сознания документы», — а сам двинулся в расположение группы.

На месте никого не оказалось. В этот момент меня догнал разведчик и передал «документы»: текст песни, которую они пели, и какое-то письмо без конверта. Я немедленно рванул назад в кусты и на сей раз мне повезло: я напрямую вышел на немца; вытащил солдатскую книжку — II артполк, 356 пд. Вернулся назад. Меня метрах в ста поджидал разведчик. Мы догнали основную группу (8 человек) и двинулись назад к «болоту». Сзади уже слышны были выстрелы и лай собак. Но нам снова повезло. Ветер нагнал тучи. В лесу стало темно. Полил сильный дождь, и мы благополучно добрались до нейтральной полосы. Правда, в нейтральной полосе, непрерывно освещающейся ракетами, нас поджидала группа (около 15 человек) немцев. Снова возник бой. Но об этом подробно я писать не буду. Разведчик П. Ершов описал этот бой во фронтовой газете 162 сд «За победу», 30 июня 1944 г., и его текст перепечатывался в газете Физтеха «За науку» (см. номер от 4 мая 1995 г.).

Здесь я процитирую фрагменты из статьи П. Ершова.

Стучит дождь по размякшей земле. Строчит немецкий пулемет. Путь закрыт. Вперед выходит лейтенант Лидский и направляется к немцам.

Когда в темноте вырисовываются силуэты гитлеровцев, Лидский останавливается и громко по-немецки кричит:

— Эй вы, быки, совсем с ума посходили, по своим бить начали. «Быки» — излюбленное немецкое ругательство. Приняв Лидского за своего, немцы умолкают. А Лидский все еще ворчит нарочито громко, а затем стреляет в ближайшего фрица. Снова тарахтят немцы и опять кричит им Лидский: «Да что вы делаете трусливые быки. Мы тут минное поле охраняем, а вы по своим стреляете». Немцы смолкают. Кто-то из них оправдывается: «Да разве тут разберешь, тьма-то, какая». Между тем разведчики незаметно проскальзывают сквозь темноту и ливень. Впереди родной передний край...»

Еще затемно мы оказались на «своей» территории. Утром генерал Гринвальд-Мухо, командовавший 162 сд, остановил меня вопросом: «Это Вы разговаривали с немцами на нейтралке?». «Да я», – был ответ. На что он сказал: «Молодец!»

Нам дали двух лошадей, и мы верхом с одним из разведчиков вернулись в расположение штаба 27 ск. По дороге нас дважды останавливали (подозрительная одежда и отсутствие документов). Но после звонков в штаб 27 ск отпускали.

Не все военачальники одинаково реагировали на наш рейд.

1) Начальник штаба 27 ск Георгий Васильевич Иванов: «Что Лидский пленного не взял? А ведь столько хлопот было. Продукты с склада пришлось выбивать ...».

Г.В. Иванов после войны жил в Москве.

В середине 60-х позвонил мне в Институт проблем механики.

– Что, Лидский, ты слышать профессором сделался?

– Это так, Георгий Васильевич.

– Что же ты делаешь в Институте механики?

– Да вот изучаю распространение звука в воде.

– А зачем это?

– Не знаю, как объяснить: мотор работает и создает шум. Не телефонный это разговор Георгий Васильевич.

– Ну ладно. Ты не помнишь фамилии генерала, с которым мы встретились на Эльбе?

– Я не был на этой встрече Георгий Васильевич. 1-й армией командовал генерал Ходжес. Может быть он.

– Да, похоже. Спасибо.

Георгий Васильевич звонил мне еще несколько раз. Где-то в середине 80-х (Маршала И.С. Конева уже не было в живых) позвонил домой. Пригласил придти в среднюю школу им. Конева (она недалеко от м. «Сокол») на собрание ветеранов 6-й гвардейской дивизии, которой в конце войны Г.В. Иванов командовал.

Я пришел вовремя, к 15 часам. Ветеранов собралось мало, человек 15-20. Меня Георгий Васильевич, похоже, не узнал.

Георгий Васильевич выстроил вдоль коридора школьников, думаю 8-х -9-х классов. И командовал: «Смирно! Равнение на середину!» – и прошелся медленно вдоль строя. Потом появилась вторая жена И.С. Конева – женщина лет 45-50, врач.

Запомнился концертный зал школы. На стене большой, написанный маслом, портрет И.С. Конева, а сбоку и ниже – сравнительно небольшой портрет Г.В. Иванова (он шефствовал над школой). Георгий Васильевич умер на 102-м году жизни. Похоронен в Москве.

2) Начальник разведотдела 27 ск Виктор Федорович Сахаров: «Лидского я больше никуда не пущу. Если, что случится, что я буду делать». Виктор Федорович умер в Краснодаре на 75-м году жизни. Там же и похоронен. Всю войну (начал с боев за Тверь) провел на фронте. После войны, до отставки по возрасту, служил в Германии. Уволен в звании полковника.

3) Андрей Артемович Романов – мой друг, после 1946 г. оставался в кадрах, окончил военное училище до войны. После войны служил в Германии, а после ухода в звании полковника на пенсию жил в Москве. Болел. Умер на 79-м году жизни в Подольске. В больнице им. Бурденко места не нашлось.

Мне прилюдно сказал: «Плюнь, не обращай внимания. Я этих вояк еще зимой 1941-42 г. повидал.

Приказ: взять Мценск. Безумие. Противник окопался, построил эше-

лонированную оборону, а у нас по 5-9 человек в ротах. Мороз 20-35 градусов. Резервов нет. Артиллерия тоже понесла большие потери».

И, наконец, еще одно высказывание о моих делах перед началом июльского наступления. (Текст передала мне секретарь-машинистка I отдела, Майя Сахарова, летом 1985 г. в Краснодаре).

Полковник Прохоров – начальник оперативного отдела: «Во II отделе появился настоящий офицер. Я имею в виду переводчика. После позавчерашней вылазки немцев на поле боя, оказался раненый, не то немец, не то бельгиец. Его отвезли в наш госпиталь. Переводчик сел на коня и лесом, не опасаясь бандеровцев, добрался до госпиталя; разговорил пленного и тот не только подтвердил всю группировку, стоящую перед нами, но и заявил, что сегодня на рассвете атака на нашем правом фланге повторится.

Я передал все это комкору и тот велел усилить правофланговый батальон, что и было сделано.

Я только что вернулся оттуда. Немцы до сих пор не убрали десятки трупов, которые лежат на поле боя. Наверное, сделают это ночью».

О судьбе полковника Прохорова мне ничего не известно.

Как я уже писал, после прорыва фронта 13-15 июля 1944 года подтвердились все данные, добытые разведчиками 27 ск. Наступление привело к выходу войск 1-го Украинского фронта на Вислу и захвату на ее левом (западном) берегу ряда плацдармов, среди которых наибольшим был Сандомирский плацдарм. Практически все немецкие войска, стоявшие перед 1-м Украинским фронтом, были либо уничтожены, либо попали в плен. А сама операция получила название Львовско-Сандомирской.

Лузин Игорь Николаевич

1921 г. рождения.

В МФТИ в 1990 – 2004 г.

Зам. начальника охраны.

Окончив школу на отлично в г. Свердловске, я в 1939 г. поступил в авиационно-техническое училище, проучился полтора года вместо положенных трех лет, так как армии того времени срочно нужны были технические специалисты авиации.

Молодой лейтенант, я попал в 33-й скоростной бомбардировочный авиационный полк, дислоцировавшийся в Ростове-на-Дону. Полк того времени насчитывал 30 самолетов с соответствующими техническими экипажами.

В мою задачу входило техническое обслуживание самолета; рядом со мной постоянно работали механики, специалисты по спецоб-

служиванию, по вооружению. Инженерно-технический состав полка считал своей обязанностью и главной задачей: обеспечение постоянной боевой готовности самолетов, безупречной их работы при выполнении боевых задач и быстрое восстановление материальной части, вышедшей из строя. Эта рутинная работа велась круглосуточно, поскольку полк воевал и днем и ночью. Для примера скажу, что за время войны на головы вражеских войск полком было сброшено около ста тысяч бомб различного калибра. Боевое напряжение в отдельные дни войны доходило до 70-80-ти самолетов-вылетов, большинство которых происходило ночью.

Война для меня началась в августе 1941 г. в г. Чугуев. В этот начальный трагический период наши войска оказывали упорное сопротивление, отступали и несли большие потери. Особенно их много было среди летчиков. На меня, двадцатилетнего молодого человека, очень сильное впечатление произвели рассказы боевых товарищей о героизме летчиков нашего полка. Самолет летчика, старшего лейтенанта Григория Храпай, был сильно поврежден зенитным огнем противника и дальнейший полет продолжать было невозможно. На самолете имелись еще бомбы, а внизу танки и автомашины противника. Этот летчик предпочел героически погибнуть, чем попасть в плен: он ввел машину в пики и направил ее в самую гущу вражеских танков, скопившихся на мосту через речку Шора.

Другой самолет летчика Панченко Василия Ивановича в августе 1941 г., не долетев до цели, был атакован тремя истребителями противника. Отразив три атаки, летчик продолжал вести самолет к цели и сбросил точ-

но бомбы. На обратном маршруте самолет вновь был атакован. На бомбардировщике оказался разбитым левый мотор, появилось пламя. Летчик не растерялся и выполнив глубокое скольжение, сорвал пламя, привел самолет на свою территорию и блестяще посадил. Но истребители противника продолжали обстреливать самолет даже когда он уже был на земле. Командир экипажа приказал радисту отражать атаки из пулемета. Метким огнем один из фашистских самолетов был сбит. Так закончилась эта дуэль бомбардировщика с тремя немецкими истребителями. Позже летчику Панченко было присвоено звание Героя Советского союза.

Потом наш полк перебазировался под Сталинград, за проявленные успехи в боях, получает звание гвардейского. Потери в самолетах были большие, поэтому пришлось перейти на ночные бомбардировки. В этих боях особенно отличился уроженец Сталинграда капитан Ефремов В.С. За время оборонительных боев под Сталинградом он совершил около 70-ти боевых вылетов, уничтожил десятки танков и автомашин с военными грузами, одиннадцать самолетов и много другой боевой техники, за что был награжден орденом Ленина, а впоследствии стал дважды Героем Советского Союза.

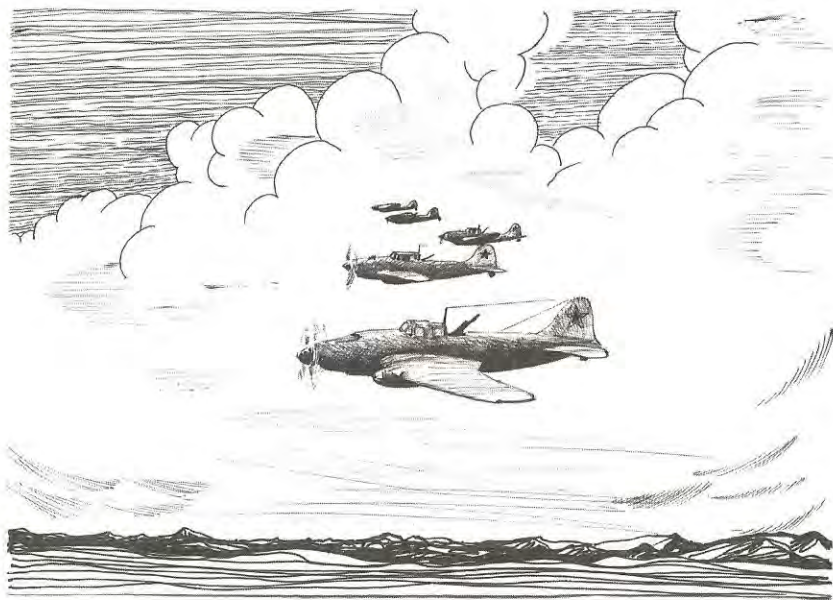
Я был поражен подвигом еще одного нашего летчика, который в августе 1943 г. оказался в плену у немцев в районе деревни Ванновка Сталинградской области. Медики больницы рассказали нам, как гестаповцы издевались над летчиком Садиковым Колей. Обгорелому Николаю немцы предлагали его вылечить, если он сообщит им секретные данные нашей авиации. На это Садиков ответил: «Я русский. Родину, которая вскормила меня, я не продам». Он умер под пытками, не сказав врагу ни слова.

...Когда наступил перелом в ходе войны, наш полк принимает участие в освобождении Донбаса, Миасса, Крыма. В Крыму на Сапун-горе возвышается обелиск с именами отличившихся авиаторов 8-й Воздушной Армии, сражавшихся за полуостров. На этом обелиске высечена и моя фамилия.

В конце 1943 г. после освобождения Киева наш полк был придан 3-му Белорусскому фронту и принимает участие в боевых действиях по освобождению Белоруссии, Литвы, Польши и крепости Кенигсберг. За сражение в Белоруссии наш полк получает новое наименование: 10-й Гвардейский Краснознаменный полк ордена Суворова. Это один из самых знаменитых полков, который и сейчас существует в вооруженных силах России.

Война – это тяжкий труд, полный бесконечных опасностей, от всех воевавших требовались не только храбрость и героизм, но и смекалка, ловкость и хитрость. За время войны в нашем полку было потеряно 90 процентов летчиков. В первые дни войны бывало – уйдет девятка, а возвращалось 5-3 самолетов.

Вспоминается такой случай: наш самолет был подбит и смог сесть «на пузо» только за десять километров до линии фронта, т.е. на территории врага! Экипаж остался жив, но весь самолет был покарежен зенитками. Что же, мы занялись его восстановлением. Ни один инженер, ни один мастер не позволил бы делать так, как делали мы – но была экстремальная ситуация. Например, шатающиеся шасси были закреплены вбитыми туда березовыми чурбаками. Мотор трясло, но мы все-таки ухитрились взлететь.

Работа техников, обслуживающих самолет, кажется порой рутинной, но без нее ни один самолет не взлетит. За всю войну трудно найти ночей с нормальным сном, часто за ночь происходило 3-4 вылета. Самолет надо заправить, отремонтировать неисправности, подвесить бомбы, это значит 3-4 тонны и все на руках.

Рядом с нами были и девушки – оружейницы; они заправляли пушки, пулеметы (ленты, патроны), чистили это оружие. Обучали их очень недолго 2-3 месяца в школе младших специалистов. Одеты они были также как и мы: куртка, валенки, кирзовые сапоги...

Войну с Германией я закончил в восточной Пруссии.

В победном параде нашему полку не пришлось принять участие, из-за плохих метеоусловий праздничный день просидели на аэродроме...

Но вместо этого был получен приказ отправиться на Восток для ока-

зания военной помощи Китаю для освобождения от японских захватчиков. Летели одиннадцать часов чистого времени через Свердловск, Красноярск, Иркутск, Улан-Уде. Скорость тогда была 400 км в час.

Эта война была скоротечной, приблизительно один месяц. Помог опыт, полученный в долгих боях с немецкими ассами, и вскоре все закончилось. Бомбили Хайлар, Мукден, Порт-Артур, Дальний. Война с Японией закончилась подписанием пакта о безоговорочной капитуляции.

Я пробыл в Китае до 1946 г., потом отправился учиться в Высшее военное авиационно-инженерное училище, служил в Москве, за границей, делал ракеты, участвовал в создании первого пояса ПРО вокруг Москвы.

Прослужив в вооруженных силах 33 года, в 1973 году вышел на пенсию. Последняя моя работа связана с Физтехом.

Мои награды по сравнению с летчиками не очень шикарны: «Орден Отечественной Войны», два ордена «Красной Звезды», три медали «За боевые заслуги», медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За оборону Киева», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Минкин Егор Андреевич

Родился в 1924 году.

В МФТИ 1990-2001г.

Техник. Технолог.

До призыва в армию я был на трудовом фронте. Рыли противотанковые траншеи-рвы недалеко от г. Рославль. А затем в районе города Конотоп.

В Красную Армию я был призван 29-го октября 1941 года. Нашу группу призывников привезли в город Алатырь (Чувашия). Там формировалась 141 стрелковая дивизия. Я попал в 340 артполк, оснащенный 138 мм орудиями, и был зачислен в полковую школу.

По окончании полковой школы мне было присвоено воинское звание сержант, и меня назначили командиром орудийного расчета. В

июне наш 340 артиллерийский полк прибыл на станцию Поворино, а оттуда – в сторону г. Воронеж, и занял огневую позицию на левом берегу Дона между городами Воронеж и Лиски. В то время на нашем участке фронта было сравнительное затишье, шли бои местного значения, вели пристрелку огневых точек противника.

В сентябре месяце, при обстреле противником на батарее, я был ранен и после излечения попал во вновь сформировавшийся артиллерийский противотанковый истребительный полк 1240, оснащенный орудиями 76 мм калибра ЗИС-3.

В канун декабря наш полк занял огневые позиции в районе села Щучье вблизи Воронежа.

14 января 1943 года наши войска прорвали оборону противника, пошли в наступление, освобождая занятую противником территорию. Наш полк был оснащён подвижным автотранспортом и мы, опережая пехотные части, били отступающего противника.

В январе-феврале месяце были освобождены города Белгород, Грайворон. 14 февраля вступили в город Харьков, 16-го освободили его, а затем освободили города Зинев, Чугуев.

Но в марте по чьим-то недорасчетам пришлось отступать. Нас окружали немецкие танки, были большие потери в живой силе и технике. Полк выведен на пополнение и довооружение в город Новый Оскол.

Горько и обидно было осознавать сдачу Харькова и других городов, ранее освобожденных.

После пополнения живой силой и техникой, полк занял боевые позиции под городом Белгород, вблизи так называемого старого города в апреле месяце 1943 года. Пятого июля полк снялся с боевых позиций и к вечеру прибыл в Прохоровку. В 10-12 километрах от деревни Яковлевка занял боевые позиции: окопались, у каждого орудия было по 20 ящиков (100 снарядов).

Это была настоящая дуэль артиллерии и танков. Немцы бросили на наши позиции тяжелые танки — «тигры» и «фердинанды». После нескольких отбитых танковых атак и отхода нашей техники, нам было приказано отойти, к сожалению, с большими для нас потерями. На поле боя горело много немецких танков. 13-го июля наш полк был выведен на пополнение людскими силами и техникой. Получив пополнение и боевую технику, полк обратно вступил в боевые действия в том же направлении, что

и весной. Освобождали города Белгород, Грайворон, Красный Кут и Харьков. Участвуя в боях, многие были награждены орденами и медалями. Я был награжден орденом Отечественной Войны второй степени.

В начале сентября 1943 года наш полк был переброшен на 2-й Прибалтийский фронт. В боях в районе г. Невель, я 28-го декабря был тяжело ранен, три месяца пролежал в госпитале в г. Осташков.

После выписки из госпиталя попал в 126 артиллерийский полк. Участвовал в боях по освобождению территории Калининской области и Латвии. В конце сентября 1944 года был ранен, отправлен в госпиталь. Лежал в госпитале города Резин (Латвия) и в городе Великие Луки. В ноябре месяца 1944 года был комиссован как негодный к строевой службе.

Митюшин Николай Алексеевич

Родился в 1923 году.

В МФТИ с 1974 по 2003 год.

Стрелок охраны.

ВОЙНА

Я пошел добровольцем в Народное ополчение 6 июля 1941 года из Куйбышевского района Москвы. Нас разместили, в школе. Две недели учили ходить строевым шагом и отдавать честь. Винтовок у нас не было.

В ополчении были люди разных возрастов: от 17-18 лет до 50-55 лет. Никогда не забуду, как над нами подшучивали пожилые утром при подъёме: «Сынок, вставай, блинов поешь и опять ложись» – так будила мать своего сыночка дома. А тут командир отделения подаёт команду: «Подъём!»

Через две недели нас посадили на грузовые машины и повезли к фронту по Москве, по минскому шоссе. Дали нам вместо винтовок штыковые лопаты.

Под Вязьмой нас первый раз бомбили самолёты – несколько раз они делали заход. Я считаю, это было наше боевое крещение. Ехали на машинах где-то около суток. Потом нас высадили. Машины уехали, мы остались среди поля, а в каком районе – я не помню.

Тут слух прошёл, что под г. Белая Церковь сброшен десант. Нас – обратно, но уже пешком, и начали мы отступать, потому что оружия нет. Потом уже нам выдали допотопные австрийские винтовки, оставшиеся с войны 14 года. Патроны загонялись под ствол по одному, а сколько входило штук, я не помню. Вскоре эти винтовки заменили на наши русские. Дали и пулемёты «Максим». Я был в пулеметной роте, но ни разу не стрелял, потому что были старше меня и опытнее.

Как я помню, прибыли мы к озеру Селигер. На другом берегу был виден г. Осташков. Потом нас посадили на катер и везли к железной дороге, где посадили на открытые платформы. Проезжаем станцию Лобня, мне она знакома, в Хлебникове живут мои родственники – дедушка с бабушкой и тётки. Я на скорую руку написал небольшую записочку, что мы проезжаем мимо, завернул камушек и бросил под откос. Конечно, никто мою записку не подобрал.

Доехали до Бескудникова, а там на окружную и поехали в другую сторону. Где нас, в каком месте высадили, я сейчас не помню, но вскоре мы попали под Наро-Фоминск. Под Наро-Фоминском при отступлении один

пожилой солдат и два семнадцати-восемнадцатилетних парня отстали от своей части, наверное, в какой-то момент пошли другой дорогой. Шедшие впереди, должно быть, быстро бежали...

У нас пулемёт «Максим», вы знаете, он очень тяжёлый, да к нему ещё три коробки лент. Ночь была тёмная, осенняя. Мы не знали, куда идти... Накануне выпал первый снег, потом он растаял. Был октябрь. Вдруг видим — по полю идет лошадь без хозяина, запряжённая в сани. Один из нас завернул лошадь, положили на сани «Максима» и побрели дальше. Добрались до какой-то станции, сели в пустой товарный вагон, а немец уже обстреливал эту станцию. Мы доехали, не знаю до какой станции, вышли из вагона. Нам отвели комнату в которой мы сложили все свои вещи в угол. В санях мы нашли мешочек перловой или ячневой крупы, хоть и немного, но хозяйка наварила нам каши. Мы поели и пошли в совхоз в столовую — тут нас взял патруль, так мы попали на пересылочный пункт. Пришёл старшина, отобрал молодых и взял с собой. Так я попал в Артсклад.

Фронт продвигался, и мы следовали за ним. Первое место было Усово, потом Голицыно, Кубинка и последним для меня был Можайск. Отдыхали мы, как положено, на койках: матрасы, подушки и т.д. Приходили к нам составы с боеприпасами: снаряды, мины, патроны. Мы их разгружали, относили ящики на склад, который находился в лесу. Будили нас в ночь-полночь в любую погоду и в любое время суток.

Когда приходили автомашины с фронта, мы их грузили снарядами, минами... Мы были распределены на две группы: одна стоит в карауле, а другая нагружает или разгружает машины. Работали по суткам: сутки в карауле, сутки на работе.

Я был на Артскладе с октября 1941 по март 1942 года. А в марте отобрали нас молодых и отправили на фронт. Перед строем объявили: кто желает на месячные курсы на снайпера учиться. После курсов нас распределили по частям. Я попал в Краснознамённую бригаду морской пехоты, номер не помню...

До нашего прихода нельзя было по улице пройти — обстреливалась вся улица. Мы пришли, и всё изменилось в лучшую сторону. Мы ходили на охоту на нейтральную полосу, обычно по двое и задолго до рассвета. Сделаешь в снегу ямку (земля ещё мороженная), ждешь рассвета и лежишь тихо. Утром выходят немцы из своих блиндажей, по своим делам, и тут выбираешь цель. А днём солнышко подогреет землю, подтает под тобой, а ты лежишь тихо в воде — подняться, передвинуться на другое место нельзя, потому что враг рядом, несколько сот метров. Делали по одному выстрелу. На нашем участке было чистое поле, ни одного кустика, а уходили мы, только когда стемнеет. На моём счету было пятнадцать фрицев, так мы их тогда называли. Меня посылали делиться опытом в другую часть. Оратор из меня плохой, но я как мог, так и говорил. 4-го августа 1942 г.

утром рано дали нам на завтрак гречневой каши. Такой вкусной нам никогда не давали, и тут команда «подъём», строиться. Мы даже кашу свою не доели, пришлось её вываливать. Мы пошли в наступление.

Шли сначала во весь рост, а было чистое поле. Первый осколок маленький, с подсолнечное семечко, серое (я почувствовал – кольнуло в ногу) застрял в обмотке. Я его взял, выдернул и выбросил. Пошёл дальше... Вскоре мы наткнулись на минное поле и начали его обходить, но только ползком. Тут меня ранило во второй раз, но уже по-настоящему. Перебило кость выше колена.

Мой товарищ, тот что был рядом, затащил меня в воронку от снаряда, перевязал, помог выбраться из воронки и говорит: «Вон, видишь песок?» Я говорю: «Вижу», «Вот к нему и ползи». А как ползти? Ведь кость перебита. Я тогда молодой был, силенка была – подтянусь на руках: за траву уцеплюсь и подтягиваюсь. А винтовку не бросаю. Сначала её вперёд толкнёшь, потом сам подтягиваюсь к ней. С километр, может больше, а может меньше, полз полтора дня и никто меня не подобрал. Это только в кино показывают, что быстро подбирают, а на самом деле это не так.

Вокруг меня рвались мины и снаряды. Ну, думаю, добьют меня здесь. Так и было бы, но меня спас вещмешок, что на спине был. Вещмешок с солдатским скарбом. Попал в него осколок, примерно с пятачок. Пробило все тряпки, а застрял в обливной кружке. Так что если бы не кружка, лежать мне в чистом поле воронам на съедение.

До леска этого оставалось метров сто, а я из сил выбился и на полметра не могу сдвинуться. Вижу, на опушке леса наши артиллеристы пушку разворачивают. Я сразу понял, что сейчас начнут стрелять по немцам. Немец даст ответ, а я знаю по опыту, что враг быстро засекает и дает ответ. Или первый снаряд или второй будет мой... Допустим первый снаряд сделает перелёт, а второй будет недолёт, уж он то как раз будет мой... Я стал артиллеристов просить: «Ребята, оттащите меня, пожалуйста, хоть в сторону...» Еле упросил. Положили меня под кусты. Слышу! По кустам пули зашуршали. И тут мне ногу эту же в том же месте обожгло. Я об этом тут же как бы позабыл. Вспомнил, когда почувствовал, что мокро от крови. Вот так за полтора дня меня три раза ранило. Хоть на этот раз кость и не задело.

Вскоре пришли санитары с носилками и забрали меня. Сначала лежал в медсанбате, потом на машины – и стали возить по госпиталям. Сначала в Волоколамск, потом в Москву, а из Москвы погрузили в вагон и повезли в Свердловск. За всё время, пока возили, моя нога почти срослась. Но ноги врачи ничего не делали. Потом положили меня на вытяжку и я на вытяжке лежал один месяц и восемь дней. Гирь было 22 кг., правда, не все сразу повесили, а постепенно добавляли. Сейчас одна нога короче другой на четыре сантиметра, и ступня смотрит в сторону, и зимой снег она загребает.

Пять месяцев я пролежал в госпитале. А после отпустили домой долечиваться. Потом ВТЭК продлил, но на фронт я больше не попал.

Когда меня ранило, и я полтора дня полз, меня подобрала другая часть.

ТЫЛ

О моей работе

на Малеевском Каменном карьере

Я лежал в госпитале в г. Свердловске № 1326. Приехал домой под Новый 1943 год после ранения в левую ногу. Перебита кость выше колена, осколок и сейчас сидит в ноге.

Устроился на Малеевский карьер бурильщиком, бурил камень, готовил его взрывникам под взрывные работы... Мне это подходило, потому что надо было на одном месте стоять. Буры были стальные, шестигранные, заострённые копьём в кузнице. Длина была разная – от двух метров до четырёх и более. Для начала берёшь бур поменьше, им легче начинать. Пройдёшь один метр, потом берёшь побольше, по мере углубления, а потом тот, на какую глубину требуется. С каждым ударом надо поворачивать бур, а если всё же его зажмёт, то были специальные ключи, поворачиваешь ключом, тоже сделанном в кузнице. Подливали в отверстие воду для размягчения камня – он размокнет и легче бурить. Чтобы не брызга-

ло на тебя, одевали резинки круглые от старых калош, под названием чюпи. А когда накапливалась жижа густая, как сметана, хороши были специальные черпачки на толстом стальном пруте, которые делали тоже в кузнице.

Работа была жаркая, весь день долбишь, как дятел, со всей силой. Работали зимой в одной рубашке, и то было жарко. Нормы были большие, сейчас не помню какие, старались пробурить больше нормы, а свыше нормы шла прогрессивка. Сделаешь норму только, то ничего не получишь, вернее, получишь, но мало. Вот и старались, чтобы больше зарабатывать. Раскуривать было некогда, курили на ходу, папироску в зубы и давай наяривать от души. Рубашка была мокрая от пота – это зимой-то! А ведь питание было плохое. Шла война и работали все для фронта. Так я проработал бурильщиком до весны.

А весной, как началась навигация, с забоев всех снимают для погрузки камня на баржи. Суда были разные по форме и размерам и назывались они тоже по разному – баржа, баркас, гусяна. У баржи было три палубы, и довольно широкие, по ним можно было ехать с тачкой свободно – две по бортам и одна посередине. На них стелили доски, чтобы ехать не по палубам, а по доскам. Тачки были деревянные без бортов – одна впереди «головешка». Были и с бортами. Они предназначались для мелкого камня и мусора. А щебёнка бьётся в забое при погрузке в вагонетки, когда высыпашь на складе, он летит вниз под откос на шесть-семь сантиметров и крошится, и колется. В основном работали без бортов, они удобнее и безопаснее.

Рабочие были из окрестных сёл и деревень. А ещё были рабочие из Горького. Их присылали с военных заводов, потому что нужен был камень, его, как говорили, добавляли в металл. А своих рабочих не хватало, даже были рабочие с Бумкомбината...

Тачкой надо руководить, а не она тобой, надо держать её в крепких руках. Был несчастный случай: один рабочий взял тачку с бортами, я, мол, в неё побольше камня набросаю. Так и сделал. А при повороте на барже эта тачка его толкнула ручками в бок, и он упал за борт в воду и не выплыл. Его искали, но не нашли. Должно быть, утянуло под баржу. Так и погиб. Молодой был, прислали с завода. Они считались как, на трудовом фронте.

Укладывали на тачку основные рабочие по 0,50 куба, а один был у нас сильный – он клал по 0,75 куба, целую вагонетку. Тачку сам расширил, пришил пошире доски. Это было на Акишенском карьере, мы, малевские, приезжали на машине халтурить. Весь день грузили, а вечером нам давали по десять рублей. А в те времена десять рублей были большие деньги. Силач нагрузит свою тачку, а мы только что приехали, дорога незнакомая на баржу, которая сидела низко в воде, много ниже берега. Приходилось тачку с камнем спускать на тормозах. То есть, сзади у тачки

прибиты по бортам стойки и брусок, который прибивался поперёк. Вот и опускаешь на этот брусок и давишь на ручки, не даёшь быстрее катиться с горы. Я силачу сказал, что я его тачку увезу до места и не развалю. Он был наш, малеевский, говорит: «Не увезёшь. На полдороге рассыпится у тебя». Ну, я взял поехал. Было очень тяжело. Такую тачку можно было только раз отвезти, но не таскать её весь день. Я и правда не доехал до того места, куда нужно было сваливать камень. Ехал по этой дороге первый раз, она мне была незнакома, а там была небольшая щель, и колесо попало в неё.

Ведь когда везёшь, то дорогу видишь только за пять-шесть метров впереди себя. Это я зашёл вперёд моего рассказа. На тачку клали по-разному: кто меньше, кто больше, кто и совсем мало, были и такие хитрецы... Они клали по три-четыре камня. Работали по разрядам. Разряды были от третьего до пятого. Только у одного был шестой — у того силача.

Были ещё и баркасы. Они были крытые, как пульманы на железной дороге. Так же посередине дверь. По бортам плотники наши делали подмости внутрь баркаса, по одному на каждый борт. Из баркаса неудобно было выгружать камень — крыша мешает. Как они там выгружали мы не знаем, видно мучались. Баркасы предназначались под хлеб, зерно, разные продукты, которые боятся сырости. Так что нам их подавали очень редко.

Были ещё гусяны. Они были длиннее всех остальных судов. Посередине был домик для команды. Большинство команд было семейных. Сам муж был шкипером, хозяин судна, жена и дети, если взрослые — матросы. Даже маленькие дети были. Вся семья в сборе. От носа до кормы была арка из четырёх-пяти брусьев, скреплённых скобами, болтами... Это сделано было, чтобы гусяна не переломилась пополам. Длину и ширину я не помню, но она была длинней всех других судов. Камня брала примерно по 1200 — 1600 тонн. Больше грузили, когда в реке было много воды, весной. Сажали на 120 — 150 — 160 сантиметров. В середине и в конце лета воды становится мало в реке, особенно на перекатах. Шкипер знает, какую делать осадку и в конце лета или когда мало дождей, то сажаем даже на 80 сантиметров.

А таскали эти гусяны специальные буксиры, теперь их нет. Они были колёсными, Баржа-гусяна цеплялась к буксиру-пароходнику стальными тросами по три-четыре, а то и больше. Они цеплялись одна, за другой и получался целый караван. Эта цепочка продвигается вперёд очень медленно, особенно против течения. Зато была выгода: один буксир тянет сразу столько гусян и барж. А сейчас понастроили толкачей: они толкают впереди себя одну, от силы две баржи, а сколько при этом солярки сжигается?

В каждое судно просачивается вода в разные щели. Её надо вычерпывать, выливать. Раньше звался не шкипер, а водолив. Вычерпывали специальными черпаками. Жестянкой этот черпак прикрепляли на длинной палке, метра полтора, посередине привязывали крепкий шпагат или бе-

чёвку. Черпак привязывали к верхней палубе, на корме или на носу, ведь когда строится баржа, сначала делается каркас из брусьев, а потом уж всё обшивается досками. Вот между брусьев и налаживают этот черпак в специальные отверстия сделанные в борту. Черпак ходит взад-вперёд... Вперёд с водой, а назад – порожний. Этим делом занимаются матросы. Надо попасть точно в отверстие с жёлобом. Это когда судно стоит на стоянке под погрузкой или выгрузкой. А вода всегда просачивается, и её надо выливать регулярно. А вот когда судно идёт, каждый шкипер придумывает, как облегчить ручной труд. Опускает за борт колесо с плицами, как у парохода, пристраивает к нему помпу или насос. Колесо крутится, если судно на ходу, и помпа качает воду. А ещё использовали ветер. Делали четыре крыла: крылья крутятся, и помпа – насос качает воду. Придумывал каждый по-своему.

У нас в карьере было шесть уступов, и каждый по 6-8 метров высоты. Как-то всех сняли на погрузку камня на баржу, а меня одного оставили на уступе колоть кувалдой камень. При взрыве камни летят далеко от забоя, некоторые по всему уступу, их много, и их надо разбить и подтащить к центральной линии. Но таскать камень не входило в мои обязанности, моё дело разбить... Ведь я был хромой, одна нога короче, а тачки возить я не смогу, так считало начальство. Когда я бурил, то стоял на одном месте, мало ходил. Этот день кое-как прошёл: поработаю, устану – сажу, курю, сколько мне влезет, никто за мной не смотрит и не подгоняет. Но было очень скучно одному, скукота заела. Пойду на берег, где идёт погрузка, народу там много, все в куче, человек семьдесят. Там смех, шутки, а я один, как бирюк. На другой день я пошёл к начальству, мол так и так, я больше не могу один, тоска заела, возьмите меня на погрузку. «У тебя нога больная!» «Разрешите мне попробовать, может и получится». Разрешили. Пробуй. Для начала надо для себя тачку подобрать. Стал выбирать из кучи. Одна кособока, другая тянет на голову, третья давит сильно на руки. Но всё таки выбрал подходящую. Написал свои инициалы. Мы работали на одной тачке много лет. Сам её подремонтируешь, заменишь доски и тормозной брусок заменишь, смазываешь. Одним словом, свою тачку берегли, на ней работать легко. Ты к ней уже привык, знаешь куда и сколько положить, кладёшь равномерно, на руки не тянет, и к «голове» тоже не тянет, везёшь пудов 12-15, и легко тачка катится.

Новичка или неопытного всегда ставят последним, чтобы передним не мешали и не задерживали. На баржу друг за другом, тачка впереди, а порожние тачки – сзади. С берега на судно накидывали двое мостков, а на судне делали разветвление в разные стороны по две доски, а центральная – по четыре, с таким расчётом, чтобы можно было сваливать по обе стороны трапа. Трап находится на высоте полтора-два метра. На этой высоте гружёная тачка и надо доехать до конца судна, если ты передний стоишь. Это тоже надо уметь – по двум дощечкам проехать.

При начале погрузки, когда днище судна — голые доски, и с такой высоты упадёт крупный камень, а ведь там постелен поперёк брусёв тес в 30 миллиметров, то доски не выдержат и поломаются. Вот поэтому вначале тачку с камнями поменьше, а потом можно камень покрупнее возить. Попадают и очень крупные камни. Такие вчетвером закатывают на тачку. А везёт всё это один. Такого камня очень боится шкипер, ведь так можно и доски днища проломить. Такой камень сваливали только на камни — они смягчали удар. За эти камни начальство ругается, велит их разбивать. Зимой в забое пододвинут близко к уступу такой камень, а ребята молодые, сильные, не охота бить его кувалдой — берут два лома и закатывают прямо в вагонетку втроем. Начальство за это строго ругается, но когда нет начальства, так и делали.

Каждый следил за своим местом, так как там скапливалась щебёнка и мусор. Берёшь тачку с бортами и отвозишь щебёнку на баржу, а мусор на берег реки. А если следить не будешь, то тебе же тяжелее будет брать камень и влезать на гору. А будет порядок, и работать легче. У нас там на погрузке был свой неписанный закон: через каждые десять тачек перекур, на 10 - 15 минут. Такой отдых назывался у нас залога, то есть перекур. Кто отдыхает, молодёжь купается. Купается, правда, если погода позволяет. У нас была специальная учётчица. Она считала наши тачки на обоих мостках.

Камень на тачку уложить так, чтобы он при малейшем толчке не развалился, тоже своего рода мастерство, этому тоже надо было учиться. Плохо уложишь, он при первом толчке и развалится, а зади тебя едут товарищи, надо дать дорогу. Очистишь дорогу, тачку в сторону, камень на тропе лежит — надо убрать. Ведь разъездов для таких случаев не было. Товарищи свалили, едут обратно, а ты всё ставишь тачку на мостки, и грузишь свой камень, который с твоей же тачки. Везешь первую, а твои товарищи уже вторую везут. Товарищи будут отдыхать, а ты будешь столько тачек возить, сколько не довёз. Это закон. А если не станешь довозить, то ряд понизят. Тут быстро научишься как правильно связывать камень без верёвки и бострыка.

Я на первую тачку немного положил (надо тачку изучить), на вторую положил побольше, а на третью как следует. Начинаешь класть сначала по краям, по бортам, а потом начинаешь класть на «головешку», она у тачки впереди. С неё начинаешь. Каждый камень прижимаешь к головешке, как бы связываешь без верёвки. Положишь доверху, а наверх положишь ещё один небольшой камушек, на него ещё меньше, и вот, маленький камушек, меньше кулачка детского, лежит до конца и не упадёт. Правда, я это делал редко, для форсу. Смотрят на меня и удивляются.

Наши деревенские увидели, сколько я положил на тачку и довёз до места, и не развалил, удивились, что я так быстро научился этому искусству.

А тому искусству я научился ещё до войны. Я учиться бросил рано. Пятый класс не закончил. На то была причина. Отпустили нас весной на каникулы. Овраги разлились и я больше не пошёл в школу. Я матери сказал, что лучше буду камень ворочать в карьере, но учиться не пойду. А учились за шесть километров в рабочем посёлке Лашма. В селе была только начальная, до четвёртого класса. Чтобы я баклуши не бил, начал работать. Ходил в лес с мужиками, они валили, а я обрубал сучья. В колхозе возил навоз, на конных граблях собирал сено в валки, в карьере был смазчиком вагонеток, кипятил куб для чая грузчикам на погрузке. Уйдут на обед или вечером не догрузят, а я беру пустую тачку, накладу на неё камней и еду на баржу сваливать. Так я все лето тренировался, учился связывать без верёвки. Вот эта наука мне и пригодилась. А они этого ничего не знали. На тачку клали по 12-15 пудов, доски не выдерживали, ломались.

Отпусков нам не давали, чтобы отдохнуть, как сейчас отдыхаем, а верней давали — посылали на две недели в колхоз на весь отпуск, на сенокос. Там косили, стога метали — это был наш отпуск и отдых. Сменишь обстановку и на природе побудеешь, свежим сеном подышишь.

В карьере летом, особенно в забое, жарница, духота, ни ветерка: в забое, как в яме. Вот только когда погонишь вагонетку с камнем или с мусором, тогда на ходу ветерком обдует. Вагонетка катится сама под уклон, только держи тормозом. На погрузке делали по 70 тачек, а то и более. Устанешь, еле в гору влезешь. А приедешь домой, надо ехать в лес за дровами на тележке или за травой. У тележки колёса железные, от плуга. Они врезаются в песок чуть не по ось. Нагрузишь толстых, а сверху положишь ещё хворосту, вроде прикрытия, ведь дрова были ворованные. Едешь, а сам дрожишь. Не попались бы объездчик или лесник. Вот так работали. Вот так жили. Глубокой осенью загружали последнюю баржу, навигация заканчивалась, и переходили в забой на добычу камня, готовились к лету.

В забоях работали по три человека. У нас были вагонетки, их возили лошади. А лошади больше трёх вагонеток не брали. Тяжело. Был крутой подъём. Лошади подавали нам порожняк. А с камнями вагонетки катились сами, только держи тормозами. Тормоза были деревянные, окованные листовым железом. Над колесом была планка, вставляешь в отверстие тормоз, заднее колесо начинает медленнее крутиться, или совсем остановится. Когда рельсы мокрые после дождя или гололедица, очень опасно, колёса не крутятся. Вагонетка бежит, тормоз от трения дымится, а вагонетка бежит всё быстрее и быстрее. И, когда видишь, что не в силах остановить, всем телом наваливаешься на тормоза. А то и прыгиваешь, а иначе сломаешь себе шею. Вагонетка бежит одна и стрелочница переведет стрелку в разрез и тут она сходит с рельсов и кувыркается, потому что она развила очень большую скорость.

У нас в забое был случай: вагонетку никак не могли остановить. Рабочему кричали: прыгай! А он надеялся, что остановит, а она на большой

скорости сошла с рельсов. По-нашему называется «забурилась». Передние колёса ткнулись в шпалы, а зад вагонетки подбросило с силой. Нажимавшего на тормоза подбросило и он полетел через вагонетку вперёд... Хорошо, что отделался небольшими ушибами. Мы после над ним шутили: «Летел через вагонетку, как ангел, а упал, как чёрт».

А теперь – как мы работали в забое и какой был неписанный закон. Приходили утром пораньше, часам к восьми. Надо наковырять и набить камня кувалдой, а кувалды были немного легче, чем в кузнице у молотобойца, и надо накидать полную вагонетку. Ровно в восемь выезжали на центральную линию из забоя. Выезжаем все дружно, чтобы занять очередь на порожняк. На лошадях работали девчата. Назывались они коногонами, а коногонами командовала учётчица. Она и стрелочница. Следит за тем, кто выехал первый, кто второй и так далее. Она посылает коногона, кому везти порожняк в первую очередь, а кому во вторую... Кто первый выехал на центральную линию, тому и должна вперёд подавать вагоны. Если же я выехал первый, а мне подадут вагон во вторую очередь, то я подниму такой хай, что ей тошно будет. Хотя разница всего две-три минуты.

Выезжаем все дружно, соблюдая интервал. Если бы первый выехал, а другие еще догружают – так не годится. Выезжать надо всем дружно, и для этого мы помогаем друг другу. Вот так мы работали: каждая минута была дорога.

Когда отгоняешь вагонетку с камнем на склад, тормоза на плечо, и пока идём до забоя, курум. Придёшь в забой и начинаешь готовиться к следующей вагонетке. Выковыриваешь ломом из большой груды, после взрыва, камень, который поддастся, сваливаешь на подолу, на чистое место и начинаешь кувалдой бить его. А если ты один не в силах выковыривать камень, то зовёшь напарника – вдвоём справляемся быстрее. А потом начинаешь думать: как поднять камень. Камни бывают разных размеров, то метру полтора и даже по два метра, но двухметровые мы не били кувалдой. В обед или вечером выдолбишь небольшую ямку клемом, положишь, на неё камушек, взрывник положит горстку аммонала, капсулю и взрывает.

Норма была большая, расценки низкие. Надо было набить камни, нагрузить в вагонетки и отправить на склад. Норма была 9-10 вагонеток по 0,75 куба, а мы делали всегда выше нормы по 12-14 вагонеток. Мужики посильнее и по 16 вагонеток. На всё что было выше нормы шла прогрессивка, правда, сколько именно, не помню. Если же одну норму будешь делать, то ничего не заработаешь.

Так что весь день: кувалда, лом, клевок, лопата совковая из рук не выходили. С лопатой тоже надо сноровку иметь, а то будешь тыкаться, а толку никакого не будет. Два часа грузишь одну вагонетку. Лопатой кидать тоже надо уметь красиво. Кидаешь мусор в вагонетку, согнёшься и не ра-

зогнёшься, пока вагонетка не будет полна. Тогда разогнёшься, расправишь спину... Когда грузишь короб, его немного наклоняешь на себя и легче грузить. В конце короба есть штырёк величиной с палец, на конце—небольшое отверстие для шпингалета. На раме—планка с отверстием... Наклонишь капот, наденешь планку на штырь и короб в наклонном положении. Грузить закончил и всю эту операцию делаешь наоборот, и закрепляешь вертикально, и короб становится в горизонтальное положение.

Камень надо было уметь разбить, надо знать, с какого боку к нему подойти, а то будешь полдня над ним биться и не разобьёшь. Со мной было такое: попался мне камень, ну никак не поддаётся моей кувалде. Вроде и силёнка была, а вот камень никак не могу разбить. У товарища уже полвагонетки набросано, а я всё с одним камнем вожусь. Это когда я в первый раз пришёл в забой.

Рядом со мной бурил шурф один старичок лет шестидесяти, наш деревенский. «Ты, — говорит —, замучил камень, он стонет. Дай-ка мне твою кувалду». А у меня уже получился шар. Я луплю по нему, а отскакивает одна щёбёнка. «Дай-ка, Николай, я тебе покажу как надо бить и где надо бить». И начал разделять камень. Я стою и только дивлюсь на этого деда. Он за 5-7 минут раздолбал его. После этого и у меня дела пошли на лад. Так что камень разбить, тоже наука нужна.

Попов Иван Андреевич

Родился в 1924 году.

В МФТИ в 1962-1995 годах.

Доцент кафедры истории.

Родился в 1924 году 17 июня, в селе Кривское, Рязанской области. В 1941 году окончил среднюю школу. Казалось, пути открыты. Но 22 июня четко определил путь нашего поколения. Мои одноклассники были призваны в армию, а я, в связи с непризывным возрастом, был направлен на трудовой фронт – на рытье противотанковых рвов. Первый месяц я работал как рядовой колхозник, но затем, учитывая мое среднее образование и трудовую хватку, был назначен руководителем, направленных сюда представителей 53-х колхозов Сараевского района, Рязанской области.

В связи с разгромом немцев под Москвой, нас направили на заготовку дров, железнодорожный транспорт не имел необходимого топлива.

В августе 1942 года был призван в армию. Стал курсантом первой учебной бригады автоматчиков, находившейся в г. Орехово-Зуево. В феврале 1943 года я с отличием окончил полковую школу и был оставлен в качестве ее преподавателя.

Несмотря на высокую оценку моей работы, я чувствовал себя не очень комфортно – хотел быть на фронте. Начались мои рапорты, просьбы, чтобы мое желание исполнилось. Спустя какое-то время начальник полковой школы сказал: «Хорошо. Вот выпустим 1925 год и вместе с ним отправим и Вас».

В ноябре 1943 года я прибыл на фронт – попал в 332 стрелковую дивизию имени М.В. Фрунзе в лыжный батальон, во взвод разведки. Меня назначили командиром отделения этого взвода. До февраля месяца мы пытались освободить г. Витебск, но наших сил было явно недостаточно.

В феврале 1944 года нашу дивизию перебросили под г. Полоцк. В течение месяца наш взвод почти ежедневно ходил в разведку, чтобы взять «языка». Но успеха не было. Немцы были бдительны. Не везло не только нам, но и разведчикам полка, дивизии, армии и даже фронта. Результата не дала даже разведка боем, проведенная батальоном. И вот в этой обстановке нашему взводу разведки необыкновенно повезло – мы захватили немецкую разведку в количестве семи человек. А произошло это так. Наше командование, готовясь к наступательным боям, проводило учения на уме-

ние пехоты двигаться за «огневым валом». Для этого батальон выводился в тыл. Артиллерия открывала огонь, а батальон шел как можно ближе к «огневому валу». Были случаи, когда отдельные бойцы слишком близко приближались к нему, и их ранило.

Слыша эту постоянную стрельбу, немцы решили выяснить, кто это у нас в тылу воюет? Послали свою разведку в количестве семи человек. Наш часовой, оставленный в дзоте (а взвод, находившийся с ним, тоже проводил учения), увидев перебравшихся через передний край немцев, позвонил в штаб батальона.

Наш взвод разведки был брошен туда. Вскоре мы увидели немецкую разведку и открыли огонь. Немцы стали убегать вглубь леса, а один ле-

жал на земле. Это был командир немецкой разведки, раненный в бедро.

Учитывая мои физические возможности, мне поручили доставить его в штаб батальона. Остальные шесть человек из немецкой разведки были захвачены взводом из нашего дзота и нашей разведкой. Командир взвода разведки был награжден орденом «Красной звезды», а все остальные — медалью «За отвагу».

29 июня 1944 г. наша дивизия вместе с другими дивизиями перешла в наступление на г. Полоцк. 4 июля город был освобожден. Участвовавшие соединения и части получили почетное наименование «Полоцких». 9 июля, выполняя свои обязанности, наш взвод разведки попал под мощный артогонь. Несколько человек, в том числе и я, были ранены, а остальные погибли. Взвод разведки больше не восстанавливался.

Вернувшись из санроты, я был назначен помком взвода. 16 июля я был ранен вновь. Через неделю вернулся в строй. Был назначен командиром взвода.

В двадцатых числах июля наша дивизия, участвуя в операции «Багратион», освободила прибалтийские города Сталы, Краславу и Двинск. В одном из боев, за взятие дзота с 6-ю немцами, был награжден орденом «Славы» III степени.

Самым весомым эпизодом в своей боевой биографии считаю выполнение приказа командира батальона майора Аванесова: «Ворваться в расположение врага на высоте и дать сигнал ракетой, что вы там». Уверенности, что я взводом в 12 человек могу ворваться на высоту, у меня не было. Не было потому, что это комбату не удалось осуществить даже батальоном.

Изучив обстановку на левом фланге немецкой обороны, я приказал взводу: из противотанкового ружья уничтожить немецкий пулемет, подбегая к проволочному заграждению, забросать его шинелями, траншеи врага – гранатами. После чего преодолеть проволочное заграждение. Все так и было сделано. Ворвались в траншею врага почти без потерь. Ранен был легко один боец. Взяв ракетницу, дал сигнал комбату, что приказ выполнен. Комбат представил меня к ордену «Александра Невского». Но так как я не был еще офицером, мне дали орден «Отечественной войны» II степени.

29 сентября 1944 года командир роты капитан Познахирко И.А. был ранен. Комбат приказал мне принять роту. Когда я ему сказал, что лучше передать роту командиру первого взвода, он старший лейтенант, комбат ответил: «Я знаю, кто чего стоит, и кому передаю роту».

В середине октября 1944 года из полка пришел приказ, набрать в военное училище лучших бойцов и младших командиров. В этот список комбат включил меня первым.

Я попал в Смоленское артиллерийское училище, которое закончил по первому разряду. Был направлен командиром артвзвода в Особый военный округ. В мае 1947 года был демобилизован.

Много лет спустя, когда я читал лекции о ВОВ я досконально изучил операцию по освобождению Белоруссии.

Она началась 23 июня 1944 г. и закончилась в конце августа того же года. К лету года наши Вооруженные Силы превосходили противника не только по численности солдат и офицеров, но и в вооружении, а также в искусстве ведения больших и сложных фронтовых операций.

Немецкий полководец фельдмаршал Клейст: «Солдаты Красной Армии с самого начала войны были отличными бойцами, и мы сперва брали верх лишь благодаря тому, что лучше подготовились к схватке. Но потом они приобрели военный опыт и стали солдатами высшего класса. Они сражались с редчайшим упорством, изумительным мужеством, они терпели такие лишения, которые бы вряд ли выдержали армии других стран». Наиболее незаурядное воинское мастерство, стойкость, мужество и верность отечеству проявил русский солдат. Эти черты русских воинов многие зарубежные деятели называли «русским чудом».

Осуществление операции «Багратион» было возложено на четыре фронта (1-й, 2-й и 3-й Белорусский и 1-ый Прибалтийский) и на Днепровскую военную флотилию.

Координаторами действий фронтов были назначены два самых выдающихся полководца Г.К. Жуков и А.М. Василевский.

В грандиозных сражениях с обеих сторон приняли участие более 6 млн. человек, 85 тысяч орудий и минометов, около 11 тысяч танков и САУ, свыше 10500 боевых самолетов.

С середины июля 1944 г. в эту операцию были включены еще четыре фронта: 2-й и 3-й Прибалтийские, Ленинградский и 1-ый Украинский.

Впервые нашему командованию удалось ввести врага в полное заблуждение о подготовке столь крупной операции. С одной стороны, передвижение войск и передислокация войск обеспечивались строгой секретностью искусной маскировкой. С другой стороны, производилось ложное сосредоточение восьми-девяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией севернее Кишинева. Поверив, враг 24-й дивизии из 34-й группы армий «Центр» держал к югу от Припяти. Это позволило 1-ому Белорусскому фронту К.К. Рокоссовского иметь на участках прорыва превосходство над врагом: в людях – в 3-4 раза, артиллерии – в 4 раза, в танках – в 6 раз.

4 июля 1944 года завершился первый этап грандиозных сражений в Белоруссии. Группа армий «Центр» за 11-12 дней потерпела катастрофическое поражение – ее главные силы были разгромлены. За время операции 17 вражеских дивизий и 3 бригады были уничтожены полностью, а 50 дивизий потеряли более половины своего состава. Это поражение немецкие генералы расценивали как катастрофу. Остатки были отброшены на 550-600 км.

Родина наша десятки раз салютовала в честь наших четырех фронтов, закончивших разгром врага 29 августа 1944 г. Многие соединения и части, в честь освобожденных ими городов, получили почетные наименования Витебских, Минских, Полоцких, Могилевских, Оршанских и т.д. За мужество и героизм 402 тысячи бойцов и командиров были награждены орденами и медалями, а 1837 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Враг и мировая общественность не могли не выразить своей оценки данной битвы.

31 августа 1944 г. А. Гитлер заявил: «Я уверен, что не может быть хуже обстановки, чем та, которая сложилась в этом году на востоке». Лондонская газета «Санди экспресс» подчеркнула: «Ничто не может сравниться с масштабами и скоростью советского наступления. Над Германией нависла тень – катастрофы». «Перед Германией, – писала газета «Нью-Йорк тайм», – стоит призрак 1918 г.».

Большое значение для операции «Багратион» имело партизанское движение в Белоруссии.

Партизанское движение в России, как одна из форм борьбы с агрессорами, зародилась в Глубокой древности. Но особенно четко проявилась в борьбе с агрессией Наполеона.

Когда на нашу страну напал Гитлер, партизанское движение стало стихийно возникать повсеместно, возникать небольшими отрядами и группами. А затем ему был придан организованный характер. Для руководства партизанским движением в мае 1942 г. был создан Центральный штаб во главе с П.К. Пономаренко. Учитывая быстро возрастающую вооруженность и боевитость партизанских формирований, военные советы фронтов стали более активно привлекать силы партизан к проведению крупных наступательных операций.

Напуганные размахом партизанского движения и тем ущербом, который наносило оно немецкой армии, фашистское командование требовало от Гитлера создания более организованной борьбы. С этой целью Гитлер создал пост главнокомандующего по борьбе с партизанами. Целые соединения, крайне необходимые на фронте, враг был вынужден снимать.

В Белоруссии, оккупированной в первые недели войны, три года свирепствовал жесточайший террор фашистов. К лету 1944 г. от него погибло свыше 2200 тысяч местных жителей, а 380 тысяч были угнаны на каторжные работы в Германию.

Враг уничтожил полностью или частично 209 городов и районных центров, более 10 тысяч промышленных предприятий, 10 тысяч колхозов, 92 совхоза и 316 машинотракторных станций (МТС).

Для борьбы с фашистскими оккупантами на захваченных территориях создавались партизанские края и зоны. Они были и на Украине. Но самыми обширными и эффективно действующими они были в Белоруссии. Поэтому неслучайно Белоруссия вошла в историю как партизанская республика.

Если в РСФСР было более 260 тысяч партизан и подпольщиков, на Украине 220 тысяч, то в Белоруссии – 444 тысячи. Кроме того, на ее территории имелись так называемые скрытые резервы партизанских сил, которые насчитывали около 400 тысяч человек.

Активная помощь белорусских партизан наступавшей Красной армии привела к тому, что фашисты были вынуждены уходить из населенных пунктов до ее подхода. В результате к концу 1943 г. более половины всей оккупированной территории Белоруссии уже не контролировалось фашистами. Тысячи сел и деревень, десятки районных центров, были очищены от оккупантов. В них действовали советские органы, законы и порядки.

Характеризуя этот процесс, подчеркивая суть партизанской борьбы, английский историк Рейтлинджер писал: «Действительные размеры тер-

ритории, которую немцы когда-либо контролировали, были столь малы, а объем деятельности гражданских оккупационных властей был столь незначителен, что настоящую историю страны в период германской оккупации надо искать в анналах партизанской войны, главным театром которой Белоруссия оставалась в течение всего периода германской оккупации».

Совсем не случайно в Белоруссии была распространена в годы войны крылатая фраза: «Земля крестьянская, леса партизанские, шоссе немецкое, а власть Советская».

В заключении хотел бы привести наказ выдающегося полководца Великой Отечественной войны К.К. Рокоссовского «Только тот народ, который чтит память своих героев, может стать великим».

Синеокая Марина Владимировна

Родилась в 1922 году.

В МФТИ в 1949-1982 г.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Когда началась война, я сдавала экзамены за I-й курс Института иностранных языков. Сразу возник вопрос: что делать? Поехать в эвакуацию с родителями за Волгу или с институтом в Среднюю Азию? Я выбрала третье: на фронт, в действующую армию. Туда ехали девушки-связистки, медики, но это мне не подходило. Оставалось одно оружие – немецкий язык. Год обучения военному переводу в Военном институте иностранных языков, куда набирали студенток из МГПИИЯ – и я получаю направление в качестве военного переводчика на Ленинградский фронт в разведотдел штаба 2-й Ударной армии.

Эта армия участвовала в прорыве блокады Ленинграда и понесла огромные потери. Немцы яростно сопротивлялись. В жесточайших боях была отвоевана полоса земли вдоль Ладожского озера шириной 8 км и протяженностью примерно 20 км. Эта полоска земли связывала умирающий Ленинград с большой землей. Сразу же была проложена узкоколейка, по которой пошли эшелоны с продовольствием в город. На этой полоске земли и находился штаб 2-й Ударной армии. Сзади Ладожское озеро, перед нами узкоколейка, через несколько километров – позиции противника, который вел по этой дороге прицельный огонь из орудий. В остальном на нашем участке фронта было затишье. Армия готовилась к наступлению, к полному снятию блокады. Меня предупредили: готовься, работы будет много. Прежняя переводчица разведотдела, моя предшественница во время боев была убита.

Работу переводчика я представляла себе плохо. Я думала, что она сводится в основном к переводу вопросов, которые задавал наш офицер пленному немцу, ответов пленного на русский язык. Все оказалось не так просто. Переводчик должен был уметь самостоятельно вести допрос, записывать все полученные от пленного сведения и передавать их начальству. С языковыми трудностями я справлялась. Проблема была в другом: я боялась, что немцы будут мне врать. Обычно они охотно отвечали на вопросы, но иногда говорили, что ничего не знают. Как заставить их говорить правду? Применение силы и угрозы отменялись сразу. Помогало другое. Я им говорила, что им нечего бояться, что для них война кончилась, а когда

мы разобьем Гитлера, а мы его обязательно разобьем, они смогут вернуться на родину, к своим семьям. Но чтобы это произошло скорее, они должны нам помочь. Часто это срабатывало. Я знала, как важны для командования те сведения, которые могли сообщить пленные. Это и численность батальонов, и оснащение боевой техникой и расположение огневых точек, и многое другое. Было известно, с каким трудом часто ценой жизни наших солдат добывались «языки». Обычно предпринимались вылазки разведчиков в расположение противника. Иногда, когда очень нужны были сведения о противнике, на небольшом участке завязывался бой, чтобы заставить немцев выйти из укрепленных позиций. Потери несли обе стороны. Во время этого боя солдаты разведроты должны были захватить пленных. Моя задача была получить от них максимум того, что они могли сообщить.

В работу переводчика также входила обработка трофейных документов, которые наши солдаты собирали на поле боя или на захваченных командных пунктах. Во время наступления такие документы приносили мешками. Но нужно было очень внимательно просматривать каждый документ, а содержащуюся в нем важную информацию переводить. Иногда обычный листок бумаги мог оказаться очень ценным. Приведу такой пример: однажды во время боев под Ленинградом наступление нашей части

было остановлено шквальным пулеметным огнем противника, оборонявшего один из населенных пунктов, который назывался «Рабочий поселок № 5». Все атаки были безуспешны. Наши потери были большие. Среди немецких штабных документов, оказавшихся в руках наших солдат, было много различных приказов, распоряжений, инструкций и т.д. Среди них оказался обычный листок бумаги с начерченными на нем какими-то непонятными значками. Внимание к себе он привлек только потому, что на нем было написано «Поселок 5». Оказалось, что это был план рабочего поселка с нанесенными на него огневыми точками. Их удалось быстро по-давить, и Рабочий поселок № 5 был взят.

Меня часто спрашивают, было ли на фронте страшно. Ответу прямо — иногда очень. И не потому, что в любой момент в расположение штаба могли попадать снаряды, которыми противник обстреливал передовые позиции и которые рвались за несколько километров от штаба. Их разрывы мы постоянно слышали и к этому привыкли. Но были моменты, когда мне по-настоящему было страшно. Дело было на территории Восточной Пруссии, во время наступления наших войск. Наступление шло быстро и, чтобы не останавливать движение, некоторые немецкие позиции просто обходили, не уничтожая засевших там немецких солдат. Эти солдаты выходили из своих блиндажей, вооруженные автоматами и бродили по окрестным лесам. В этот период пленных было очень много. За ними уже не надо было охотиться с риском для жизни. Немецкие солдаты сами сдавались в плен целыми подразделениями во главе со своими командирами. Чтобы не вести их всех в расположение штаба, их собирали на небольшом хуторе в нескольких километрах от командного пункта, там снимали краткий допрос и затем пленных под конвоем отправляли к нам в тыл. Хутор находился в лесу, и мне приходилось через лес нести протоколы допросов моему начальству. В этом-то лесу и бродили не желавшие сдаваться фашисты. Они устраивали засады, нападали на наших штабных офицеров. Однажды один наш генерал на машине сбился с дороги, попал в засаду и был зверски замучен. Я знала, как опасно идти через этот лес. Было страшно быть убитой, но еще страшнее попасть им в руки живой. Было страшно также наступить на мину, которые в большом количестве оставляли после себя отступающие немцы. Одну из таких мин саперы обнаружили в отведенной для меня землянке. Их собака села прямо у порога. Значит, здесь мина. Я случайно, заходя в землянку, перешагнула через нее. Вообще-то моя фронтовая жизнь протекала в относительно спокойной обстановке. Наш штаб располагался обычно за несколько километров от переднего края. К тому же нас, девушек (а было нас в разведотделе трое), старались по возможности оберегать и облегчать наш быт. День Победы мы встретили в Германии. В конце войны у меня были три звездочки на погонах и три боевые именные награды.

**Награды Марины Владимировны Синеокой.
Боевые ордена за участие в военных действиях
во время Великой Отечественной Войны 1941-1945 г.:**

1. Орден отечественной Войны (второй степени)
2. Орден Отечественной Войны
3. Орден Красной звезды
4. Орден Красной звезды

Именные боевые медали:

1. Медаль «За Боевые заслуги» (1943г.)
2. Медаль «За оборону Ленинграда» (1944г.)
3. Медаль «За Взятие Кенигсберга»
4. Медаль «За Победу над Германией»

Много юбилейных медалей, среди которых:

Медаль «За Победу над Германией» (30 лет Победы)

Медаль «50 лет Освобождение Белоруссии»

Тиваньян Валентин Федорович

Родился в 1921 году. В МФТИ в 1965-1992 г.

Заведующий лабораторией прочности.

Чемпион СССР, России по пулевой стрельбе.

Последние дни июня 1943 г. Завершился второй год Великой Отечественной войны.

По сообщениям Совинформбюро, на отдельных участках фронтов идут бои местного значения.

В один из этих летних дней 1943 года экипаж транспортного самолета ЯК-6 в составе командира корабля – старшего лейтенанта П.И. Данилова, штурмана – сержанта И. Соколова и бортмеханика – сержанта В. Тиваньяна получил первое летное боевое задание. Надо было срочно доставить материал для ремонта боевых самолетов-штурмовиков ИЛ-2 на прифронтовой аэродром вблизи деревни Колпна,

находившейся в 30 км. восточнее города Ельца, занятого фашистами. Груз был взрывоопасный (ацетон, эмолит, перкаль, нитролак, нитки «Маккей») и весил 300 кг.

Лететь предстояло в светлое время суток, без сопровождения истребителями, бреющим полетом на высоте 5-7 метров.

Дело в том, что в то время существовал приказ: в прифронтовой полосе транспортные самолеты должны были летать только на бреющем полете, во избежании быть сбитыми истребителями противника.

Поставщик груза – представитель Куйбышевского авиазавода, выпускавшего самолеты ИЛ-2, рассказал о причинах столь срочного задания. Штурмовик ИЛ-2, со всеми его непревзойденными летно-боевыми качествами, имел один существенный недостаток: рули хвостового оперения были обшиты перкалью с помощью ниток «Маккей». Больше года эти штурмовики отлично воевали и были грозой для фашистов. Не случайно они прозвали ИЛ-2 «черной смертью». И вдруг у наших появились значительные потери. При штурме вражеских позиций, когда скорость полета максимальна, и самолет, потеряв управление, врезался в землю. На авиазаводе после тщательных исследований было обнаружено следующее: нитки «Маккей» были обработаны составом, который постепенно разлагал шов и перкаль.

Груз, который мы должны были доставить, предназначался для замены обшивки рулей самолетов, базировавшихся на прифронтовых аэродромах.

Потрясенные рассказом, спали мы плохо. До рассвета приехали на аэродром. Базировались мы тогда на Московском Центральном аэродроме им. Фрунзе.

Взлетели до восхода солнца. Курс – 180° на юг. Приборная скорость – 175 км. До линии фронта – около 300 км. Высота полета – 150 м.

На самолете ЯК-6 экипаж располагался следующим образом: пилот, он же командир – за левым штурвалом, на правом сиденье – бортмеханик, а штурман – между ними, за раскладным столиком.

Полет поначалу проходил спокойно. Под нами – сожженные деревни, хутора, окопы. Окопы покинутые наземными войсками при наступлении.

Взошло солнце. Слева прошли Венев, справа – Тулу. Снизились до бреющего полета. Под нами – узкоколейка. Штурман предлагает:

– Давайте по ней!

Минут через 15 узкоколейка кончается. Куда дальше? Командир спрашивает:

– Где находимся? Какая у нас путевая скорость?

Штурман Игорь Соколов отвечает смущенно:

– Идем правильно. Но точно сориентироваться не могу. Давайте чуть повыше.

Командир отбирает у штурмана карту и приказывает мне, бортмеханику:

– Возьми управление!

До армии я занимался в 1939-1940 годах в аэроклубе. Я летал с Павлом Даниловым, моим будущим командиром, больше года, и он часто позволял мне управлять самолетом. Но одно дело – полеты на безопасной высоте 200-300 метров, а другое дело на бреющем. Это было впервые.

Отобрав карту, П.И. Данилов пытается сориентироваться на местности сам. Я крепче обычного сжимаю штурвал. Все внимание – на трассу, на горизонт. Боковым зрением смотрю на приборы. Внутренне сильно напряжен. Понимаю: малейшая ошибка в пилотировании, и мы врежемся в землю.

Но чувствую: командир во мне уверен больше, чем я сам в себе. Павел Иванович сверяет карту с местностью, что-то обсуждает с Игорем, штурманом.

Вдруг приказывает:

– Набери 30 метров!

Беру штурвал на себя. На высоте обзор увеличивается, и я с облегчением расслабляюсь. И тут впереди, справа за лесом, вижу грунтовую взлетно-посадочную полосу. Сообщаю об этом командиру. Отложив карту, он сам берется за штурвал. Кончается лесок, за ним капониры. Готовлюсь к выпуску посадочных щитов. И вдруг вижу – мессершмидты с крестами на крыльях. Кричу:

– В капонирах мессершмидты!

Командир отвечает:

– Вижу! Смотри на взлетную!

В следующую секунду он разворачивается на 180 градусов, мы даем двигателями полный газ и снова оказываемся над лесом.

Скорость истребителя в три раза превышает нашу. Спасением может быть только маневр и маскировка: при полете над лесом на минимально низкой высоте камуфлированная верхняя часть самолета сливается с зеленью леса.

Командир приказывает: штурману наблюдать за воздухом сзади, а мне справа. Летим против солнца. Сейчас оно наш союзник. Снова вопрос командира:

– Обстановка?

– Чисто. Кажется, ушли! – отвечаем мы.

Устанавливаю крейсерские обороты двигателям. Прошло не больше 10 минут полета. И вдруг Игорь кричит:

– Заходят два истребителя справа!

Командир чуть-чуть теряется. Под нами кончается лес. Впереди – большой овраг, а за ним – чистое поле, над которым нас определенно собьют.

Командир делает единственно правильный маневр: почти без крена, скольжением, направляет самолет вдоль оврага. Пулеметная трасса проходит справа, одна из пуль обжигает мою руку и пробивает приборную доску.

Истребители проносятся над нами и скрываются за крутыми скосами оврага. В нем мы неуязвимы, но лишены наблюдения за маневром противника.

Овраг заканчивается, а за ним – снова спасительный лес. Командир говорит нам:

– Вероятно, мы перелетели линию фронта и находимся в тылу у немцев.

Только сейчас чувствую боль в руке выше локтя. Рукав в крови. Но не до этого! Вижу за лесом посадочную полосу, показываю левой рукой командиру. Он предупреждает:

– Чей это аэродром, мы не знаем. Приземлимся в центре, прокатимся до леса, там покинем машину – и в лес, враспынную. Кому из нас повезет, тот останется жив. Это наш последний шанс.

А границы аэродрома – капониры. Пролетая над ними, видим в них наши краснотелые ИЛы. Ликуем: «Аэродром наш!»

После приземления нас окружают солдаты. Сыплются вопросы: откуда мы, куда летим? Командир задает встречный вопрос: что это за аэродром и где деревня Колпна.

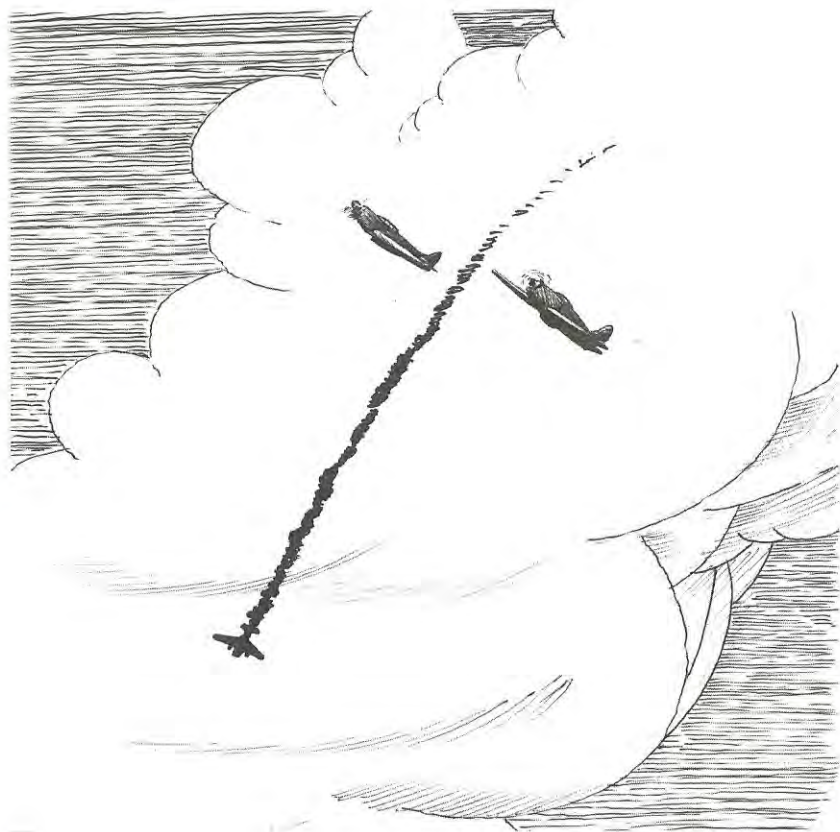
Оказывается, до войны тут находился Елецкий аэроклуб, а сейчас военный аэродром, на котором размещены полк ИЛов и французская истре-

бительная эскадрилья сопровождения «Нормандия-Неман». Деревню Колпна сожгли немцы.

После того, как выясняется, что мы из Москвы и привезли материалы для ИЛов, обстановка разряжается. На лицах улыбки: «Как столица?», «Правда, что Сталин в Москве?»

Через аэродром на большой скорости мчится «Виллис». Из него выходит высокий полковник, командир полка. Мы стоим по команде «Смирно!» Наш командир идет на встречу с докладом, но полковник опережает его:

- Откуда вас черт принес?
- Из Москвы, товарищ полковник!
- Цель прилета?
- Материалы для ремонта самолетов привезли!
- А к немцам зачем полетели?

– На бреющем полете ориентировку потеряли!

И вдруг не по-уставному, а по отечески:

– Ребята, когда вы нас пролетели и пошли к немцам, плохо мы о вас подумали. Подняли истребители с приказом сбить, но в последний момент, увидев, как немцы вас преследуют, поняли вашу ошибку. Воздушный бой из-за вас видели? Двоих немцев сбили, а третий трусливо удрал. Но и у нас есть потери: сбили командира звена французской эскадрильи.

И тут он видит мой окровавленный рукав:

– Сержант, вы ранены?

– Немного, товарищ полковник!

Приказывает шоферу отвезти меня в санчасть. Едем по лесу. Санчасть – обычная землянка. Нас встречает медсестра и доктор. Разрезают окровавленный рукав. Доктор осматривает рану и заключает:

– Кость не тронута, будем зашивать. Замораживать нечем, так что вы, голубчик, потерпите. А ежели совсем будет неможноту – кричите, это помогает. Кроме нас, никто не услышит, а мы привыкли.

Кривая игла впивается в руку. Очень больно! Терплю. Стыдно показывать свою слабость юной красавице-медсестре. Операция занимает 10 минут, но мне кажется вечностью. Все, наложена повязка. Доктор предупреждает:

– Утром придете на перевязку. И с неделю руку не перегружайте!

Наш самолет уже переместили в капонир. Рядом стоит полуторка, в которую перегружают материалы. Чуть дальше бензозаправщик – ждет меня. На заправку ушло десять минут.

– Как с рукой? – участливо спрашивает полковник.

– Все в порядке!

– Тогда вам вылет с рассветом! Возьмете трех раненых. Им необходима срочная госпитализация. До свидания, привет Москве!

Шофер проводит нас на ночлег в фронтовую землянку. До захода солнца далеко, но мы, утомленные тяжелым полетом, быстро погружаемся в сон.

Разбудил нас голос дневального:

– Подъем! Тревога! Немцы прорвали оборону! По самолетам!

Темно. На востоке чуть-чуть зарождается утренняя зорька. Бежим к самолету. Около него нас ожидают медсестра и трое раненых. На подготовку к вылету по тревоге уходит не более пяти минут.

И вот мы в воздухе, набрали безопасную высоту. Курс – 15 градусов на север-северовосток. Через 20 минут рассвело, и мы переходим на бреющий полет. Штурман докладывает:

– Прошли Тулу, путевая скорость 85 км, встречный ветер 90 км.

– Как с горючим? До Москвы хватит? – спрашивает командир.

Я докладываю:

– Осталось на четыре с половиной часа.

Впереди – то ли туман, то ли дымка. На всякий случай поднимаемся на 100 метров. Видим: это танки, наши танки. Их много, они идут встречным курсом. Теперь мы невольно летим под их защитой!

Дальнейший полет прошел спокойно. На Центральном аэродроме приземлились в 7 часов утра. Позавтракали. Пару часов отдохнули и снова в полет! С таким же грузом, но уже под Ленинград. Снять шов и перевязать рану мне удалось только через неделю.

...Прошло более полувека. Давно ушел из жизни мой командир и друг Павел Данилов. Неизвестна судьба штурмана, ташкентца Игоря Соколова.

Таких полетов, сложных и опасных в моей военной судьбе много, но описанный выше запомнился мне с мельчайшими подробностями. Наверное, потому, что раненая рука с каждым годом все больше напоминает о себе болью.

*22 января 2002 года, г. Жуковский
(Перепечатано из газеты «Современник», согласовано с автором)*

Цирлин Аркадий Иосифович

Родился в 1923 году.

В МФТИ с 1956 года. Инженер.

Повестку из военкомата я получил 20-го июня 1941 года – на второй день после выпускного вечера по случаю окончания средней школы. Явиться предписывалось 26-го июня. Жил я тогда с родителями и двумя сестрами-школьницами в Ленинграде.

Около полутора месяцев я провел в учебно-распределительном батальоне, куда направляли выпускников средних школ (призывать всех окончивших среднюю школу юношей стали с 1939 г.) и, помнится, других молодых людей со средним или незаконченным высшим образованием. Из них, как я понял позднее, собирались готовить командиров (слово «офицер» тогда не употребляли). Таким образом, руководство страны, несмотря на катастрофическую ситуацию в начале войны, проявило дальновидность. Набирали сначала в 1-е Ленинградское пехотное училище, после чего от батальона осталось человек 50 (наверно, двадцатая часть прежнего состава), потом пошло 2-е Ленинградское пехотное училище, но там требовалось немного народу. Наконец, появилось вновь организованное 3-е Ленинградское пехотное училище. На этот раз никакого согласия на поступление в училище не спрашивали: нас всех просто построили и повели. Многие из них не хотели идти в училище, наивно полагали, что отслужат и потом пойдут учиться дальше. Не только мы, юнцы, думали, что война быстро закончится. Ведь и Сталин 7 ноября 1941 года говорил: «...несколько месяцев, полгода, может быть, годик, и фашистская Германия рухнет под тяжестью своих преступлений». Эти слова я слушал, когда стоял часовым у ворот пехотного училища.

13-го августа нас, уже курсантов, погрузили на Московском вокзале в эшелон – поезд, составленный из «телячьих» – товарных вагонов, оборудованных двухэтажными нарами. Поезд шел севернее Ленинграда на восток. Впоследствии я понял, что наш эшелон был в числе последних, вышедших из Ленинграда. Через несколько дней город оказался в блокаде. Там осталась вся моя семья.

Примерно через неделю поезд привез нас в Воткинск – на родину Чайковского, где я и пробыл курсантом 3-го Ленинградского пехотного училища до марта 1942 года.

Наконец, учеба позади, нам навесили, как тогда говорили, кубари (так назывались квадратики в петлицах – у лейтенанта их было два. Погоны

ввели в 1943 году). Нас – нескольких новоиспеченных лейтенантов направили на станцию Канаш (это в Чувашии). В одном из сел, расположенном поблизости, формировалась наша часть – 382-й пулеметно-артиллерийский батальон. Многие жители этого села, особенно женщины, не умели говорить по-русски. Все напоминало, по моим представлениям, дореволюционную деревню: все жители были обуты в лапти, а у женщин они были даже изящными.

Почти все наши солдаты были старше нас, молодых лейтенантов, многие годились в отцы, и это в первое время смущало, но потом мы все-таки научились «командному языку».

6-го марта 1942 года эшелон привез нас за Тулу, и южнее ее мы заняли оборону в выстроенных для нас ДЗОТах. Нам, можно сказать, очень повезло. Вскоре немцы начали свое мощное наступление на юге и устремились к Сталинграду и Кавказу. Сталин, как теперь стало известно, опасался наступления немцев на Москву и устроил на подступах к столице глубоко эшелонированную оборону. На нашу долю выпало оказаться в дальнем эшелоне – передний край был от нас километрах в 60 под Мценском. В тихие зимние дни доносились глухие раскаты дальней артиллерийской канонады. Немецкие самолеты часто разбрасывали листовки, призывая сдаваться в плен.

В марте 1943 года часть офицеров и меня в том числе откомандировали в распоряжение Наркомата обороны. В Москве я и мой товарищ – москвич Ваня Шереметьев, в семье которого мы пробыли пару дней, получили направление на Юго-Западный фронт в город Купянск (это около Харькова). Срок дали 10 дней и по пути встретилось немало приключений, были налеты вражеских самолетов.

В Купянске я получил направление в 350-ую стрелковую дивизию, остатки которой незадолго до этого вышли из окружения, куда попали наши войска, подошедшие к Харькову после контрнаступления немцев весной 1943 года. В стрелковом батальоне, где мне предстояло служить командиром пулеметного взвода, осталось всего 8 «активных штыков» (так называли тех, кто непосредственно имел перед собой противника – стрелков, пулеметчиков, минометчиков). С любопытством смотрели на наши погоны: некоторые еще помнили, как их срывали «с мясом» у белых офицеров.

При полном составе (что в те времена бывало довольно редко) пулеметный взвод состоит из трех расчетов по пять человек, в каждом по тяжелому (примерно 65 кг) «Максиму», который приходилось таскать не только в бою, но и на длинных маршах километров по 35 в день, вернее, в ночь (чтобы не видал противник). Все, наверное, видели в кино как непрерывно строчит пулеметчик, но не все знают, что одной лентой, долго и старательно (иначе не будет стрелять), набиваемой пулеметчиками вручную, можно непрерывно стрелять менее полминуты, а весит она вместе с

железной коробкой около 10 кг и таскать расчет может обычно не более трех-пяти штук.

Передний край проходил тогда по Донцу, а наша дивизия формировалась примерно в 20 километрах от передовой.

Когда Юго-Западный фронт 17 июля 1943 г. перешел в наступление, наша 12-я армия была в резерве фронта и нас постоянно перебрасывали вдоль фронта в разных направлениях. Прежде чем настал наш черед, мы прошли пешком с полным боевым снаряжением в общей сложности километров 500. И вот этот черед настал. 17-го августа, когда стемнело, мы переправились по наведенному мосту через Донец на обильно политый кровью наших предшественников плацдарм шириной 5-10 километров на крутом правом берегу. Нам, видимо, предстояло прорываться далее.

Задачу нам не объяснили, что тогда было обычным делом. Приказали только соблюдать полную тишину и не курить. Наш стрелковый батальон двигался колонной по лугу. Правее и левее, как я потом выяснил, метрах в 30-40 шли такие же колонны других двух батальонов нашего полка. В темноте можно было только отличать землю от неба...

Вдруг слева и справа, прямо и вкось, перекрещиваясь, на нас устремились с устрашающим звуком струи светящихся оранжевым цветом трассирующих пуль. Немцы все заранее рассчитали и их пули летели, чуть не касаясь земли. Вся масса людей залегла, расплзаясь по полю и тесно прижимаясь к земле. Кругом слышались стоны раненых и предсмертные вопли. Командиры потеряли возможность управлять своими подразделениями. Одно спасение – лопата, которую надо было быстро пустить в дело. Весь наш полк за считанные минуты потерял боеспособность, много было убитых и раненых. Невозможно передать ощущение, когда прямо в тебя летят огоньки трассирующих пуль. Какая-то невидимая сила заставляет тесно прижаться, просто врасти в землю.

Наконец по немцам дала залп «Катюша» и стрельба стихла. Когда стало светло, оказалось, что перед нами метрах в двухстах густая лиственная роща, с опушки которой и стреляли в нас немцы. Больше их там уже не было, и остатки нашего полка вошли в этот лесок, расположенный в конце длинной ложины, которая вела в село.

Видно, не мы первые побывали в этом лесочке – видели мы там и сожженные танки со сгоревшими в них танкистами, и раздавленных широкими танковыми гусеницами людей, от которых оставалось одно, как бы проглаженное обмундирование да еще торчали ноги в обмотках. Валялись и просто убитые. А кругом стоял густой трупный запах.

Через некоторое время появились немецкие самолеты. Ни до, ни после этого мне не пришлось видеть так много самолетов. Они заняли все безоблачное небо от горизонта до горизонта и летели, не встречая никакого сопротивления. Открывшие огонь зенитки были скоро подавлены. На наше счастье, они собрались бомбить не нас, а, кажется, стоявшее в

резерве танковое соединение. Тем не менее, это было устрашающее зрелище. Одни «Юнкеры» на свои цели пикировали, другие сбрасывали свой груз обычным образом...

На нашем участке фронта, южнее Изюма, велись тогда, как сообщалось в сводках Совинформбюро, «бои местного значения, имеющие тенденцию перерасти в серьезные бои». На простом языке это означало, что дела идут неудачно, хотя, как я потом понял, попав после ранения в госпиталь другой армии, на узком участке фронта действовали целых три армии. Интересно, что в попадавшей мне до последнего времени литературе о войне и, в частности в мемуарной, об этих боях не упоминается. Хвастаться авторам было нечем: людей погибло много, а крупный прорыв не удался. Действительно, если взглянуть на карту, станет ясно, что удачный прорыв к югу от Изюма означал бы окружение всех немецких войск в Донбассе. Поэтому немцы добились господства в воздухе и не дали осуществиться планам наших военачальников.

После адской бомбежки у нас все пришло в беспорядок. С группой солдат человек в тридцать, в числе которых из моего взвода был всего один, я оказался на противоположной стороне леса.

Тем временем на лесок обрушился сильнейший артиллерийский огонь, снаряды рвались кругом, многие прямо на ветвях деревьев, и я решил вместе со своим единственным солдатом двинуться на другую сторону рощи, где, как я думал, были остальные наши. По дороге этого солдата, видимо, убило осколками рвавшихся на деревьях снарядов.

И вот я выбежал к опушке леса и впереди себя шагах в восьми вдруг увидел несколько человек, стоящих ко мне спиной. Мороз пробежал по коже — это были немцы... Они и сейчас как бы перед глазами: в аккуратном обмундировании, с ранцами, на голове каски. Это, вероятно, был, пулеметный расчет и прошли они ложиной по противоположной от той, где мы были раньше, опушке леса. В руках у меня была винтовка со штыком. Все длилось какие-то мгновения... Вдруг в нескольких шагах передо мной, справа от немцев, разорвался снаряд. Правое плечо словно обожгло, хлынула кровь, правая рука стала холодеть... Быстро повернул назад и побежал к обратной стороне рощи, где был раньше, но там, к моему ужасу, уже никого не было. Все же удалось отыскать своих, перевязали мне рану и нам как-то посчастливилось пробежать невредимыми среди разрывов снарядов и мин через поле, отделявшее эту опушку леса от лесного массива, где были наши.

Горячий осколок не внес инфекции, в полевом госпитале рана быстро зажила и 7-го сентября я снова был на передовой, но уже не в 12-й, а в 6-й армии. Осколок же до сих пор во мне, в глубине грудной клетки.

На командный пункт 997-го полка 263-й стрелковой дивизии, расположенный в глубоком овраге, я и еще двое выписанных из госпиталя офицеров пробирались уже среди, хотя и не очень частых, разрывов вражеских снарядов.

Когда попадаешь на передний край впервые, бывает отчасти любопытно. Но, несмотря на чувство долга и патриотизм, что бы там ни говорили, когда идешь туда снова после госпиталя, кажется, что раньше тебе просто повезло, теперь же гибель неминуема. Можно при этом рассказывать что-нибудь смешное, болтать, но это ощущение сидит где-то в глубине.

После того, как мы сдали свои предписания, на нас долго не обращали внимание и я успел присмотреться к обстановке. К одному из нас, кто был постарше и посolidнее, обратился начальник разведки и спросил, хорошее ли у него зрение и разбирается ли он в карте. Тот отвечал как-то вяло и несмело и тогда капитан обратился ко мне. Признаюсь, очень хотелось попасть не в пулеметчики, а в разведку, и я сказал, что зрение у меня отличное и в карте разбираюсь превосходно. Мне очень повезло — назначили начальником НП (наблюдательного пункта) полка, а двух моих товарищей отправили прямо на передний край.

НП располагался в ДЗОТе метрах в трехстах от нашей передовой. Надо было немедленно сообщать по телефону обо всем замеченном. На 11.00 было назначено наступление на громадное село в несколько тысяч дворов. На артподготовку отводилось по 40 снарядов на орудие, а орудий этих там было очень много. Сигналом для артподготовки служил залп трех полков «Катюш». Мне не приходилось наблюдать такое зрелище со стороны. Грохот сонма летящих снарядов был такой, что как бы ощущалась твердь небесного свода, по которому, казалось, катятся тяжелые поезда, не говорю уже о громе разрывов. Часть залпа многочисленных «Катюш» накрыла и наши окопы. Сразу же сообщил об этом по телефону, но уже было поздно. Дым и пыль от разрывов застлали все поле боя.

Результат оказался ничтожным — заняли лишь одну линию немецких окопов, а во всем полку, как говорили, осталось всего 27 активных штыков. Однако в эту же ночь нас сменила другая дивизия, немцы же отошли сами, так как к этому времени их фронт был прорван южнее. Нас отвели в тыл, погрузили в эшелоны и направили на формировку, которая проводилась около Ворошиловграда.

Из запасного полка получили пополнение — в основном это были ребята 1925 года рождения. Глядя как они делили хлеб, понял, что кормили их в запасном полку совсем не на убой. Может, не все нынче знают, как это делается. Кто-то тщательно нарезает хлеб на пайки, и чтобы, упаси Бог, никому не досталось на грамм больше, нарезавший хлеб, показывая пальцем на кусок, вопрошает: «кому?» Отвернувшийся называет. На передовой большинство совершенно здоровых молодых парней совершенно теряли аппетит и делить хлеб и все остальное (кроме, разве что, водки) уже не требовалось.

Сформированную и отдохнувшую нашу 263-ю дивизию выгрузили из эшелонов где-то вблизи Большого Токмака, и мы двинулись, пешком, ко-

нечно, к Мелитополю и стали преследовать отступавших вдоль железной дороги в Крым немцев. Отступали немцы планомерно, успели перебить каждый рельс толовыми шашками ровно посередине.

У Чонгарского моста немцы решили дальше нас не пускать. Наши же старые укрепления они усилили, поставили множество разнообразных мин.

Командование отвело наши, уже порядочно потрепанные войска, и мы, пройдя километров 60, подошли к переправе через Сиваш. Собственно, переправы еще не было, переходить надо было вброд, а тяжелое оружие переправлялось на понтонных судах. На несколько дней раньше уже был создан плацдарм на крымском берегу. Войска шли вброд и, возможно, даже неожиданно для немцев, а вел их, как говорили, тот же старик, который был проводником у Фрунзе в 1920 году.

Сиваш в этом месте начинается с обрыва высотой 3-4 метра, а дальше идет полоса вязкой зеленоватой глины шириной с полкилометра, а затем километра на 3 простирается водная поверхность. На противоположном берегу такая же глинистая полоса. По мере удаления от берега холодная соленая вода доходила до груди, а иногда попадались ямы, где было поглубже. Происходило это 7-го ноября. Немало людей утонуло, особенно из непривычных к холоду узбеков.

Когда стемнело, двинулись на передовую. Тревожное настроение овладевает всякий раз, когда к ней приближаешься. Немцы непрерывно светят перед собой ракетами, все время ждешь артналета, постоянно готов мгновенно упасть, заслышав шум летящих снарядов. Но снаряд ведь летит быстрее звука, а если он не крупного калибра и должен упасть совсем близко, то ничего услышать не успеешь. Командир нашего батальона, да и командиры стрелковых рот, не очень внимательно отнеслись к размещению своих людей, не проследили, чтобы каждый вырыл себе окоп, и поэтому мы расположились так, что немецкая передовая оказалась как-то наискось по отношению к нашей. В моем взводе оставалось 2 пулемета. Один из них я расположил в нескольких сотнях метров левее того, с которым остался сам.

Многие солдаты, особенно выходцы из Средней Азии, просто не понимали, что окоп спасает им жизнь, и считали их рытье никчемным трудом, нужным не им, а командирам. Поэтому, когда стало светло, немецкие снайперы попросту перестреляли открыто лежавших на ровном поле людей. Окопавшийся расчет моего пулемета попытался вести огонь, однако из-за неудачного расположения нашей передовой немецкий снайпер оказался почти на фланге и, как только пулеметчик протягивал руки к пулемету, летела пуля. У одного из них пробило обе руки. Чтобы перевязать раны, пришлось подползти к нему, крепко прижимаясь к земле. Кровь его лилась мне прямо за воротник шинели. В конце концов, пуля повредила и пулемет, выведя его из строя. Тогда я решил отползти ко второму

пулемету. Вскоре снайпер меня заметил, хотя полз я по-пластунски, тесно прижимаясь к покрытому негустым бурьяном полю. Подтягивая при переползании левую ногу, я чуть поднял ее и вдруг почувствовал страшный удар по ступне, даже в ушах зазвенело. На сапоге у носка вырвало кусок кожи и показалось, что оторвало все пальцы на ноге, хотя боли, как ни странно, не почувствовал.

Резкое шелканье пуль, их вой и визг при рикошетах были ужасны и живым я уже почти и не надеялся остаться, но, на мое счастье, снайпер все же был, видимо, далеко, да я от него постепенно удалялся. Все время моросил дождь и, к тому же, я его обманул: расстегнул тесемки намокшей плащ-палатки и вылез из-под нее, а он стал стрелять по ней. Так я полз под огнем метров 600. Выбившись из сил, в какой-то момент поднялся на полчетвереньки (есть такой метод переползания) и почувствовал, как пуля прошла под животом, но пробила лишь полы шинели.

Все же удалось выбраться. Перевязали, разрезав сапог, рану и вместе с несколькими другими ранеными оставили лежать прямо под дождем целую ночь, так как везти в тыл, то есть на берег Сиваша, было не на чем. Моя рана не была опасна для жизни, но рядом лежал солдат, раненный в живот. Наутро нашлась повозка и нас отвезли к берегу, где стояли палатки медсанбата для приема раненых. По дороге этот солдат все просил пить, но пить ему нельзя было. В палатке, куда нас с ним положили, он еще поворочался и затих. Входят санитары, и один говорит: «Ну, эти оба готовы». Он принял и меня за покойника...

Вскоре меня и еще троих раненых поместили в круглую резиновую лодку, наподобие большой автомобильной камеры с дном. Двоих тяжело раненных уложили на дно, а я и еще один офицер уселись, опершись на круглый борт. Тащили нашу лодку мобилизованные на работы местные жители, сначала по глине, а затем и по воде.

Когда наша лодка была уже метрах в двухстах от противоположного берега, где расположились приемные палатки медсанбата и находилось множество людей, началась бомбежка. Облачность была низкая и, казавшиеся громадными, самолеты летали метрах в ста над землей. Они появлялись по одному и сбрасывали сразу все свои штук по двадцать бомб прямо на людей и на все, что там попадалось. К счастью, бомбы, прежде чем взорваться, успевали погрузиться в вязкую глину и осколки не разлетались. При виде всего этого, тащившие нас люди совершенно обезумели и, несмотря на все наши уговоры, стали тащить нашу лодку, можно сказать, прямо в пекло. Гораздо безопаснее было бы оставаться подальше от берега.

Около переправы на высоком берегу стоял зенитный арtpолк и множество крупнокалиберных зенитных пулеметов ДШК. Было видно, как их трассирующие пули пронизывают самолет, но чтобы его сбить, надо ведь повредить в нем что-нибудь важное или попасть в летчика, так что немецкие самолеты продолжали свое дело. Все же двоих сбили, причем

одному снаряд оторвал крыло, когда этот самолет, отбомбившись, оказался почти над нашей лодкой. Столб огня после его падения поднялся совсем рядом. Один из последних бомбардировщиков полетел прямо в направлении нашей лодки, и было видно, как сброшенные им бомбы летят точно в нас... Это был страшный миг. Товарищ мой отвернулся, я же не мог оторвать взгляд. Бомбы просвистели в считанных метрах над головой, а ближайшая взорвалась в нескольких шагах в вязкой глине, но нашу лодку только чуть качнуло.

Врачи отрезали мне только большой палец, но заживала рана долго и я провел в разных госпиталях почти полгода: ранен был 8 ноября, а выписали из госпиталя уже в Ростове в конце апреля 1944 года.

Ходить было больно, и медицинская комиссия признала меня «ограниченно годным с переосвидетельствованием через 3 месяца». Все эти месяцы, то есть все лето, провел в Ростове в полку резерва офицерского состава. Уже к осени я вновь предстал перед медиками. Они довольно долго, как показалось, вполголоса совещались, но один врач полковник решительно сказал: «ну, всего одна фаланга» – и меня признали годным.

В октябре сначала в эшелоне, а потом на крытых «студебеккерах» отвезли нашу группу офицеров в Карпаты, на 4-й Украинский фронт. На этом фронте, кстати, в знаменитой в годы застоя 18-ой армии, где Брежнев был начальником политотдела, я провоевал до конца войны.

229-й стрелковый полк 8-й Ямпольской стрелковой дивизии, куда меня назначили на уже привычную для меня должность командира пулеметного взвода, был сильно потрепан в тяжелых боях с мадьярами в Карпатах, где они соорудили свою оборонительную линию Арпад. Тяжелая техника в горы не шла, и приходилось надеяться только на минометы и легкую артиллерию, которую тащили лошади с помощью свирепо матерящихся людей. Но не обошлось без везения. Правивший Венгрией, адмирал Хорти, объявил 15 октября 1944 г. о капитуляции и мадьяры, в общем-то, хорошие вояки, не в пример румынам или итальянцам, стали сдаваться в плен толпами. Хотя вскоре немцы арестовали Хорти и поставили у власти фашиста Салаши, отменившего приказ Хорти, это им не помогло и мы вошли в Закарпатье, бывшее до войны частью Чехословакии. Стояла отличная погода, поспели яблоки, сливы, виноград. Однажды мы оказались у винного погреба с громадными бочками, наполненными вином. Один солдат даже утонул в нем. Из пробитых автоматной очередью бочек натекло в подвале вина по колено и подвыпивший солдат в нем захлебнулся. В этот день прошли километров 40 и почти всю дорогу пели.

Когда мы 28 октября подошли к Чопу, в нашем батальоне было всего 18 активных штыков. Пулеметчиков вместе со мной было пятеро. Пулемет Горюнова, чтобы было легче тащить, поставили на сошки от ручного пулемета. Совинформбюро уже сообщило о взятии этого важного железнодорожного узла нашими войсками и по плану нам предстояло

пройти еще километров 15 к западу. Однако немцы, которые теперь заменили мадяр, внесли поправки. Занявшие город полк другой дивизии и штрафная рота оказались в окружении, и почти никто из них не уцелел.

К вечеру, когда уже начало смеркаться, нам приказали «оседлать» шоссе, ведущее в Чоп. Мы стали продвигаться вдоль реки Латорица. Ясно, что ничего путного не предвиделось, и я старался не терять ориентиров, чтобы в случае драпа вывести своих пулеметчиков. В панике, бывало, не-

редко бегут совсем не в ту сторону. Когда приблизились к дороге, нас заметили, и стоявший на мосту через реку немецкий пулемет стал бить прямо вдоль дороги. Струи трассирующих пуль закрыли путь. Мне вместе с расчетом удалось проскочить за какие-то секунды между пулеметными очередями, но из 18-ти человек в нашем батальоне осталось 12.

Мы подобрались к домикам на окраине города или, может быть, пригорода. Некоторое время было тихо, наступила лунная ночь. Вдруг слышались крики, стрельба, разрывы гранат и опять стихло, но вскоре мимо, немного поодаль промчалась какая-то группа людей, то ли наши, то ли немцы. Мы решили, что немцы вот-вот бросятся и на нас – домики-то были совсем рядом, и мы со своим пулеметом (стрелков, когда перебежали дорогу, мы потеряли из виду) тоже побежали обратно, следя за ранее замеченными ориентирами. Поднялась такая артиллерийская пальба, что луна скрылась в дыму. Наконец я решил, что бежать вдоль Латорицы уже хватит, и мы повернули к берегу. Смочив пересохшее горло речной водой из пилоток и пройдя по берегу еще немного, наткнулись на устроивших привал наших стрелков. Это, конечно, и были те самые люди, которые раньше пробежали мимо нас.

Около Чопа мы воевали еще долго, до конца ноября. Несколько раз получали пополнение, и к 13 ноября в моем взводе уже было три расчета по 5 человек. Когда перебирались во время наступления на Чоп через железнодорожные пути, обстреливаемые в упор немецким пулеметом, и пули с воем рикошетировали от рельсов, в считанные минуты людей осталось всего на один расчет: двое были убиты и восемь – ранены.

У обратной, по отношению к расположению немцев, стороны одноэтажного кирпичного домика на окраине Чопа, вплотную к стене, мы вырыли траншею глубиной чуть больше, чем по пояс и устроили там КП стрелковой роты, которой был придан мой последний пулемет. Казалось, мы в безопасности: с одной стороны защищала кирпичная стена, а с другой было ровное место и осколки разорвавшегося снаряда в наш окоп не попадут. Но всего не предусмотреть – тяжелый снаряд разорвался прямо на краю крыши. Пробил стену почти над нами, а осколок пронзил руку сидевшего рядом со мной телефониста, попал в ухо моей ушанки, вырвав клоч ваты у затылка. В этот момент я сидел, наклонив голову, и ел хлеб. Если бы не это, осколок снес бы мне затылок. Хотя задело только шапку, я ощутил сильный удар по голове, хлеб выпал из рук и промелькнула даже мысль, что убит.

Подобных эпизодов было множество и рассказывать о них можно было бы еще долго. То, что удалось уцелеть до конца войны, я объясняю отчасти просто везением, отчасти хорошей реакцией и появившимся умением оценивать ситуацию. К тому же, на передовой я ограничивался только, как тогда говорили, «наркомовскими 100 граммами».

Многократно сменялся личный состав моего взвода, раза два я даже оставался в пулеметной роте один и помогал подымать в наступление стрелков. Это не как в кино, когда все по команде поднимаются и бегом, с криками «за Родину, за Сталина!» устремляются на врага. Во-первых, со своим тяжелым снаряжением солдат долго не пробежит, а, во-вторых, подниматься просто по команде «вперед!», когда кругом воют и рвутся снаряды и мины, оглушительно щелкают до звона в ушах пули и человек порою чувствует себя ничтожной песчинкой, очень трудно. Приходилось силой, пинками, матерщиной поднимать ближайших нескольких солдат, за которыми (гут на память приходят овцы, всегда следующие за остальным стадом) уже пойдут и другие.

Людей в последний период войны, помнится, всегда не хватало и поэтому вместо трех взводов в роте стало два, вместо трех расчетов во взводе – два и т.д. Да и поступавшее пополнение было разным. В начале января 1945 года в полк прислали больше сотни человек из Западной Украины, которых мы называли, хотя это и неверно, «гуцулами». Эти же считали себя поляками и были все из одной местности и, может быть, даже из одного села, так что им было легко сговариваться между собой. При первых же соприкосновениях с противником они стали сдаваться в плен.

Один из двух моих пулеметных расчетов состоял из одних таких поляков, а в другом их было трое. Однажды, подобравшись к огневой позиции того расчета, я увидел один пулемет, как предполагается заряженный и готовый к бою, но ни одного пулеметчика около него не было. Спросил соседей-стрелков, а они говорят, «вроде только что они здесь были, может, скоро придут». Больше я их никогда не видел.

Пока несколько дней не было наступления, на переднем крае в обороне держали только часть людей, другие же по очереди отдыхали в селе километрах в трех где-то неподалеку от огневых позиций артиллерии.

Судьба пехотинца на передовой незавидна. Зимой приходится ночевать под открытым небом на морозе, осенью — лежать прямо в воде, натекающей во время дождя в окоп — просто яму глубиной примерно по грудь, которую приходится отрывать очень часто под огнем противника. Поворачиваешься день в такой глинистой яме и перемажешься с ног до головы. Высунуться в светлое время невозможно — в двух-трех сотнях метров, а то и ближе, тебя готов немедленно убить противник. Вольготно, если можно так сказать, только ночью, и то частенько бывают артналеты: ни с того ни с сего вдруг кругом начинают рваться снаряды.

Кухня появляется на передовой дважды в сутки — когда стемнеет вечером и перед рассветом.

Немцы установили мощные репродукторы и с наступлением темноты сначала давали украинские народные песни, а потом по-украински призывали переходить на их сторону. В бессильной, так сказать, злобе бросали мы сотни мин на звук, но разве в темноте попадешь? Всего из полка удрали к немцам человек 60. Дошло до того, что был приказ стрелять по всем, кто без команды двинется вперед и приказ этот выполнялся. Так было во время разведки боем, когда были застрелены несколько солдат, рванувшихся вперед без приказа. Тем, кто не знает, поясню, что разведка боем — это когда подразделению или даже части дается приказ занять высоту или село. Их даже поддерживает артиллерия, но на самом деле эта высота или село никому не нужны. Главное — обмануть противника и заставить выявить его огневые средства. По сути люди посылаются почти на убой.

Так мы и двигались пешком то по дорогам, то, ориентируясь по карте, напрямую по горам и пашням вытянувшейся с востока на запад горно-лесистой, как говорилось в сводках Информбюро, Чехословакии, заходя временами то в Венгрию, то в Польшу. Словаки, а потом чехи встречали нас как освободителей. «Мы ждали вас шесть лет!» — восклицали многие. Случалось, проходили десятки километров без боя, часто же приходилось воевать за каждую высоту. Горы там невысокие, но чтобы овладеть высотой с отметкой 800-1000 метров, часто приходилось положить немало людей, продвигавшихся под прикрытием только минометного и пулеметного огня. Боеприпасов, правда, хватало и минометчики ухитря-

лись «вешать в воздух» более 20 своих 82-мм мин: первая разрывается в момент, когда в миномет брошена уже, скажем, 21-я.

Дома в селах и городах, если велись бои, превращались артиллерийским огнем в груды развалин, кругом полыхали стога и все что могло гореть.

Продвигаясь вперед, мы как-то к концу дня заняли немецкий пулеметный окоп. Это изогнутая в форме подковы траншея глубиной по грудь для расчета пулемета, устанавливаемого внутри подковы. Но поскольку наш пулемет должен был стрелять в другую сторону, то он был поставлен снаружи этой подковы. В окоп набилось человек восемь, и мы провели там ночь. Ширина такой щели полметра – по длине имеющейся у каждого пехотинца лопатки. Перед самым рассветом я стоял в ней немного поодаль от конца подковы, о чем-то задумавшись, остальные же сидели или лежали на дне. Одни курили, другие набивали ленты, а иные просто спали. Вдруг у ближнего ко мне конца окопа совершенно внезапно появился немец с автоматом. Оружия у меня не было – заряженный карабин лежал около пулемета и чтобы до него дотянуться, надо было наступить на сидевшего на дне окопа солдата. Не мог я дотянуться и до немца – на дне между краем окопа и мною были еще двое. А немец искал, видимо, кого-то из своих и в темноте заблудился. Мне-то его хорошо видно из окопа, он же не мог ничего рассмотреть. Этот немец и сейчас у меня перед глазами... Вот он стоит у края окопа, одетый в куртку, на голове ушанка, завязанная не по-нашему, а на затылке. Он прошептал, как я сумел разобрать: «Wo its Pabs?». Стоило пикнуть, как немец либо даст очередь из автомата, либо убежит. Промелькнула мысль вскочить на солдата, мешавшего добраться до моего карабина, и выстрелить в немца. Все это длилось какие-то мгновения. В тот момент, когда немец, вероятно, решил, что никого нет, и повернулся, чтобы идти дальше в сторону нашего тыла, я вскочил и добрался-таки до своего карабина. Патрон у меня всегда был в патроннике и не успел немец сделать три-четыре шага, как я прицелился и выстрелил. Он упал мгновенно, как будто у него вдруг оторвались ноги, и издал нечеловеческий вопль, от которого все вскочили, поднялась страшная стрельба и с нашей, и с немецкой стороны. Один из паходившихся в окопе солдат потом сказал, что все слышал, но боялся шевельнуться.

Немцы под покровом темноты отступили и мы, не встретив сопротивления, заняли словацкий город Попрад. За этот город в Москве был произведен Салют, а нашему полку присвоили почетное наименование «Попрадский». Такие салюты, как известно, вошли в обычай после Курской битвы, в которой наша дивизия принимала участие (до того, как я в нее попал).

Немцы на нашем фронте оказывали сильное сопротивление нашему продвижению, особенно после назначения командующим удостоенного чина фельдмаршала Шернера, который командовал еще войсками, долго

удерживавшими последний на левом берегу Днепра плацдарм у Николая. Почти весь апрель нам удавалось за день овладевать с немалыми потерями одной-двумя высотами. Как-то в середине апреля, преследуя отступавших немцев, увидели с края отрога горы, как по шоссе под горой движется немецкая колонна. Ударили по ней из пулемета и противотанкового ружья. Плохо им пришлось, но они стали стрелять по нам из пушки и 37-мм зенитки. Ее трассирующие снаряды полетели в нас, разрываясь в воздухе. Пришлось быстро убраться с бугра. Командир роты, мой ровесник, был позади меня шагах в 12. Снаряд упал между нами, но в мою сторону полетел всего один осколок, пробивший мне карман брюк, а ротного просто изрешетило осколками, и он был мгновенно убит. Не дожидаясь конца войны меньше месяца...

Однако в конце апреля немцы стали безостановочно отступать, пытаясь, на мой взгляд, сдать не нам, а американцам. Вероятно, поэтому на Прагу двинули войска, расположенные севернее нашего четвертого Украинского фронта. Немцы же продолжали отступать и после 9 мая, нарушая условия капитуляции.

Конец войны застал наш полк километрах в 90 к востоку от Праги. Трудно описать нашу радость. Беспорядочные салюты длились несколько дней, в воздух непрерывно взлетали разноцветные ракеты, не стреляли разве только из орудий. Еще долго сознание не могло привыкнуть, что уже больше не надо быть постоянно настороже, обходя любую малозаметную рытвинку или клочок сена на дороге, где может оказаться мина, быть каждое мгновение готовым припасть к земле для защиты от приближающегося снаряда или мины.

Глава III

КАК МЫ ЖИЛИ И ТРУДИЛИСЬ РАДИ ПОБЕДЫ

Аверина Любовь Васильевна

Родилась в 1929 г.

В МФТИ с 1948 года.

Мастер.

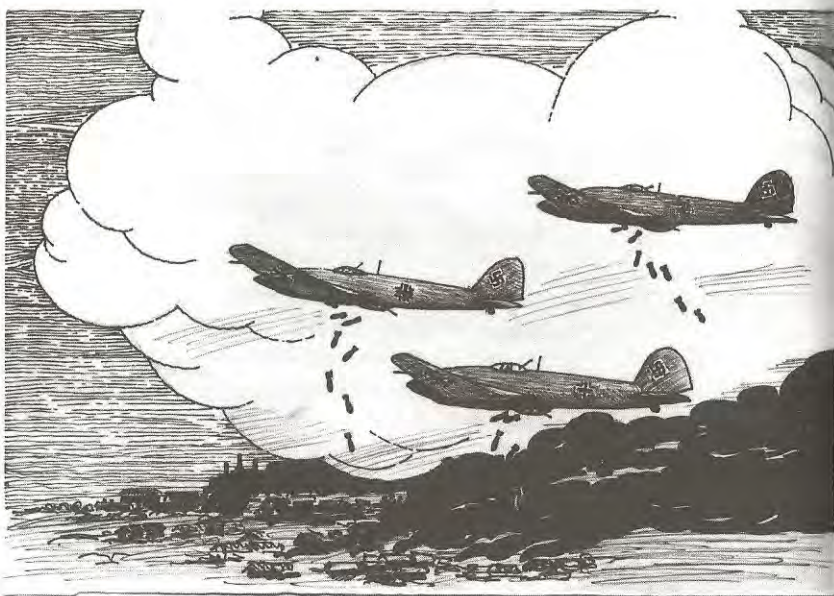
Когда началась война, мне было около 12 лет. Наша семья в составе шести человек: Каменевых Марии Ивановны, Василия Петровича, старшего брата Григория, который тогда служил в армии и участвовал в боевых действиях, братьев Николая и Михаила, и меня жили в поселке Долгопрудный (раньше наш город назывался так). 22 июня 1941 года был самым печальным и страшным днем в нашей жизни. В основном, по ночам, над нами пролетали фашистские самолеты, они летели на

Москву и бомбили ее, нам было видно из дома как страшно горела столица.

В конце сентября-октября 1941 года наша семья была эвакуирована на Урал в город Свердловск. Когда мы уезжали из Москвы, нас непрерывно бомбили самолеты. Ехали мы поездом в товарном вагоне долго, в течение месяца, спали на нарах, в середине вагона стояла буржуйка, на ней готовили еду и грелись. Когда мы приехали в Свердловск, проходили санобработку, нас кое-как разместили в бараках. Через некоторое время нашего папу перевели в другой город, город Билимбай, что под Свердловском. Там мой папа и два младших брата, Николаю было 16 лет, а Михаилу не было и 14 лет, работали на заводе под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» Мама не работала, долго болела, мне пришлось

пропустить год в школе, в связи с ее болезнью и сложными обстоятельствами войны.

Весной 1943 года мы все вернулись в наш родной Долгопрудный. Я снова стала учиться в школе № 5. В 1943 году мы всем классом ходили работать на поля колхоза в деревню «Грибки» и еще работали по очистке леса от мусора.

В том же году к нам пришло извещение о том, что наш старший брат Григорий «пропал без вести в боях за Социалистическую родину». Это был тяжелый, страшный для всей нашей семьи удар.

В 1944 году скончался от страшной болезни наш папа.

За годы войны нам всем пришлось пережить две самых тяжелых потери.

Мой старший брат Камнев Григорий Васильевич 1922 года рождения перед началом Великой Отечественной войны окончил Бронетанковое училище со званием Лейтенанта.

Во время войны он участвовал в боевых действиях против немецких захватчиков.

После обращения в военкомат г. Долгопрудного нам пришло извещение, что лейтенант Камнев Г.В. в бою за Социалистическую родину пропал без вести в сентябре 1943 г. Направляю последнее письмо брата (копию).

Здравствуй Павел, моя братишка!
Там, где и сейчас на земле
мужеством своим борются наши земляки,
привет с любовью и надеждой
от нашей страны.
Ты же в настоящее время находишься
в Западной Европе, на социалистической
земле свободы и справедливости, граничащей
с тем, где бы еще оставалась
темная земля, которую мы завоевываем.
Но и там, где наша страна
мобилизовала народ, с помощью
дружеской помощи Китая, и во всем
своем великом героизме он ставит
мощнейший удар по врагам.
Да, Союзники. Это все
не удивляет. Наша дружба
с братской страной
завоевывает нашу землю
и дружбу будет кончат.
Ты же, Павел, прими участие
и бездельничать. А если
любви не утративши

Всегда одна и та же мечта
у нас, у наших братьев
и сестер.
Маме и папе мы все
с любовью и любовью
заботимся. Будем рады
застать маму и папу в
возрасте, когда будем в семье.
Этих счастливых минут
предстоит в равной мере
и тебе, братишка, и
мне. Будем вместе.
Но, братишка, в лесу, в поле
среди нас, среди нас
я себе отдам 15 руб.
Ты же, братишка, и тебе
много денег.
Давидович с братом
пошли
Ваш брат Г.В. Камнев

Артамонова Надежда Дмитриевна

1928 года рождения.

В МФТИ с 1985 года.

Вахтер.

Родилась я в деревне, в Курской области. Когда началась война в 1941 году, мне было полных 12 лет. Перед самой войной сестры меня взяли из Курской области к себе, они проживали на ст. Долгопрудной. В деревне материально жилось очень трудно.

С 14 лет я пошла работать на Долгопрудненский машиностроительный завод ДМЗ. Тогда там делали самолеты-истребители. На заводе работало очень много маленьких девочек. Зайдешь в цех, а там сидят одни малышки за верстаками, словно в детский сад пришел, одни головки видны. Они клеили нервюры для самолетов. Жили мы в бараках, голодно было, холодно. Надо было чем-то топить, а дров не было. Иногда мы тайно выносили по несколько полен с завода.

У нас жили еще ленинградцы, беженцы, которые эвакуировались из блокадного Ленинграда. Им совсем жилось плохо. Ели все, что попало, даже собак, отчего часто умирали, почти каждый день кто-то умирал.

Работали мы вместе со взрослыми. В 16 лет нас послали на лесозаготовки. Пилили лес, работа не по силам, а главное питание — скудное. Чтобы как-то заглушить голод, из-под снега собирали гнилую картошку. Из нее лепешки делали, пекли их, черные такие. Больше нечего было есть. Не знаю, как мы выжили. Потом по карточкам стали давать хлеб, 800 грамм на день, чуть легче стало.

Спустя какое-то время, вернулась опять в Долгопрудный, опять на ДМЗ пошла работать; поездом и баржей привозили сюда двух, четырех метровые кругляши. Мы их разгружали и пилили для отопления.

Особенно тяжело было разгружать цемент. Его привозили насыщенным в вагонах. Грязно, пыльно.

Помню товарищей, которые работали со мной, там были и постарше и помоложе. Всем было очень трудно, но мы были сплоченными, старались помогать друг другу. Сейчас нас осталось всего 14 человек.

У меня был родной брат с 1926 года рождения. Как началась война, он, как и вся молодежь, был взят на фронт. Погиб он в бою под Курском. Вся в огне была Курская дуга. Он не успел нам даже письма написать, получили из части извещение, что погиб.

После войны шло восстановление хозяйства, все было разрушено.

Мы все также трудились и не замечали трудностей. Уже потом постепенно стало легче жить.

Белкина Клавдия Семеновна

Родилась в 1929 году.

В МФТИ с 1979 года.

Работница охраны.

Я, Белкина Клавдия Семеновна, проживала в деревне Асеньевская Боровского района Московской области. Жили мы тогда, т.е. до 1938 г., очень тяжело. Умер у нас отец в 1929 г. И нас с мамой осталось шестеро, и нас она растила одна: старшей сестре было 11 лет, а младшей 2 месяца, мне было 2 года.

Когда началась война, это 1941 г., всех нас по повесткам забрали кого куда. Брата с 1920 г. взяли в первый год войны, в 1942 году он погиб. Двух сестер в армию тоже. Они дошли до Берлина, работали в пекарне, пекли хлеб для армии. Ну а нас, кого куда. С

1943 г. мама осталась одна.

В 1942 г. получили извещение, что брат проявил героизм и мужество, был убит. Он был танкистом. В марте 1942 г. мы от него получили письмо, что он находится в госпитале на Урале, ранен в ногу и скоро поедет добивать врага. Потом получили извещение о гибели брата, мама от горя и слез ослепла, а в 1947 г. умерла.

В школу я пошла с 8 лет. Один год пропустила, не в чем было идти в школу. И вот в 1941 году, когда началась война, мне было 12 лет. Я пошла в сентябре в шестой класс, две недели походили в школу, в которую ходили за три километра. Война очень быстро двигалась к нам. В школу нам потом запретили ходить, потому что бомбили, без конца летали немецкие самолеты, кругом ночью горели прожектора. Вдруг слышим, в городе Медыни высадили немецкий десант. Это от нас в 40-50 километрах. Сначала стадами гнали коров, лошадей со стороны Медыни. А потом все стада бежали, кто куда. В стороне Медыни такое большое зарево было, потому что там все горело. Горели дома, стога с сеном. До нас даже горелая солома долетала. У нас в колхозе тоже собрали собрание, чтобы кто-то согласился гнать скот. Но уже не успели, и гнать скот было некуда. Немцы двигались с быстрой скоростью. Где-то в сентябре, в начале, в деревню входят немецкие разведчики.

Был ясный солнечный день, мы очень боялись их, что они нас будут трогать, издеваться.

Они, когда подошли к нашему дому, сразу стали просить «млеко» и «яйко».

Мама принесла им два яйца, а потом еще два, а потом они пошли за мамой в чулан и забрали всю корзиночку с яйцами. Когда они наступали, они были хозяевами. Просят молока, хлеба, а мама говорит, что хлеб в печке. Так они без разрешения забрали все из печки, даже недопеченный.

Немцы к нам ползли по огородам из соседней деревни Молахово. Ползли ползком, как бы их никто не заметил. Шли они в Молахово и уже знали, что там живет коммунист – председатель сельсовета, Носов Федор Степанович.

Им уже было известно, где живут коммунисты. А у нас в деревне Асеньвская жил Егоров Сергей Сергеевич, секретарь сельсовета, тоже коммунист, немцы шли прямо, знали, где его дом. Но они были уже эвакуированы с семьями на Урал. Старшая сестра была в то время комсомолкой, мы за нее тоже боялись. Они все узнавали, где живут коммунисты. Потом, после немецких разведчиков, немцев не было около месяца... Нам, всем жителям колхоза, приказали срочно в десятидневный срок выкопать окопы, потому что народ знал, что будет бой. Жить становилось страшно. Колхозного скота много, пчелы с медом, дали указания брать, кто сколько может. Ну, конечно, брали скот, а куда нам его девать, у нас и своя скотина была. Но также на огородах народ стал копать ямы, окопы. Резали скот, мясо прятали, зерно, муку, ведь народ перед войной стал жить неплохо. У мамы и корова была, овцы, поросенок, и все немцы отобрали, прятать больше некуда было.

Числа четвертого октября через деревню отступали наши солдаты, были голодные, их кухню разбило. На огородах была еще не убрана свекла, капуста. Солдаты ели прямо сырую. Нам очень хотелось их накормить, но команда была отступать, потому что немцы шли по пятам. Солдаты нам сказали, что будет бой. А мы спрашивали, куда нам деваться? Они говорили: «Уезжайте в лес, в овраг или в окопы, если они у вас есть». К этому времени окопы были уже готовы. И продукты суток на двое были тоже уже в окопе, мы же не знали, сколько будет идти бой... Когда к вечеру начался бой, мы сразу, т.е. весь народ, уходили, кто в лес заранее, кто в овраг, а мы спрятались в окопе. Мама и мы, три сестры, в том числе, я. Старшая сестра, Александра, не пошла с нами, она продолжала кормить солдат, варила им картошку.

Бой шел сутки. В окоп сыпалась земля на нас от взрывов снарядов. Но в окоп ни один снаряд не попал. Несмотря на то, что все слышали треск, думали, что деревня горит, пули свистят. Очень страшно было, думали, когда это кончится?

Когда отсидели уже сутки, услышали, что нам кричат. «Эй, живы?» Мы говорим, что живы. А это, кое кто из женщин вышел из окопов, когда затих бой. Они кричали нам, чтобы мы выходили, что немцы пришли.

И когда мы вышли из окопов, немцев пока не видели и деревня и наш дом целыми остались. Но когда пришли в дом, мы, правда, боялись, не погибла ли наша сестра, Александра. Но нет, сестра была в доме.

В общем, наша армия отступала. Когда мы вышли из окопа, немцев в деревне еще было мало. На следующий день, вдруг из леса по полям немцы двигались тучей. На чем они только ни ездили: на танках, мотоциклах, велосипедах, везли дальнобойные пушки. Но, слава Богу, они во время боя их не применяли.

Когда немцы вошли к нам в деревню, заняли все наши дома, а нашу семью загнали на русскую печку. На печке было очень горячо, потому что они топили и день, и ночь, не переставая. Они все мерзли, а мы думали, что сгорим там, на печке. Немцы холода боялись. Это все было уже после боя. Немцы вели себя «геройски». Играли на губных гармошках и говорили: «пять дней Москва капут!» Слезать с печки было некуда, да и немцы не разрешали. А потом на следующий день они согнали нас, три семьи, к соседям на кухню, вот мы и жили так дней 4-5. Спали прямо на кухне, на полу. Головы — под стол, а по ногам проходили в избу. Они же весь соседский дом заняли, а нам, человекам 12, только кухня.

Потом немцы, в основном, от нас уехали, потому что наши отступали ближе к Москве, и немцы двигались дальше. К нам они только приезжали каждый день на машинах за скотом, забирали коров, овец, поросят, кур. Потом стало холодней, немцы были одеты легко, не по-нашему зимнему сезону. Поэтому с людей снимали даже на улицах теплые вещи. Валенки снимали даже со стариков. Мы тогда, если идем на улицу, то валенки обматывали тряпками. Немцы в дом заходили и, если в сундуке были теплые вещи, то они безо всякого разрешения забирали, зима в 1941г. была очень холодная, мороз был 40 градусов и ниже. Итак, мы жили 3 месяца в оккупации. Но, когда немцы дошли до города Наро-Фоминска, его разделяла река Нара. По ту сторону реки — наши войска, а с нашей стороны — немцы. Итак, они бились почти 3 месяца. Мы, конечно, т.е. весь народ, не работали все это время. Мы не знали, что будет дальше с нами. Иногда попадала газета от наших, это была большая радость. Тогда народ собирался в одном доме и читали эту газету вслух, и все слушали, дежурили, боялись, как бы немцы не заметили. Воздушные бои без конца были. Над самыми крышами самолеты дрались, только пулеметы с самолета строчили, да пули свистели. А посмотришь вокруг: кругом горели самолеты, и наши, и немецкие.

Потом где-то в конце декабря слышим, что немцы отступают. И через несколько дней вдруг из леса ночью, ночь была лунная, светло, видим, тягач опять дальнобойную пушку везет, оставил ее на краю деревни и поехал за другой. Ну, думаем, опять будет бой. Но нет, немцы отступали ходом без боя. И вдруг 29-го декабря из леса выехал немецкий обоз на лошадях. Ехали на телегах, саней у них не было. Колеса скрипели по снегу, как музыка, играли вместо губных гармошек. Сами немцы были в шалах, покрыты всякими тряпками. Мороз — 40 градусов с лишним. Они же в пилотках и в кожаные сапоги обуты. Вдруг им была дана команда

на один час остановить обоз, покормить лошадей. Заходили в дом погреться и просили по кусочку хлеба, им досталось не лучше, чем нашим отступающим. Ноги у них отмерзали в кожаных сапогах. Один немец хотел снять сапоги, погреть ноги, а ноги к сапогам примерзли. Сам ничего не успел сделать, как дали команду ехать. Тогда ему другой немец дал ухват от печки вместо костыля. Весь январь морозный и вдруг слышим, на краю деревни появились наши разведчики. Народ побежал с радостью их встречать и увидеть, ведь даже не верилось. Почти до Москвы дошли. И что же мы видим? Какие же наши разведчики веселые, креп-

кие, одеты очень хорошо. На них были белые полушубки, валенки, пуховые белые рукавички и теплые шапки-ушанки, были они на лыжах. Это были сибиряки. Мы все хотели, чтобы они к нам в каждый дом зашли. Но разведка долго не была в деревне. Через два дня, т.е. второго января 1942 г. нас освободили от немцев.

Потом у нас в деревне, т.е. за деревней, на поле был аэродром. Летчики жили у нас по домам. Всю зиму 1942 г. мы также чистили аэродром, а весной нужно было работать в колхозе, лошадей всего осталось две, и то одна раненная. А пахать, бороновать, сеять надо было. Так приходилось женщинам запрягаться в плуг и пахать, приходилось и нам, подро-

сткам. Какие были ребята-летчики хорошие: молодые, сильные, красивые, и все они погибли! Самолеты были двукрылые. Они вылетали очень часто бомбить, смотришь, не вернулся один самолет. И так, пока я жила еще в деревне весь 1942 год, их очень много погибло.

Потом настал 1943 г. В феврале месяце пришла мне повестка, тогда мне было 15 лет. Повестка для того, чтобы явиться в райисполком с вещевым мешком, и иметь при себе то-то и то-то. Явиться с родителями. Я тогда даже и поездов не видела. Кроме деревни я нигде не была. И вдруг посадили нас на грузовые машины, попрощались мы с родителями, и повезли нас на станцию. Всех нас посадили в вагон, потом мы всю дорогу плакали, не зная куда нас везут. Для меня все было страшно, я же нигде не была до этого. Привезли нас в Москву, кругом прожектора – Москву бомбят, а когда вошли в метро, для меня и это было дико, что это такое красивое? Довезли нас до Курского вокзала, поезда еще не было, так как была ночь, народу на вокзале было полно, все сидели на полу. Утром посадили опять на поезд и привезли на станцию «Кудиново», которая в настоящее время называется «Электроугли». На станции кругом лежал черный снег, потому что рядом был «Сажевый завод», он и в настоящее время существует, как и завод «Электроугли», по которому называли станцию. А рядом с местом, куда нас привезли, был завод «Огнеупорный».

Привезли нас в общежитие, оно было деревянное, длинное, посреди барака стояли столбы. В этом бараке поселили одних девочек, койки стояли с одной стороны, и с другой – коек двадцать. Мальчики жили в другом бараке. Там же, куда приехали, также продолжались частые бомбежки, и постоянно были тревоги. На следующий день нам выдали спецодежду, которая полагалась, бурки тряпочные, галоши-шахтерки, а летом бутсы на деревянной подошве, так как мы были на государственном обеспечении ФЗО. Когда нас привели на данный завод, то нам пожилые женщины говорят: «Куда же вы, девочки, приехали, здесь до войны одни заключенные работали!» При нас мало рабочих было, несколько пожилых мужчин и женщин, мужчины выставляли из гохранской печи кирпич и сифон, сифон этот делали мы, подростки, профессия наша была «сифонщицы-допрессовщицы». Мы допрессовывали ручную на станках продукцию «сифоны». Эти изделия шли на завод «Серп и молот» и другие заводы, из этих изделий делали мины и другие военные изделия. Эти «сифоны», как кирпич, сушились и обжигались в гохрановских печах, после обжига, отправлялись на заводы. Так пошла наша жизнь. Придем в 8 часов утра на завод, в цехах газы стоят столбом, пыль. Через них мы не видели друг друга, и сразу появлялись слезы и насморк. Потому что была рядом сушилка, вот оттуда и шли газы и пыль. Кормили нас в столовой, ешь все, что дают, лучшего не от кого ждать, мамы рядом не было, часто приходилось варить обед самим из крапивы, попадались в щак червяки белые, выплевываешь их на

стол и продолжаешь кушать, а когда домой вечером придем, стоит одной кому-то заплакать, то все плачем.

Примерно было так с месяц, потом поняли, что деваться некуда, нужно привыкать. Но после того, как некоторые решили убежать, их назад возвращали. Это было, когда еще были в ФЗО. Но после 6 месяцев, а за это время мы научились работать так, что выполняли план на 200%, нас перевели на самостоятельную жизнь. В июле месяце 1943 г. нам дали пайковые карточки, но жизнь, конечно, стала хуже. Здесь уже сама, как знаешь, так и питаешься. Правда, паек-то у нас был по сравнению с другими самый большой – килограммные карточки на хлеб. Их давали на самых тяжелых и вредных работах. А ведь бывали случаи, когда карточку потеряешь или украдут, тогда, что хочешь, то и ешь. Пойдешь, купишь кусок сахара и 5 стаканов чая, выпьешь и все, идешь на работу, накормить и помочь было некому, каждый жил на пайке. А работа была тяжелая, но что делать, работать надо, все девчата, в том числе и я, и мои подруги – Якубева, Зудилкина, план выполняли на 200%. Идешь утром на завод, а на воротах висит плакат: такие-то выполнили план на 200%, и стрела написана красным цветом. В том числе была и я, Белкина К.С., бывшая Сахарова.

Работали по 12 часов, такие молодые девчушки, а ведь помимо основной работы приходилось частенько разгружать составы с углем на станции. Некому было разгружать, нас поднимали ночью и на станцию. Вот так после своей работы, нас по три человека посылали разгружать пятидесятитонные вагоны с углем. За сколько часов сможешь разгрузить вагон? А завтра опять на 12 часов на основную работу. Не опаздывай! Ведь после разгрузки приходили в общежитие черные, как негры, от угольной пыли, воды горячей у нас не было, умывались холодной водой. От такой жизни некоторые ребята и девчата убегали, но их обратно привозили и делали показательный суд в клубе. Судил военный трибунал, и давали по 7 лет тюрьмы и угоняли в Караганду. А если опоздаешь на работу на 5 минут, то судили и давали «3,15», это на 3 месяца вырезали из карточек по 200 гр. хлеба и крупы, если же еще повторялось, то «6, 25», т.е. 6 месяцев вырезали 200 гр. хлеба и крупы. У многих это было и даже прогулы были. У меня не было ни одного прогула и ни одного опоздания. Когда мы дождались Дня Победы, это было 9 мая 1945 г., мы от радости плакали и сильно радовались, да, жизнь сразу стала улучшаться, наступил 1946 год, уже можно было по коммерческим ценам купить хлеба, или на рынке за 10 рублей – 1 кусок хлеба. Это был 1946 год, нас стали награждать медалями за доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг. Награждали тогда медалями тех, у кого не было ни одной судимости, в том числе и меня.

2-го января 1947 года я получила телеграмму из дома, что мама в тяжелом состоянии и просит приехать домой. Пошла я к директору за-

вода, он меня понял и дал мне за свой счет на месяц отпуск, т. е. с 3 января по 1 февраля. Я приехала домой, мама была очень больна, она жила одна, а больницу еще не восстановили, лечиться нигде. Вот в это время и старшая сестра, Александра, демобилизовалась из армии, мы с мамой побывали только 5 дней, и она умерла. 10 января 1947 г. мы ее похоронили, а 13 января 1947 г. я вернулась обратно в Кудиново на завод. Прошел месяц, и старшая сестра, Александра, пишет мне: «Приезжай домой, так как мне одной тяжело быть!» Я написала второй раз директору завода Новикову заявление на расчет. Он меня очень долго уговаривал и что только не обещал, и говорил, что вот выйду здесь замуж, дадут мне комнату. Но я не послушалась, а пожалела сестру и очень потом об этом тужила. Потому что в колхозе очень тяжело было работать, на заводе хоть и тяжело работать, но там платили деньги, а здесь ничего не давали.

Мужчин нет, было только трое вернувшихся с фронта, а остальные все погибли. Нет такого дома, где бы в войну никто не погиб. Вот и приходилось все делать в таком возрасте: и бороновать на быках, лошадях, а лошадей было 2-3, а голод был хуже, чем в войну, на трудодни ничего не давали. Что было, все шло для государства, весной ходили по полям и искали гнилую картошку, это было за большое счастье, если смогли что-то найти в земле после зимы, и лебеду, и из липовых листьев лепешки пекли, а они такие горькие были, невозможно было есть. Что зарабатывали и имели дома, все отдавали государству, и все равно оставались большими должниками. Вышла замуж в 1948 году, но все равно мне было нелегко. Я в деревне без мужа жила, а он в Долгопрудном 4 года. Потом он получил комнату в бараке и забрал меня к себе с ребенком в Долгопрудный. И здесь я отработала с 1952 по 1979 г.г. на заводе, п/я 1078 бывшем, а сейчас «Машиностроительный». Так как рано заболела бронхиальной астмой, мне дали 2-ую группу инвалидности, но я от нее отказалась и пришла работать в МФТИ в охрану, это было 20 июня 1979 г. работаю здесь и по настоящее время.

Бирюков Петр Петрович

1930 года рождения.

В МФТИ с 1955 года.

Инженер.

Зима 1942 года... Мы жили в деревне Панская Кадомского района Рязанской области, на границе с Мордовией, которая богата лесами.

С наступлением фашистских войск на Восток, нашему фронту нужно было очень много деревянных изделий, таких как: лопаты, корыта, ящики, бочки, болванки для автоматов и винтовок. Для этого в лесной поселок под названием «База» привезли паровой локомотив, а также специалистов по наладке лесопильного завода. В течение одной недели завод заработал под открытым небом.

Вот тут-то и началась моя трудовая жизнь.

В деревне остались одни старики и старухи, женщины, да маленькие дети. Всех здоровых мужиков мобилизовали на фронт. Мы, ребята 11-13 лет, и взрослые девчата, пошли зимой работать на лесопильный завод. Роли распределялись в следующем порядке.

Взрослых мобилизовали на лесоповал и на лесопильные станки. Наша же работа заключалась в следующем: моя бригада состояла из трёх ребят: меня – Бирюкова Пети (12 лет), Веркина Пети (12 лет), Филина Вани (13 лет). Мы ходили на лесосеку, где шла распиловка леса. На нашу долю выпала трелевка (вывозка).

Мужчины, которые были не пригодны для фронта, (это старики и инвалиды), вытесывали из березовой древесины заготовки для оружейных прикладов. Мы, ребята, должны были эти болванки вывозить на салазках на просеку каждый день. В воскресенье нам как малолетним давали выходной.

Обед был по гудку завода. Повальщики, лесорубы и те, кто вытесывал болванки, собирались каждый к своему костру, обед наш состоял из куска хлеба и пяти-семи сырых картофелин. Картофель мы клали в золу костра, у которого грелись и сушили свою одежду.

В четыре часа дня мы заканчивали свою работу, после чего рубили сучья деревьев и отвозили домой для отопления хаты: сегодня моей, завтра Петиной, потом Ваниной. В качестве обуви на нас были лапти, в которых очень удобно передвигались по снегу.

Два раза в неделю нам давали по одному килограмму (буханке) хлеба. Когда получали на «Базе» по кирпичику хлеба, а он еще теплый, бы-

вало, кладешь его за пазуху, а от него исходит такой аромат, что удержаться нет сил. Пока идешь домой, а это три километра пешком, по кусочку отщипываешь от буханки... в конце концов она значительно теряла в весе.

Приходилось еще возить в землянки, которые располагались глубоко в лесу, ольховые корыта, осиновые деревянные лопаты. Потом в этих же землянках ночевали. Ночь в лесу очень тихая, только деревья от мороза потрескивают, да филин где-то проухает. Небо все в ярких звездах.

Воду добывали путем таяния снега. Когда снега в лесу почти не оставалось, наша работа трелевщиков заканчивалась.

Весной, когда деревья начинали давать сок, мы переходили на заготовку коры ивы, которая использовалась для дубления кожи, коры крушины – для приготовления лекарств, коры бересклета, которая шла для изготовления резины колес.

Когда начинала цвести липа, мы собирали ее цвет. Летом участвовали в заготовке ягод черемухи, лесной малины. Работали также в колхозе на сенокосе. Косили озимую рожь, возили копны ржи на ток, где была установлена молотильная машина. На быках отвозили солому с тока и складывали ее в скирды.

Еще летом мы обязательно заготавливали кору липы, она шла как для нужд фронта, так и для себя, из нее плели лапти. Все население у нас тогда ходило в лаптях.

Вот так, из года в год, день в день, до самого конца войны...

Блохина Нина Макаровна

Родилась в 1930 г.

В МФТИ с 1990 г.

Я, Блохина Нина Макаровна, родилась 27 июня 1930 г. в Калининской области Козьминского района, село Скнятино. Семья состояла из семи человек, родители и нас три сестры, и два брата. До войны жили неплохо. Отец работал на водном транспорте бакенщиком, мать вела хозяйство. Перед войной жили в деревне Красная горка, рядом станция Скнятино.

Лето 1941 г., школьные каникулы, все мы девчонки и мальчишки бегали на речку Нерль, купались, ловили рыбу удочкой, радовались безоблачным детством. Как сейчас помню, был исключительно солнечный день 22

июня 1941 г., когда в каждый дом пришла беда – слово «война».

Поскольку мы жили около станции, видели, как провожали мужей, сыновей на фронт – крики, плач, игра на гармонии, песни на грустный мотив, все как будто слилось воедино и забыть это просто невозможно!! В один день мы стали взрослыми, а нам было всего по одиннадцать лет.

Деревня опустела, мужчин и молодых женщин забрали кого на фронт, кого копать окопы. Остались в деревне одни старики и дети. Начались полевые работы, я со своими сверстниками, наравне со взрослыми работали от зари до зари. В первый год войны рано выпал снег, начались морозы, овощи на колхозных полях и на огородах колхозников оказались под снегом. Выкапывали картофель из мерзлой земли, срезали мороженую капусту. От недоедания очень заблели, часто болели. И так все военные годы мы, деревенские сверстники, работали на полях. Сажали рассадку, пололи, поливали, воду носили вручную...

Представьте, ребенок 11-ти лет несет два ведра на коромысле, ведра качаются из стороны в сторону и ребенок туда-сюда. Глядя на нас, взрослые вытирали слезы. Во время сенокоса заготавливали сено на зиму, для колхозного скота. В конце августа дергали лен, колотили его, стелили на росу. До глубокой осени я и мои сверстники трудились на полях. За все труды в военное время все мы, деревенские дети, были награждены медалью «За доблестный труд». Как я указывала выше, отец работал на водном транспорте, и мать вместе с отцом, брат с 1927 г., много работали. Работа заключалась в том, что в летнее время обеспечивали правильный проход катеров строго по руслу между бакенами, везя за собой бар-

жу, иногда не одну, загруженную горючим, снарядами, продуктами, все было предназначено для фронта. Зимой обкалывали лед вокруг катеров, барж, зимовавших во льдах реки Нерль.

Поскольку расстояние было немалое до дома, старший брат и родители появлялись дома редко. В конце 1944 г. отец сильно простудился, тяжело заболел и в 1945 г. в декабре умер, на меня была с начала войны возложена еще и забота о сестре и брате, вести домашнее хозяйство. Что такое хозяйство в деревне: натаскать ведер десять воды из колодца, дать сена корове, напоить теплой водой, принести дров из сарая. Особенно приходилось трудно в зимнее время. Переделаю все дела по хозяйству, натоплю лежанку, в доме станет тепло, накормлю брата, сестру, и, уложив их спать, сяду у лежанки, усталая, рядом копилка, кругом темень, а я тихо, тихо плачу, пока не одолеет дремота.

Кроме всех трудностей, постоянно были бомбежки, немцам очень хотелось разрушить мост, нарушить движение поездов. Мост хорошо охранялся, зенитчики не подпускали к мосту, но по ту сторону моста горели иногда составы с горючим, зрелище было ужасным. Языки пламени долетали до деревни, к счастью, не один дом не пострадал. Помню и такое, как через нашу деревню гнали скот, спасаясь от фашистов. Бежали беженцы, полураздетые, голодные, мы, жители, помогали им, чем могли, устраивали на ночлег. Не могу не рассказать, когда прорвали блокаду в Ленинграде, полный состав привезли больных, истощенных детей и взрос-

лых, выносили на носилках, некоторые шли с помощью санитаров. В вокзале, на полу, была постлана солома и привезенных клали на солому. Мы, дети, все это видели, и жалость к этим людям была велика. Дня за два всех из вокзала отправили, вероятно, по больницам. Но выносили и трупы, и хоронили их на кладбище.

Время шло, немец отступал. Наша Армия занимала город за городом. В деревне был единственный приемник, слушали и радовались. Переполненные чувством радости на время позабылись пережитые горести, лишения, голодное время, когда тебе постоянно хочется есть. Понять это все может только тот, кто прошел через это. Шел последний год войны, бои шли на земле Германии. Но больно было видеть, когда родственникам приносили похоронки или прибывали инвалиды войны в семьи. Наконец, наступил долгожданный день, День Победы над фашизмом. Ликовала вся страна, стар и млад. Люди плакали, целовали друг друга, это только нужно было видеть! Люди, мужественно выстрадавшие, потерявшие близких, (неизвестно откуда взялись силы), занялись мирным трудом, восстанавливать города и села, разрушенные войной. Как ощущала страна нехватку мужских рук! Я и мои сверстники продолжали учиться, а после шли на разборку разрушенных зданий. В 1945 г. я жила в г. Колязино, училась в профессионально-техническом училище. Не помню, чтобы кто-то из нас не был патриотически настроен. Понимали, что надо для будущего страны, для великой России, для жизни на земле!

Грачева Зинаида Ивановна

1925 года рождения.

В МФТИ с 1952 года.

Старший инспектор первого отдела.

В семье, помимо меня, было три сестры и старший брат, потом он ушел на фронт воевать. Нелегкое время пришлось на юность нашего поколения.

В 17 лет пошла на курсы машинописи и стенографии, которые закончила досрочно. Работала машинисткой в Краснопольском райисполкоме. Помимо основной работы Шереметьевский поссовет мобилизовал нас, молодых, помогать в строительстве оборонительных сооружений противотанковых рвов на рубеже Хлебниково-Водники. Принимала участие в дежурстве по светомаскировке, в тушении пожара. В пос. Шереметьевский, в котором я проживала с родителями, на ул. Лесная от фугаса загорелся дом, спасти дом не пришлось. С первых дней войны появились лозунги: «В тылу, как на фронте, все для фронта, все для победы!»

Тысячи женщин, подростков и людей пожилого возраста вставали к станкам, заменяя ушедших на фронт мужчин. Люди в тылу собирали посылки с теплой одеждой. Все это укрепляло единство фронта и тыла. И в этом есть доля и моего труда.

КАК СКАЗАЛ ПОЭТ

Вся родина встала заслоном,
Нам биться с врагом
До конца,-
Ведь поле твоей обороны
Идет через наши сердца!

Дементьева Людмила Александровна

1931 года рождения.

В МФТИ с 2000 г.

Вахтер.

Великая Отечественная Война осталась в моей памяти на всю жизнь, хотя мне и было 10 лет, когда она началась. У моего поколения и у меня тоже не было детства. С первых дней войны мы сразу стали взрослыми. Мы прошли через все испытания: голод, холод, слезы... – было всё. Горько об этом вспоминать, но приходится... Но так часто, потому что сейчас мы уже все имеем преклонный возраст, а в этом возрасте – ушедшие наши годы молодости, очень хочется вспомнить. С какими трудностями мы не встречались во время ВОВ. Теперь это история, которая осталась в наших сердцах на всю жизнь. Я с раннего детства на-

училась делать всё: с детства знаю, как печь хлеб и как вырастить зерно, как его убрать, молотить и т.д. Как вырастить хороший урожай овощей и картофеля – этому мы научились с раннего детства. Как обстригать колосья ещё не зрелого зерна до кровавых мозолей на наших пальчиках, иначе назвать нельзя, хотя мы были взрослыми детьми.

Мои родители и я тоже жили и родились на рубеже, вернее на границе, откуда наши доблестные воины начали наступление на немецкую громаду 1941 г., в декабре месяце 3-7 числа. Называется наша деревня Никольское Дмитровского района Белорастовского с/с. Здесь я впервые в жизни узнала, что такое война. Я отлично помню 22 июня 1941 г., даже сохранился чётко в моей памяти закат солнца 21 июня – это было небо красно-кровавого цвета, и с 22 июня пошёл отсчёт военным действиям. Запомнились бомбёжки Москвы. Московское небо в это время было наполнено огнями прожекторов, а в небе – страшный гул немецких самолётов. Они отличались своим гулом от наших самолётов. Это происходило летом, а осенью немцы уже были на подступах к Москве. В лето 1941 г. мимо нашей деревни гнали скот с запада и днём, и ночью – это тоже было зрелище не из приятных, но видно так распорядилась судьба к нашему народу.

Всё, что я изложила выше, – это лишь маленькая доля того, что пришлось нам испытать, особенно во время оккупации, хотя у нас немцы были 4 дня. Перед приходом немцев по деревне проходили наши отступающие солдаты. Они были уставшие, замученные, грязные и, конечно,

голодные, но не упавшие духом. На своих плечах они несли пулемёты и тянули, как могли, пушки. Шинели на них были пропитаны кровью и дымом, лица закопченные, черные.

После них, спустя совсем несколько дней, нашу деревню заняли немцы. Боя не было, была тишина.

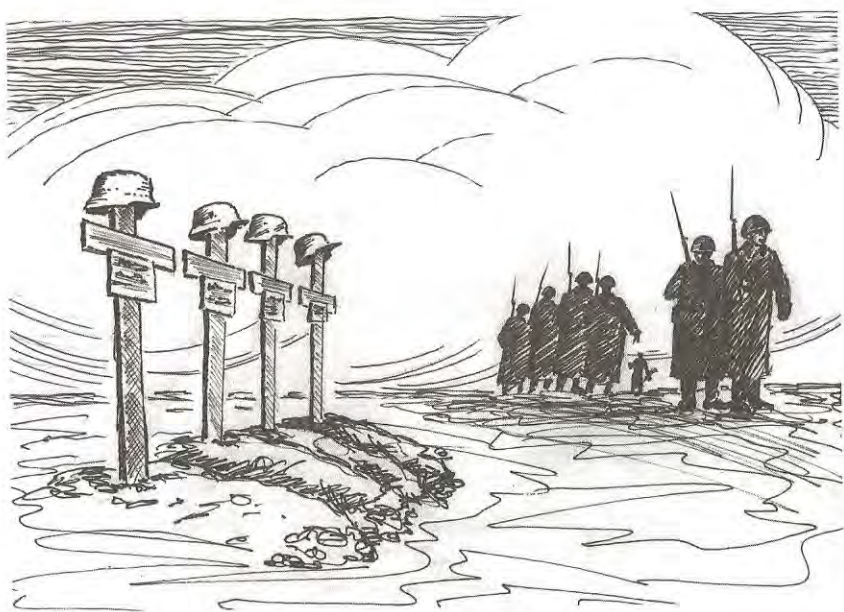
Это самое страшное: пришли к нам и стали хозяйничать. Выгнали нас из убежища; все жители, которые остались в деревне, вышли на улицу. Потом немцы скомандовали: «Русь дом!», и все разошлись по своим домам. Техники у них было столько, что по улице пройти было невозможно — сплошные машины и танки. Прошла ночь. Ночевали мы дома, хотя в доме нашем был штаб немцев, нам они дали для ночлега печку русскую, и вся наша семья ночевала на печке. А топили её они день и ночь. Они представляли себя цивилизованным государством, но готовили в русской печке.

Прошла ещё одна ночь, снова на печке, а утром к нам пришли наши же жители: две женщины из леса, а дети их остались в лесу. Они пришли за продовольствием, и попали в плен, как и мы, а обратно хода уже не было. Мой отец (он не был ещё на фронте) пошёл с этими женщинами к немецкому начальнику и объяснил ему ситуацию. В это время не было переводчика, и папе пришлось рисовать ему картину, он нарисовал лес, землянки и 8 человек — детей этих женщин. Упрашивать пришлось их долго и непросто — это было связано с риском для жизни моего отца, но ему удалось убедить начальника и тот дал пропуск этим женщинам и отцу тоже, чтобы их пропустили через пост, а вечером они все приехали в наш дом, детей они привезли на санках, почти замёрзших. В то время морозы были -40 градусов и ниже. Так наша семья стала состоять не из 5-ти человек, а из 21-го. Потом ещё семья пришла — мать с двумя маленькими детьми, и стало 24 человека. Прошла ещё одна ночь, а утром в штаб приехал посыльный, немецкий с передовой линии, хорошо говорил по-русски, он сказал: «Ожидается бой, ищите себе убежище». Тут мы, не медля, стали собираться, чтобы уйти в соседнюю деревню. Она была в лесу, а так как немцы леса боялись, а там было большое, просто огромное бомбоубежище, перед войной была военная точка. И вот в это бомбоубежище съехалась вся округа. Помню хорошо, как мы ушли из своего дома — на улице было очень холодно, дети, которых везли на санках, даже отморозили ручонки и щёки. Вот такой был мороз! Пока добирались до этой деревни, это была Нефедиха, приходилось не раз ложиться на снег, прячась от немецких самолётов — они делали обстрел, пролетая очень низко, но всё обошлось — в это время никто не погиб. Пока мы были в Нефедихе, это совсем близко, 1,5 км, было видно, как горели дома в нашей деревне, перед боем фашисты их поджигали.

А бой был 7 декабря в селе Белый Раст, здесь началось освобождение нашей родной земли и территории, 8 декабря мы всей семьёй воз-

вращались домой утром, ещё было темно. Когда подошли к своей деревне, было что-то ужасное: земля дышала дымом, стоял какой-то мрак, на земле со всех сторон лежали трупы солдат, валялись, где рука, где нога, было то, что не дай Бог кому видеть этот страх. Подошли к дому, вошли. Сразу было понятно, что нам в нашем доме места нет. Там расположился госпиталь наших советских солдат, а мы поселились через улицу у моей бабушки. В нашем доме не было ни одного стекла в окнах. Окон было много – мы их забили всем, что попало нам под руку, чтобы нашим солдатам не было холодно. Раненых было много, дом наш был большой, и все они лежали на полу. Вокруг нашего дома лежало много убитых лошадей, которых в этом же месяце всех распилили пилами люди, пришедшие из разных мест – уже наступал голод.

Голод наступил и у нас запасов было мало, а время шло, припасы кончались... В феврале отец ушёл на фронт, а нас у мамы было двое, и ба-

бушка была нетрудоспособная. Здесь, как у всех, начались житейские трудности. Маму часто посылали на трудовые работы для фронта: пи- лить лес, вывозить лес. Колхозные дела были главными в жизни всех жителей деревни, под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!»

В 1942 году у нас, у взрослых детей, уже была бригада в колхозе. Мы делали всё: сажали овощи, поливали, пололи и, конечно, убирали.

Всё, что выращивали на наших полях, мы везде принимали участие. С весны занимались овощами, потом начинался покос трав, наши матери косили, а мы сушили сено. Начиналась жатва. Наши мамы жали серпами. Мы вязали снопы и ставили их в стойки, чтобы дождь зерно не намочил. Ребята, наши же ровесники, на лошадях их возили на ток, где его потом молотили. Ни от какой работы никто никогда не отказывался. Работали в овощной бригаде. Бригадир нас будила «со скотиной» – такое было выражение в деревне. Это означает встать в 5 часов утра и, даже раньше. В жару мы уходили с поля где-то часов в 11 утра и выходили снова в 3 часа дня и работали до вечера – так было изо дня в день. Собранный урожай увозили как заготовки, в фонд государства для фронта. Учиться мы начинали с октября месяца. Убрать вовремя урожай было главной задачей колхоза. Вовремя выкопать картошку, обмолотить зерно, сдать заготовки государству. Всё это выполняли труженики сельской местности, а за свой тяжкий труд получали в трудовой книжке палочки, как теперь говорят. За заработанные трудодни редко, что дадут из остатка от урожая. Вот такой была жизнь колхозников, которые работали от зари до зари без выходных. Выходные были в дождь, когда из дома не выйдешь! Работали за 200 грамм черного хлеба и больше ничего не получали. Были года, когда приходилось копать картошку из-под снега, если была ранняя зима. И копали же, как это ни было тяжело. Видно, сам Господь Бог нам уготовил такую судьбу. Еще могу добавить к написанному, что и теперь нашему поколению досталась несладкая жизнь. Ведь нам уже давно перевалило за 70 и не от хорошей жизни мы ещё ходим на работу и работаем не как-нибудь, а, как говорится, на совесть. Нашей молодёжи есть, чему поучиться у нас: и в работе, и в дисциплине мы им не уступим. Хотелось бы, чтобы наша молодёжь знала цену хлеба...

За время нашей оккупации, около нашего родительского дома, прямо под окнами, было захоронено 7 человек – фашистов. Могилы для них копали наши пленные солдаты, все погибли во время бомбёжки от осколков бомб у нас на глазах...

Когда немецкая армия вторглась в нашу деревню, это было страшно, они въезжали на своих машинах по всем полям, усадьбам, переулкам. Улица деревни была заполнена разной техникой. Мирных людей на улицах не было, только немецкие солдаты в своих лёгких военных шинелях зеленого цвета и пёстрых плащ-палатках. В это время морозы были под Москвой, доходило до -40 градусов. Для немцев это было непривычно, они кутались, во что попало, что им попадалось у мирных жителей, даже женские платки и шарфы. С мужчин, если те попадались на глаза, снимали валенки. Обычно мужчины от них прятались.

На второй день оккупации наши советские самолёты не раз принимались бомбить нашу деревню, в основном бомбили немецкие машины,

много горело машин в это время. Ну и, конечно, пострадало местное население.

Погибла моя родная тётя, 27 лет. Она сидела в убежище возле входа с двумя детьми, когда немцы подошли, сразу дали очередь из автомата, тётя была смертельно ранена в живот, дети сидевшие у неё на коленях, остались живы и невредимы, остались сиротами...

Когда наши стали наступать, они шли от станции Катуар (от нашей деревни 10 км). Самый большой бой был в деревне Белый Раст, это от нашей деревни, Никольское, 1 км. Там погибло очень много наших, т.к. у немцев была крепкая оборона в храме Михаила Архангела. Храм действовал всю войну, а после войны около храма поставили памятник погибшим, там было захоронено множество моряков.

Так что, все военные действия, которые происходили на нашем рубеже, в деревне Никольское Белорастовского с/с Дмитровского района, в моей памяти четко сохранились по сей день. Из моей деревни (120 домов) ушли на фронт все мужчины, а вернулись единицы. Погибло на фронте 68 человек... Про войну писать можно много, но я свой монолог заканчиваю на этой странице...

Емельянов Валентин Владимирович

Родился в 1925 году.

В МФТИ с 1975 года.

Доцент кафедры социально-политических наук.

Когда началась война, мне еще не было шестнадцати. Наша семья жила в Москве, на Селезнёвской улице в коммунальной квартире. Всего в ней проживало четыре семьи в четырех комнатах из шестнадцати человек. Местом общения была кухня, на стенах которой висели четыре корыта, а на столах горело шесть керосинок с примусами.

Началась война и все окружающее потеряло свой смысл: ребята во дворе начали играть в другие игры, школы стали военкоматами и вокруг них в ожидании теснились толпы мужчин, призванных на войну, во всех домах

маскировали окна, во дворах копали в земле щели, как укрытие от бомб, взрослые обсуждали скудную информацию о военных действиях и пытались предвидеть будущее. К моему отцу часто заходили друзья и знакомые по дому поговорить о войне, он имел военное образование, участвовал в Первой мировой войне молодым двадцатилетним прапорщиком, получил Георгиевский крест за Брусиловское сражение, был контужен. Разговор с отцом, как бывалым солдатом, воевавшим с немцами, видимо, в то время для этих людей имел какое-то значение.

Никто не знал, не предвидел и не предполагал, что всех ожидает... Школьники отъезжали в пионерские лагеря, наша семья выехала «на дачу» в деревню Хотьково, в шестидесяти километрах от Москвы, о чем договорились еще весной.

Через месяц после начала войны, ровно 22 июля начались бомбежки Москвы. Ночью мы проснулись (не могу вспомнить почему), выбежали на улицу, залезли на деревья и увидели на горизонте зарево — горела Москва, позже по возвращению домой узнали, что горели деревянные дома больше на окраинах города. После первого налета Москву бомбили почти каждый вечер и почти в одно и то же время. Иногда по радио сообщали: «Граждане, спокойно идите в бомбоубежище, через десять - пятнадцать минут объявим воздушную тревогу». И действительно, через несколько минут она объявлялась.

В конце июля началась, пока еще спокойная, эвакуация детей и женщин из Москвы... В конце августа наш эшелон эвакуированных вечером

во время бомбежки отъезжал в Кинешму. По дороге стало известно, что в Кинешме уже полно эвакуированных, эшелон направили в Иваново, потом в Казань. В конечном счете, мы оказались в Куйбышевской области, на станции Красная Глинка, в Жигулевских горах.

В этих местах, на плоскости или в балках, высоко над Волгой были разбросаны рабочие поселки, оставшиеся от остановленного в связи с войной строительства большого гидроузла.

Среди гор и поселков располагалось несколько лагерей заключенных, которые составляли основную рабочую силу строительства. На дорогах встречались контрольные пункты, где у всех проезжающих и пешеходов работники органов внутренних дел проверяли документы. Какое-то время здесь еще оставалось и старое название строительства – оно называлось «особым», в те годы таких «особых строительства», «особых районов» было много.

С началом войны в рабочие поселки – Механический завод, Управленческий городок, Старый район, Красная Глинка приехало много эвакуированных из Ленинграда, Киева, Москвы. В самом большом из поселков, Управленческом городке, работал эвакуированный авиационный завод, который обеспечивал работой многих из местного населения и приезжих. Здесь же находилась единственная на все поселки средняя школа, в которую каждое утро приезжали на попутных машинах и приходили пешком учащиеся из других отдаленных поселков. Мы приехали на Красную Глинку, когда уже давно начался учебный год, я поступил в девятый класс школы в Управленческом городке, мать устроилась здесь же на авиационный завод контролером деталей для самолетов.

Отец поехал с нами из Москвы как заместитель начальника эшелона эвакуированных и должен был по прибытии на место эвакуации сразу отбыть в Москву в военкомат – он относился к военнообязанным первой категории. По профессии он был главным бухгалтером, а здесь главных бухгалтеров уже взяли на фронт, и местное начальство сразу зацепилось за отца – взяли на работу главным бухгалтером большого каменного карьера, дали так называемую бронь.

Старший брат поступил в десятый класс той же школы, но еще до окончания был призван в армию и направлен на учебу в школу радистов-телеграфистов; готовили их к забрасыванию в тыл врага, за линию фронта. Подготовка в военной школе велась очень интенсивно: сначала их планировали выпустить за два года, потом за полтора, а выпустили намного раньше. С утра до вечера они работали с наушниками, а в перерыве – строевая подготовка и изучение оружия. Но вместо фронта брат попал в госпиталь, его организм не выдержал напряженной подготовки радистов-телеграфистов, в этом госпитале он умер за день до своего двадцатилетия.

В школу приезжали на попутных машинах, а часто шли пешком шесть километров. Такое расстояние для меня было тогда предельным, особенно болела нога вечером, когда второй раз приходилось идти пешком. Меня с четырех лет мучил туберкулез тазобедренного сустава (эта болезнь, в то время, поражала многих детей); три года неподвижно лежал на спине в гипсе, много лет потом ходил на костылях, незадолго до войны бросил последний костыль. Перед эвакуацией из Москвы успел забежать в диспансер к своему врачу, который лечил меня десять лет, всю жизнь помню его наставление: «В армии тебе не служить, футболом и хоккеем тебе не заниматься, в холодной воде не плавать, береги ногу, если случится рецидив, то больше из этой болезни тебе уже не выкарабкаться, ты это видел сам». Всем мальчикам класса было шестнадцать лет допризывной возраст, и среди нас постепенно созревало мнение – надо ли сейчас учиться? Война разгоралась, враг добирался до Сталинграда. Все понимали, что после десятого – в армию. Одни бросали школу и уходили на завод работать, другие поступали в военные училища. Я знал, что меня в армию не возьмут, но все больше осаждала та же мысль: «просто учеба» выглядела как совершенно ненужное занятие.

Летние каникулы после девятого класса оказались последними в моей жизни. В июле был арестован отец – наклеветали сослуживцы, а в декабре осужден как «враг народа». По этой причине мать уволили с авиационного завода. Мы остались вдвоем с матерью, без работы и денег, без карточек, среди чужих людей. Какое-то время я зарабатывал картошку или молоко у местных жителей – нарезал махорку для продажи, она называлась «самосад», и рубил тыквы для скота. Тыквы в той местности росли неслыханного размера, и резать их у женщин-хозяек не хватало сил. Научился ловить рыбу, ходил на Волгу, где в плотах водилось много окуней.

Зимой в январе пошел на местный завод устраиваться на работу. Взяли учеником токаря с окладом семьдесят пять рублей и рабочей продовольственной карточкой.

Ежедневно на завод утром приводили колонну заключенных рабочих, а вечером уводили обратно, на вечернюю смену приводили колонну поменьше. Работали и вольнонаемные. Завод был оцеплен забором из колючей проволоки с трехметровой нейтральной, как на границе, свежеспаханной полосой земли. На углах и на определенном расстоянии друг от друга, над забором, возвышались вышки с вооруженными охранниками.

Вот здесь, на этом заводе я проработал всю войну до 1947 года, это было начало самостоятельной жизни, мне только исполнилось семнадцать лет. В отделе кадров я, конечно, не сказал о своей болезни – кроме как учеником токаря, меня никуда не брали. Об этом я молчал и потом, хотя были случаи, когда от сильного напряжения моя нога не выдерживала, и я падал у станка.

Меня поставили учиться токарному делу в механический цех у токаря крупного станка ДИП-300. ДИП расшифровывался как «догнуть и перегнуть», такова была марка отечественных, самых лучших в то время, токарных станков. Были еще ДИП-200 и ДИП-500. Моим учителем был заключенный, в цеху он считался самым квалифицированным из токарей, работал по высшему разряду, выполнял любые токарные работы, к тому же оказался довольно грамотным, спокойным и рассудительным человеком, почти не употреблял матерных выражений. Ему было двадцать восемь лет, волевой, среднего роста, сильный. Мне он казался похожим на моряка-матроса. Потом уже по прошествии какого-то времени, я узнал, что мой учитель – «убийца». Об этом он рассказал мне сам:

– На вечеринке один из присутствующих стал ухаживать за моей женой, я не сдержался и ударил его кулаком в ухо, тот упал и ударился головой о камень, умер. Прямо как у Лермонтова про Калашникова. Судили меня и приговорили к десяти годам за убийство.

Привыкнуть к такой обстановке, когда кругом много заключенных было для меня очень не просто. Постепенно я, конечно, освоился и стал спрашивать у заключенных все, что мне недоставало по профессии. Некоторые из них с удовольствием делились со мной техническими знаниями, а незаметно и жизненным опытом. Моими учителями были токари и строгальщики, расточники и конструкторы, инструментальщики и слесари.

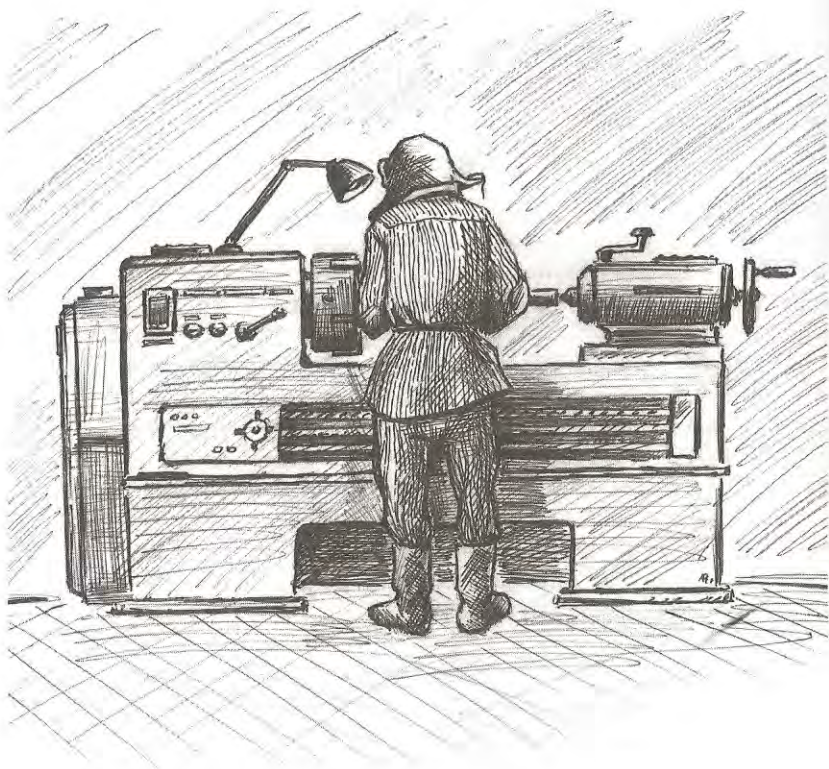
Первый день моей самостоятельной трудовой жизни запомнился навсегда. Стояла холодная зима. После двенадцатичасовой работы пришел домой, в нашу комнату в двухэтажном бараке.

На пороге встретила мать с заплаканными глазами – целый день ждала своего младшего сына после его первого рабочего дня. Вот только в это время я, еще мальчишка, стал воочию понимать, что произошло с нашей семьей, что потеряно, что такое война. От семьи осталась половина, а война только еще разгоралась. В Москве мы жили в доме, где родился еще мой отец, где долгие годы жил мой дед, артист Большого театра, работавший там двадцать пять лет до 1916 года. Несмотря на то, что это была коммунальная квартира, она воистину для нас была родовым гнездом: с различными домашними уютными вещами, со старинной мебелью и многочисленными книгами, изданными в конце XIX и начале XX века, обладанию которыми мог бы позавидовать любой современный библиофил.

Учился я токарному мастерству три месяца, но ежедневно моей обязанностью была уборка станка и конце рабочего дня: железным крючком надо было выбрать из-под станка стружки, а станок вытереть «концами». За время учебы я научился всему, что необходимо для самостоятельной работы: правильно затачивать резцы, сверла, это в токарном деле очень важ-

но; узнал все о станке, какие его возможности. Самым трудным для меня было навинчивание и снятие патрона со шпинделя. Патрон весил не меньше тридцати килограммов, а его надо держать на весу и одновременно навинчивать на вращающийся шпиндель, приходилось просить кого-то помочь. Попытки же надеть патрон самому заканчивались неудачей – разбивал пальцы.

Научился работать с различными металлами – сталью, твердой и мягкой, чугуном, латунью и бронзой. Тогда впервые я узнал, что все «железное», нас окружающее, вовсе не железное, а стальное, чисто железного

нигде не бывает – все это из стали различной прочности.

Часто приходилось работать и в ночную смену. Не то, что приходилось, ночные смены регулярно чередовались с дневными. Вначале было интересно, все казалось необычным, спать не ночью, а днем, засыпать тогда, когда все уже на работе; среди ночи приниматься за еду, а днем, в обе-

денное время оставаться без обеда. На самом деле спать хотелось все-таки ночью, а есть — днем. Ночью больше дает знать о себе усталость, ночью всегда холоднее, чаще приходят грустные мысли. Особенно тяжело было работать ночью в зимнее время; цех отапливался плохо, из окон дуло, замерзали руки, работали, не раздеваясь как приходили с мороза, в шапках. Если приходилось обрабатывать крупные детали, которые долго оставались еще теплыми, то можно было на них посидеть или положить одну за пазуху — согреться.

Ночью чаще происходили несчастные случаи, травмы. Помню как-то раздался отчаянный вопль одного заключенного-токаря, его закрутило вращающейся деталью так, что подняло вверх ногами над станком. Оказывается, работая левой рукой, правой он старался поддерживать вращающуюся деталь, которая его и закрутила. Такой прием существует. Если деталь длинная, то, чтобы ее конец удерживался в центре вращения, его можно поддержать рукой. Но это очень опасно — самая незаметная заусеница на металле цепляется за любую нитку на рукаве или лоскуток и мгновенно накручивает на себя конец рукава, рукав с рукой и самого человека...

Вот почти такое случилось и со мной. Мои руки долго привыкали к металлу; частые царапины, порезы и ушибы привели к тому, что пальцы стали нарывать — я ходил с завязанными пальцами и однажды пытался поддержать длинный конец вращающейся детали такими пальцами. Меня стало накручивать, но успел левой рукой остановить станок, соседи помогли высвободить руку. Испугался очень.

...Зимой мать взяли работать ночным сторожем, на какой-то заброшенный склад железа и старых механизмов, и я каждый вечер, после работы, ходил к ней колоть дрова, чтобы истопить печь в сторожке. Сначала пилили замороженное бревно, недавно вынутое из реки, потом колол поленья. Дрова в «буржуйке» долго не горели, таяли, из печи капала и текла по полу вода, потом начинали сипеть и попискивать, дым не помещался в трубе и выходил прямо в сторожку. На растопку уходило много времени, дым ел глаза, неоднократно приходилось открывать дверь на мороз. И вот, когда «буржуйка» окончательно разгоралась, готовили на ней ужин, потом уже я уходил домой...

В свое время в книгах о работе в тылу молодежи часто помещались фотографии подростков, стоящих на ящике у станка — лет мало и ростом мал. Но надо было работать — все взрослые ушли на фронт, их места занимали подростки, часто почти дети. Вот и в нашем цехе Саша Белый всегда у станка стоял на ящике. Он был высокого роста, очень худой и слабенький. Но когда залезал на ящик ему становилось легче двигать тяжелыми ручками станка. Я тоже пытался подставить под ноги ящик, но понял, что у токарного станка это опасно, кто-то об этом предупредил меня.

В цехе на самом видном месте, под кумачовым лозунгом «Все для фронта, все для победы!» постоянно висела доска, где мелом ежедневно записывались проценты выполнения норм комсомольцами. Они были разными, сто пять, сто десять, сто двадцать... Кто работал давно, давал более высокую производительность. У начинающих — ниже. Но, как правило, у всех было выше ста процентов. С разговора у этой доски начинался рабочий день. Все радовались, когда проценты росли, если вчера работали лучше, чем накануне — все это стимулировало дать завтра «еще больше». Производительность труда молодежи всегда обсуждалась на комсомольских собраниях.

Лучшим рабочим, в том числе молодым, присваивалось звание «стахановец», они же пользовались повышенным уважением окружающих.

Меня частенько подводило здоровье, нога не выдерживала нагрузок: длинный рабочий день, неизбежное поднимание тяжелых железных предметов — и вновь как подкошенный падал на пол. Приходилось скрывать от окружающих свое состояние — могли перевести от станка на какую-нибудь легкую работу. Но тогда прощай рабочая продовольственная карточка! А по ней каждый день получал восемьсот грамм черного хлеба, почти в два раза больше, чем служащий. Другие ребята во время работы станка спокойно стояли рядом, вытирая руки тряпками, или покуривали. Мне же приходилось незаметно держаться руками, на всякий случай.

Не могу не сказать о работе в литейном моей матери. Поработав некоторое время сторожем, она была принята в литейный цех формовщицей. Это очень тяжелая, мужская, ручная работа, на земляном полу, в помещении, где плавят чугун. Целый день формовщик набивает землей «опоки» (стальные рамы с моделью детали в центре), поднимает их, сдвигает, опять насыпает лопатой землю, кладет модель, трамбуется и так без конца. Таких опок формовщик делает за день иногда по несколько десятков, а если они очень крупные, то по две-три.

Так вот в литейном среди формовщиков, женщин было только трое. Две из них были молодые, по 25-30 лет и моя мать, сорокатрехлетняя женщина, уже измученная жизнью, не очень здоровая. В этом цеху также была доска показателей выработки рабочих, такой же настрой «все для фронта, все для победы!», такая же забота о производительности труда, такое же беспокойство рабочих «как сделать как можно больше».

Здесь у рабочих выработки, как правило, всегда были выше, чем в механическом, и зарплата здесь была больше. Но у моей матери процент выработки был выше всех, до двухсот и даже еще выше. Она стала лучшим стахановцем в своем цеху, потом стала лучшей на заводе. Молодые литейщики-мужчины удивлялись интенсивности ее труда, о ней с уважением говорила молодежь, никто из руководителей не позволял себе называть ее по фамилии, только по имени и отчеству, грамоты вручались ей первой. Сразу после войны ее фотографию должны были выставить на

доске почета стахановцев Куйбышевской области, но не сделали этого — областное начальство перепугалось её биографии.

Соревнование под лозунгом «все для фронта, все для победы!» было и среди заключенных. У нас, вольнонаемных, оно называлось социалистическим, а у заключенных — трудовым. Я отмечал тогда, что желание скорой победы, патриотические разговоры, особенно молодых, были присущи и заключенным, попавшим в тюрьму и лагеря, порой, в силу жестокостей военного времени.

Помню одного заключенного, почти подростка, маленького, хилого, работавшего в инструментальной механического цеха. За, что мог такой тщедушный попасть в лагерь, думал я про себя. Спросил у него. Он рассказал все в подробностях. На «воле» жил с больной матерью и маленькой сестрой, постоянно были голодными, и «я решил, — рассказывал он, — раздобыть хлеба, подкараулил женщину с буханкой хлеба, пошел за ней, ударил по рукам палкой, схватил хлеб и бежать, догнали меня и судили». Его осудили по статье пятьдесят девятой (вооруженный бандитизм), приговорили к десяти годам. Именно таких в первую послевоенную амнистию выпустили первыми.

Как питались люди в тылу? С началом войны была введена карточная система; каждый человек получал продовольственные карточки в соответствии с положением (рабочий, служащий, иждивенец), нормировалось (норма на месяц) потребление хлеба, масла, мяса, круп и т.п.

Что такое продовольственные карточки для человека военного времени, попытаюсь описать на примере одного события, которое и сейчас, через десятилетия, тревожит душу. Как-то вечером по дороге домой я нашел на улице кошелек. Придя, домой и раскрыв его, обнаружил там четыре хлебные карточки — одну служащего и три на иждивенцев. Было начало месяца и карточки оставались еще не начатыми, карточки выдавались только на один месяц и человек, потерявший хлебную карточку, обрекал себя на страшное существование. Хлеб был основой питания, в то время можно было видеть и слышать о людях, оставшихся без хлеба. Их лица и рассказы о своем состоянии не поддаются описанию. Карточки не возобновлялись, нашедший мог их продать или просто получать по ним хлеб. На карточках всегда стояла фамилия ее владельца.

Я обошел все восемь двухэтажных домов в нашем поселке, нашел комнату и постучался. Дверь открыла худая заплаканная женщина лет сорока. Не успел я сказать, что принес карточки, как она бросилась на пол и стала обнимать мои ноги, я услышал плач матери. И только потом я увидел, кроме нее в комнате еще трое детей, двое маленьких спали на одной кровати, третий, видимо, школьник, что-то читал. Я разволновался не меньше, такого я никогда не видел, стал ее уговаривать встать с пола.

Когда она успокоилась, рассказала: они эвакуированные из Ленинграда, муж на фронте, она с трудом прокармливает детей. В комнате было поч-

ти пусто, три железные кровати, стол, стулья, что-то из одежды висело на стенах.

Это только небольшой, страшный единичный случай из тревожной и напряженной жизни заводского поселка в годы войны. А ведь почти каждая семья ежедневно испытывала страх за судьбу своих близких на фронте, приходили похоронки, принося людям, ужас и горе потерь, о чем слух распространялся мгновенно по всему поселку.

На заводе было организовано дополнительное питание работающих. Его получали мастера, начальники цехов и какое-то еще начальство. Дополнительное питание получали и стахановцы – талоны на обед. Каждый, имеющий талон, в обед получал «два обеда»: два первых и два вторых. Один покупал на карточки, другой – на талоны. Чтобы понять нынешнему современнику, не много ли это было, опишу такой обед.

В столовой у раздаточной стоял большой железный чан и каждый, получивший первое (суп, щи), сливал жидкость в чан – масла там не было, а оставалась.... ложка зеленой капусты, это и было «первым». Ну, а два «вторых» легко умещались в тарелочке и еще оставалось место. Хлеб продавали только по карточкам, он был самым ценным из всей еды, хлеб отвечал за все. Очень часто на обед молодые рабочие брали по 200-300 грамм хлеба, а съедали его после обеда. Казалось, что так сытнее. Но у кого была семья и дети, этого себе не позволяли: на обед они могли купить только 100 грамм или обедали без хлеба.

Завод, дал всем желающим участки земли, до которых надо было ехать полчаса на поезде. Кто-то посадил картошку, мы с матерью посеяли просо, местные подсказали, как сеять, как и когда пропалывать и получить просо, а из него и пшено. Смогли поехать только один раз на прополку. Посмотрев на поле, поняли, что ничего не знаем – кругом одна трава, вся одинаковая. Далеко, километрах в двух, увидели людей вокруг трактора, пришлось идти узнавать. Оказывается, вместе с просом растет просянка, которую надо выдрать, но они очень похожи, росток проса – мягкий, у просянки – жесткий. Пропалывали и думали, как бы не ошибиться: трактористы мне сказали: «Смотри, не перепутай».

Когда пришло время уборки, мы удивились, на нашем участке по пояс высотой стояла просяное поле. В следующий раз мы приехали «во всеоружии» – мать где-то достала серп, а я сделал настоящий цеп для молотбы, связав две тяжелые палки веревкой. Весь день и ночь жали просо, вязали снопы и молотили. Уехали только утром, увозя в тяжелых мешках наперевес фантастический для нас урожай. Ездили куда-то на мельницу обрушивать зерно и получили четыре ведра пшена! В другое лето мы собрали много тыкв, и они тоже не дали нам голодать. Помимо пшенной каши с тыквой, делали «курагу» (тыквенное пюре намазывали на противень и сушили в печке, полученные сухие листы нарезали ножницами на кусочки). Не могу не сказать о моем «изобретении», которое мно-

гие подхватили и называли «изобретением Емельянова»: тыквенное пюре разводится водой и на нем, как на масле, «жарится» мелкая картошка, это блюдо нам казалось очень вкусным и сытным, особенно когда нет масла, а картошка «как горох».

Нормировалось не только продовольствие, но и, как тогда говорили, «промтовары», т.е. мыло, спички, носильные вещи, обувь, посуда, и т.п. На все это выдавали «заборные книжки», такие же карточки, только на них не было написано, что по каждому талону можно получить. У нас «заборная книжка» имела 180 талонов и выдавалась на год. Периодически в магазине вывешивалось объявление, что на такой-то талон «дают», например, спички или тарелки, или еще что, но таких объявлений было очень мало и «заборные книжки оставались почти всегда нетронутыми.

Вся промышленность в стране работала на армию, и промтоваров для населения почти не выпускалось, каждый донашивал то, в чем застала его война. Стали появляться товары только к концу войны. Иногда в виде премий выдавали нужные различные вещи; делалось это в клубе принародно, вместе с выдачей грамот, под аплодисменты присутствующих. К празднику 7-го Ноября 1945 года меня премировали отрезом из шерстяной материи, из которого я потом сшил впервые в жизни себе костюм, мне было двадцать лет.

Очень трудно было с мылом. В бане, на территории поселка, каждому давали маленький кусочек хозяйственного мыла, которого с трудом хватало на помывку. После работы на станке руки постоянно черные и, чтобы их отмыть, надо иметь много мыла, а его не было. Я увидел, как заключенные в литейном цеху моют руки, какой-то глиной зеленоватого цвета, стал делать так же — получилось. После мы с ребятами ходили за этой глиной и, прежде чем идти домой, отмывали ею руки.

В отдельных цехах, когда надо было срочно выполнить какое-то производственное задание, или тормозилось выполнение плана, или осваивали новую продукцию, часто случались авральные дни, они тогда назывались «фронтowymi».

В 1943 году уже началось восстановление разрушенного народного хозяйства страны на территории, где пронеслась война, и спрос на продукцию завода сразу возрос. Завод уже стал выпускать лесорамы, вагонетки и взрывобезопасные трансформаторы для шахт, механические столы для промывки золота. Особенно велика была потребность в пиломатериалах, они требовались буквально везде, в любом городе, в любом селе, а завод выпускал лесорамы — основные машины для первичной обработки бревен, распиловки их на доски. Часто бывали случаи, когда приехавшие заказчики брали и грузили лесорамами сразу с испытательного стенда, не дожидаясь дальнейшего оформления, поэтому все детали для лесорам никогда не залеживались на складах, их сразу брали в сборочный цех.

Особенно узким местом были коленчатые валы, самые трудоемкие изделия. Коленчатый вал для лесорамы представлял собой три вала разной длины, соединенных двумя узлами — плитами (они назывались «щеками»). Весил вал килограмм двести, каждая щека обрабатывалась на строгальном станке, в день один строгальщик мог сделать 8-10 шек. Их постоянно не хватало, об этом знали, но никто ничего не мог поделать, только и было слышно «давай, давай», «скорей, скорей».

И вот как-то на ночную смену остался старший мастер механического цеха Федор Михайлович, который в ночных сменах никогда не участвовал. Когда закончилась ночная смена, неожиданно увидели, что у этого станка растет толпа, здесь начальник цеха, и мастера, и рабочие, закончившие смену, и только пришедшие на работу. В центре сидел уставший старший мастер, а около него — высоченная груда готовых «шек». Оказывается, за ночь он обработал около сотни, заменив почти 10 строгальщиков.

Об этом событии заговорил весь завод, во дворе появился плакат, как можно и надо работать, используя приспособления и горя желанием сделать больше. Появилась новая технология обработки злополучных «шек», и проблема была решена. Потом мы узнали, что все это было оценено как рацпредложение, а нам говорили: «Думайте, учитесь у старых мастеров, изобретайте!».

Все молодые, которым, как мне пришлось работать на заводах в военную пору, конечно, вспоминают такую «учебу» жизнью, она бесценна. Уроки, полученные от общения со старшими, профессиональное совершенствование, возмужание молодости, все шло одновременно.

Хочу рассказать о начальнике электроцеха, отношении к которому постоянно вызывало споры. Начальники цехов, инженеры, специалисты из заводууправления его считали педантом и формалистом, излишне теоретиком, далеким от практического дела, на совещании к любому вопросу он подходил издалека, ссылаясь на авторитеты, и обязательно подчеркивал «американцы сделали бы вот так» и рассказывал как они «это» сделали бы. До войны ему пришлось жить в Соединенных Штатах то ли на стажировке, то ли еще как. Эта присказка звучала всегда, когда он объяснял что-либо.

Мы молодые ребята, называли его нудным и скучным, и старались не попадаться ему на глаза. Он никогда не говорил с нами о жизни, но всегда все видел и, казалось, за всеми следил: подойдет к токарю и стоит за спиной, иногда подсказывал то, что нам казалось ненужным. Садился около обмотчицы и что-то показывал, иногда почти насильно отодвигая ее с рабочего места. В цехе стояла специальная печь в виде маленькой комнаты для просушки электромоторов, которая топилась дровами, и целый день к ней подносили дрова, возникала огромная бесформенная куча. Он подходил к истоппику, приговаривая, «американцы сделали бы так», и начинал красиво и симметрично укладывать поленья.

Отношение к нему окружающих было вызвано не постоянным упомин-

нением американцев, а, казалось, его отчужденностью от дела, которое привычно решалось очень просто — «давай, давай», «план надо выполнять». Все остальное считалось «болтовней» и пустой тратой времени. Но когда подводились результаты выполнения плана или соцсоревнования за месяц, квартал или год, то чаще всего первое место, зная и премия оказывались в этом электроцехе. Рабочие здесь зарабатывали больше, чем в других цехах.

Почему так? Как объяснить такую ситуацию? Потом, когда я ушел с завода и получил другую специальность, отчетливо понял, что этот начальник цеха не мог переносить безалаберности и нечеткости, приблизительности в делах, его возмущала неаккуратность и вездесущая халатность во всем, что так свойственно русскому характеру... Во все, к чему он прикасался и имел отношение, он вносил ясность, четкость и вразумительность, красоту и аккуратность. А это почему-то люди не понимали. Наш завод не выпускал ни вооружения, ни самолеты, и для его продукции была свойственна, скажем, не военная точность, а точность строительных механизмов и все работающие это ощущали, когда спорили о допусках и контроле, частенько говорили «не стрелять же». Это означало, что из нашей продукции (лесорамы, вагонетки, бульдозеры, краны и т.п.) не стреляют, поэтому можно, порой, согласиться с невысокой точностью, закрыть глаза на какие-то огрехи. Если в других цехах слова «не стрелять же» часто использовались, то в электроцехе этого никто никогда не слышал. Это являлось результатом настроя, заданного начальником цеха. Каким должен быть руководитель? Этот вопрос далеко не праздный, даже и через шестьдесят лет...

Как-то начальник цеха вызвал меня в кабинет, где сидел незнакомый человек. Тот рассказал, что остановился Куйбышевский мясокомбинат, постоянно работающий круглые сутки на фронт, одновременно вышли из строя десятки каких-то железных деталей, которые надо вытачивать на токарном станке. Он объездил многие заводы области и нигде не смогли принять их заказ — все занимались только заказами фронта, делали оружие, не смогли принять и на нашем заводе. Тогда начальнику цеха пришла мысль, попросить токарей поработать сверх смены, сверх плана, ночами. Но на эту работу требовалось примерно сто шестьдесят часов работы токарного станка, примерно шестнадцать рабочих дней. Мясокомбинат ждать не мог. Что делать? Тогда мой сосед, тоже токарь предложил нам двоим, поработать каждому на двух станках одновременно.

Работая на четырех станках, мы управились за тридцать часов непрерывной работы, т.е. работали две ночи и один день без отдыха. За это получили от заказчика по две банки тушенки и по пол-литра «валюты», таковой тогда считался спирт, его можно было продать (1000 рублей за литр) и купить на рынке масло (1000 руб. за килограмм) или хлеба (100

рублей буханка черного)... В подобных авралах приходилось участвовать неоднократно.

Проработав года полтора токарем, я перешел в конструкторский отдел копировщиком – опять заболела, нога. Потом меня взяли мастером отдела технического контроля в механический цех, где я работал раньше токарем. Месяца три работал просто контролером – проверял готовые детали и ставил свое клеймо. Потом стал мастером, а через полгода меня назначили старшим мастером ОТК уже всего завода. У начальника отдела технического контроля было три заместителя в лице старших мастеров, отвечающих за качество продукции всего завода. Одним из них и стал я. Девятнадцатилетний молодой человек с девятиклассным московским образованием.

В этот же год меня приняли в комсомол. Поступление в комсомол в таком возрасте тогда никому не казалось странным, в то время не было массового приема молодежи по достижении определенного возраста, он был индивидуальным.

У нас в семье была карта дорог Российской империи от 1910 года, на которой было нанесено большое число населенных пунктов и на которой я булавками и красными нитками ежедневно отмечал изменяющуюся линию фронта. Потом, уже в комсомоле мне поручили вести беседы с молодыми комсомольцами, «политинформации у карты», потом мне пришлось организовывать художественную самодеятельность, вовлекать молодежь в стенную печать, потом... Незначительное по времени мое пребывание в заводском комсомоле и заводском коллективе оставило глубокие следы в моем характере и в формировании отношения к людям и жизни. Быть в эти годы войны среди заводских людей – это те университеты, которых порой так часто не достает нынешним молодым ребятам и девочкам. Уже потом, в последующие годы, я не раз вспоминал эту заводскую закалку, которая действительно нравственно закаляла меня, заставляя принимать и ценить те, совершенно иные для меня непривычные обстоятельства, с которыми неожиданно столкнулся эвакуированный из столицы подросток. Вместо мира маленькой семьи – мир и интересы большого трудового коллектива, вместо нежного столичного школьного образования – тяжелый физический труд, вместо интеллигентного окружения молодого человека – психология рабочих различных профессий, вместо домашнего уютного быта – заводская среда и суровый быт военного времени.

Вот такие «университеты» достались молодому человеку во время войны. Через такие университеты проходили многие молодые, шла война, жизнь учила по-своему, взросление шло быстро.

....К нам, мальчишкам, окружающие нас взрослые на заводе относились серьезно. Не могу вспомнить ни одного случая, когда кто-нибудь из мастеров, инженеров, разного рода начальников позволил себе уничижительное высказывание, даже слово, в наш адрес. Особенно этим, каким-то

бережным отношением к нам, отличались поступающие на завод, демобилизованные из действующей армии специалисты.

Хочу рассказать о Родионове Анатолии Николаевиче, который демобилизовался из армии перед окончанием войны. По званию он был капитаном, связистом, на груди помимо уже известных орденов и медалей красовался орден Дмитрия Донского и польский Веретуги милитари (кажется, назывался военным крестом). Эти награды долго оставались предметом любопытства окружающих. Он был назначен начальником механического цеха, в котором находился, как правило, целый день, от зари до зари, во все вникал, знал всех работающих, молодых называл только по имени и всегда с каким-то добрым, отцовским оттенком.

По цеху ходил в длинной военной шинели, руки всегда были перепачканы, как у токаря, и он их вытирал о полы шинели. Поэтому низ шинели был похож на замасленную спецовку рабочего. Когда к нему подходил кто-либо из заводоуправления, то, прежде всего, обращал внимание на полы шинели, нельзя было не видеть их удивленные взгляды. После ухода посетителя он, не обращая внимания на окружающих, вслух произносил: «Главное не галстук». Ту же прибаутку он использовал при разговоре с молодыми рабочими, с которыми он встречался чаще, чем другие. Иногда во дворе завода останавливал молодого, ему не знакомого работника, и завязывал разговор, который всегда у него получался. Мы, мальчишки, не считали его назойливым и даже иногда искали случая поговорить с ним.

Спустя много лет и вспоминая его, я стал по-другому оценивать простоту и глубину его слов «главное не галстук». Здесь не звучало какое-либо неуважение к интеллигентности, главным тут было умение исполнять любое дело безукоризненно и он сам был примером такого отношения. Он как бы говорил: «Главное всегда дело, отдавай ему всего себя, не будь маменькиным сыночком, берись за дело двумя руками, не бойся запачкаться, не будь неженкой, ты мужчина и солдат». Он прошел почти всю войну и, видимо, армейская служба выработала у него особое отношение к молодым, начинающим жизнь мальчишкам.

Нас, молодых, старались вовлечь во все дела заводского коллектива. Конечно, мы все были разными: кто-то не ушел дальше своего станка, кто-то стал мастером, а кто-то постоянно менял работу, не мог найти себя.

Ночью в кабинете начальника завода всегда был дежурный, им назначался кто-то из мастеров, начальников цехов, по очереди. Стали использовать и нас, молодых, начали с меня. Вызвал начальник завода к себе в кабинет и стал объяснять, что я должен делать:

-Вот кабинет, вот диван, телефон, сирена. Обойдешь, разочек цеха, посмотришь, а утром сдашь все главному инженеру и пойдешь домой, полагается выходной.

Это для меня, конечно, было очень серьезным поручением, дежурить

всю ночь в кабинете начальника завода, ходить по цехам от его имени, а вдруг надо будет что-то решать?

А что я знаю, а что я умею?!

Все цеха ночью работают, в них и вольные и заключенные. Одно дело – днем, совсем другое – ночью. Дежурство прошло спокойно, так я и записал в книге дежурного. В цехах меня встречали с уважением, некоторые ночные мастера с удовольствием со мной пускались в разговоры. Когда сидел в кабинете, позвонили из штаба гражданской обороны и приказали включить сирену воздушной тревоги, до этого таких тревог не было. Это было где-то уже во второй половине войны, немецкие самолеты пытались прорваться на Куйбышев, и по всей области была объявлена тревога. Об этом мы узнали через несколько недель.

Нас, молодых, старались вовлечь и в другие дела заводского коллектива: назначали политинформаторами среди комсомольцев, привлекали к выпуску стенных газет, к работе заводского радиоузла, а на первых послевоенных выборах – агитаторами.

....Вот такие воспоминания остались у меня от работы на заводе во время Великой Отечественной войны, когда я был еще молодым с девятиклассным московским образованием.

Емельянова Елена Дмитриевна

1931 года рождения.

В МФТИ с 1975 года.

Профессор кафедры истории.

Отличник народного просвещения РФ.

22 июня 1941 года был жаркий летний, воскресный день, мне недавно исполнилось 10 лет, брату было 14. Встав утром, мы собирались идти на море купаться. Жили мы тогда в небольшом уютном зеленом городке на южном берегу Азовского моря – это был город Приморско-Ахтарск. Мама готовила завтрак, а мы заигрались во дворе и наш поход на море несколько задерживался. У нас в семье в это время еще жил двоюродный братик, на два года младше меня. Его мама сильно болела, и мои родители на какое-то время взяли его к себе. К нашей игре присоединились все дворовые детишки. Играли в войну. Одни ребята, представляя из себя «врагов», прятались за деревья и углы домов. Другие их искали с «пистолетами» и «винтовками» в руках, сделанными из обычных палок. Это были «красные герои». В то время все пели предвоенные песни. Любимой была песня о танкистах: «Три танкиста, три веселых друга – экипаж машины боевой» и «Все выше, и выше, и выше вздымает полет наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ».

Чуть позже мама позвала нас завтракать. Ели заливное из судака, вареники с вишней. Мальчики бросались косточками, озорничали, громко смеялись. Вдруг мама повышенным голосом сказала: «Прекратите, что-то серьезное передают по радио», и здесь же вскрикнула: «Ребята – война!» Мы все вскочили и с каким-то восторгом повторили: «Ура, война, война!». Нам казалось, что мы продолжаем играть в войну и теперь по-настоящему можно бить врагов.

Как далеки мы, дети, были тогда от суровых бед войны, как хотелось нам необычного, героического. Но сильное беспокойство и чрезвычайная озабоченность старших как-то передалась и нам.

Папа в этот день дежурил на телеграфе. Он был связистом и работал иногда по воскресеньям. Вдруг дома раздался телефонный звонок. Звонил папа, он сказал, что началась война, объявлена мобилизация и он идет на фронт. Да, действительно, через несколько дней мы провожали папу

на войну. Мама плакала, давала наставление беречь себя, не лезть под пули... Мы, дети, повисли на нем. Он крепко целовал нас, наказывал помогать маме во всем и я хорошо помню, как на меня скатилась его скупая мужская слеза. Домой мы возвращались грустными, чего-то очень недоставало в доме. Мама все делала бессмысленно, ее отвлеченный взгляд меня тогда поразил.

Начались военные будни, мой старший брат по карте следил за ходом военных действий и все подробно объяснял мне. Помню он говорил, что фашисты очень быстро продвигаются по нашей территории.

Мама работала на телеграфе и часто подолгу не бывала дома. Я находилась под присмотром брата. Двоюродного братишку отправили в станицу домой. Мы ходили в школу, фронт, как нам казалось, был еще далеко. Я жила жизнью брата. Его компания старших мальчишек 13-14 лет чем только не занималась, и я с ними...

Однако военные действия все приближались к нам. Шла осень 1941 г. В конце сентября, когда было еще тепло, компания мальчишек решила совершить поход в лиман за червями, для ловли рыбы. Как всегда брат взял меня с собой. В этот день наш город впервые бомбили немецкие самолеты; одна бомба попала в склад с боеприпасами, находившимися где-то рядом с лиманом. Со страшным громом рвались снаряды. Все мы легли в воду прямо на солончаки. Кругом свистели осколки. Взрывной волной нас подбрасывало над водой до метра высоты и с размаху бросало опять в воду. Но никакого страха не было...

Страх впервые появился позже, 28 октября 1941 года фашисты сильно бомбили наш город. Налетело сразу 12 самолетов, и все бомбы были сброшены на мирных жителей. Особенно пострадали морской порт и рыбацкие районы, раскинувшиеся вдоль моря.

Я в это время находилась в школе, училась в третьем классе. Шел урок и вдруг раздалась воздушная тревога. Гудели все сирены прерывистым гудком. Учительница быстро свела нас в бомбоубежище. За несколько дней до этого ученики сами во дворе школы рыли извилистые щели и покрывали их срубленными деревьями и хворостом, сверху засыпали землей, это и было бомбоубежище; спустившись в эту щель, мы все уселись прямо на землю и пытались даже шутить. Но где-то совсем рядом рвались бомбы, да с такой силой, что земля дрожала и сверху сыпалась на нас. Но и это еще не было страшным. По-настоящему мы испугались, когда сильно заплакала учительница и как-будто бы стала рвать волосы у себя на голове. Видимо нервы у нее сдали. Ее семья, дети и бабушка, находились дома, а жили они недалеко от порта, куда в основном летели бомбы. Она очень тревожилась об их судьбе. И это поведение учительницы сразу же передалось нам, детям. Мы вдруг все умолкли, крепко прижались друг к другу, и в глазах каждого мелькал страх. Только позже, когда я повзрослела, мне стало ясно, как важно при детях сдержанное поведе-

ние взрослых в экстремальных условиях.

Два часа подряд длилась бомбежка. Одни самолеты, сбросив бомбы, улетали, другие, груженные смертоносным грузом, появлялись с моря вновь. Наш маленький городок очень сильно пострадал. Все прибрежные его районы лежали в руинах, много было убитых и раненых.

После отбоя тревоги нас отпустили домой. Я не могла добраться к дому центральной улицей, вся она была изрыта воронками от бомб. Шла медленно, останавливалась возле каждого горящего дома, каждого раненого или убитого. Проходила мимо военного госпиталя, в городе было их уже несколько. И увиденное зрелище поразило мое воображение.

Часть госпиталя была разрушена, бомба попала в один из отсеков здания, много раненых погибло. Некоторые лежали прямо на тротуарах, стояли, истекали кровью. Скорая помощь из-за разрушенных дорог не могла подъехать. Раненых выносили из-под руин на руках. Помощь оказывали все, кто мог, кто был здоров, кто страдал. А ведь наша школа шефствовала над этим госпиталем. Каждый день мы, ученики, дежурили по очереди у постелей раненых, обожженных бойцов. Помогали няням убирать палаты, кормить больных, писали письма под диктовку их родным, устраивали для бойцов концерты.

Домой я пришла только часа через три, хотя от школы до дома ходу минут 15. Дома был брат, мама дежурила на телеграфе. Наш дом тоже сильно пострадал, мы жили во дворе радиоузла, а фашистские самолеты, видимо, хотели разбомбить городской радиоузел и сбросили несколько бомб, которые упали рядом. В доме оказались выбиты окна, осыпалась штукатурка с потолка, вылетели дверные рамы. Жить в нем было небезопасно, и мы на второй день переселились на окраину города, приютила нас милая добрая женщина, выделила комнату в своем частном доме, в этот же день я сильно заболела. Не знаю, может это было нервное потрясение. Я часто теряла сознание, потом приходила в себя, во сне кричала, по рассказам мамы и брата, «бейте фашистов», металась в постели. Боле-ла долго...

С этого времени на наш городок систематически налетали фашистские самолеты. А по морю к городу подходили вражеские корабли. Поэтому через каждые два-три часа, и днем, и ночью объявлялись воздушные тревоги. То и дело стреляли наши зенитки по вражеским самолетам. Но враг не боялся ничего, он был силен.

Порой самолеты, сбросив бомбы, летали над городом так низко и строчили из пулеметов прямо по прохожим. Однажды, во время очередного налета, оказавшись одна дома, я решила бежать к маме на работу.

На улице никого не было, все спрятались в подвалах. Вдруг, откуда ни возьмись, я увидела человека, который бежал мне навстречу. В это время раздались пулеметные очереди с низко летящего самолета. Пуля угодила прямо в живот этому человеку. Он упал на спину, весь облитый кровью, с

вывернутыми наружу внутренностями. Я стояла перед ним как вкопанная.

В городе становилось все тревожнее, закрылись школы, дети перестали учиться. Приближалась зима 1941-1942 года. Ни одного дня и ночи не было спокойно. Мы все спали одетыми, чтобы в случае тревоги быстро вскочить с постели и убежать в подвал. Днем, когда мама была на работе, мы с братом все время проводили на улице. Когда начиналась бомбежка, брат брал меня за руку и прямо с улицы следил за движением немецких самолетов, если бомба летела мимо, он говорил «не бойся». Если же летела на нас, он кричал «ложись». Мы бросались на землю и крепко к ней прижимались, пряча головки под себя.

Так наступила весна 1942 года. Город уже стал обстреливаться с моря. Фашисты приближались к городу. Людей в городе становилось все меньше, многие семьи уезжали, мама очень беспокоилась о нас, детях, и хотела увезти нас подальше от фронта. Но она, как телеграфист была на военном положении, и ее долго не отпускали с работы. В июле 1942 года мы все-таки уехали из Приморско-Ахтарска. Сначала шли пешком, брат вел велосипед, на котором висело два узла с одеждой. Потом сели на какую-то грузовую машину. По шоссе в сторону Ростова двигалась туча людей. Кто ехал на автобусах, кто на подводах и лошадях, кто шел пешком и вез тачку с вещами и маленькими детьми.

Кроме того, вся дорога была запружена отступающими нашими войсками, тракторами (эвакуировались тракторные бригады). По этой же дороге угоняли колхозный скот: шли стада коров, овец, свиней. Ехали медленно, обогнать кого-то было невозможно. Часто налетали немецкие самолеты и сбрасывали бомбы прямо на двигающуюся колонну.

Что там в это время творилось, трудно даже представить. Казалось, что смешивалось в кучу все: машины, кони, люди. Спрятаться было некуда, кругом открытое поле под палящим южным солнцем. Однажды во время одного из таких налетов нас детей затолкали под стоявшую машину, мамы наши тоже спрятали свои головы под машину. Бомбы рвались рядом, кругом, крики, стоны, кровь. Как-то мне удалось выглянуть из-под машины. В это самое время разорвавшаяся бомба угодила прямо в рядом стоящий автобус с детьми. Порой и сейчас, много лет спустя, я просыпаюсь ночью от запаха гари, человеческой крови, смешанной с землей.

Уехать далеко нам не удалось, так как немцы пересекли дорогу и уже заняли Ростов. Фактически мы оказались на оккупированной немцами территории.

К тому же мама была ранена осколком бомбы в ногу. Она не могла двигаться, вся горела, часто теряла сознание. Мы с братом уложили ее на плащ и долго тащили по полю, надеясь встретить какой-то населенный пункт. Уже поздно вечером заметили вдаль огонек. Пошли прямо на него, услышали лай собак. Оказался хутор, домов 6-8 не более. На Кубани много таких хуторков, расположенных, как правило, в стороне от основных

дорог. Постучали в первый попавшийся домик, открыла простая крестьянская женщина. Она мигом ввела нас в дом, маму уложила на свою постель, заохала, запричитала, увидев окровавленную ногу.

В хате горела керосиновая лампа, спали на лавках ее дети, прыгал маленький козлик, видимо совсем недавно родившийся. Хозяйка разбудила, своего сына — мальчика лет 12-ти и послала за врачом. Им оказался старичок ветеринар. Он сразу же попросил хозяйку согреть чугунок кипятка, дать чистые полотенца и принялся за операцию. Я внимательно наблюдала. Он простым столовым ножом, окунув его в кипяток, надрезал рану в икре ноги, засунул туда руку и вынул большой осколок, весь с зазубринами. Потом снял стекло керосиновой лампы, отвинтил ее и залил рану керосином. Тут же зашил ее простыми нитками, перевязал. Делал он все очень ловко. Уходя, сказал: «Утром приду, больной нужен покой».

Так мы осели в этом хуторе. Помню мама долго не могла встать на ногу, но постепенно поправлялась. Из каких-то веток ей смастерили костыли, потом опиралась на палку. Близилась осень 1942 года. Немцы на хуторе не появлялись. Но мы все-таки решили уйти с хутора и добраться до станицы Крыловской, где жила мамина сестра.

Шли пешком долго, несколько дней, ночевали в поле или лесополосе. Наконец пришли к тете. В станице были немцы. Мы долго прятались в подвале тетиного дома, сама не знаю почему. Немцы пока из жителей никого не трогали, но говорили, что ищут беженцев, чтобы с ними расправиться. Ночью мы вышли из подвала и решили идти пешком в станицу Каневскую, чтобы не подвергать опасности семью тети.

К вечеру другого дня мы пришли в Каневскую. Там поселились у одной бабушки. Она разрешила нам занять летнюю кухню. За это нам нечем было платить и мы отработывали своим трудом. Починили старушке сарай, отштукатурили домик. Мама ухаживала за бабушкиной коровой, доила ее. Я мыла полы, помогала ей по хозяйству.

Надвигалась труднейшая зима 1942-1943 года. Немцев в станице Каневской было немного. В помещении милиции они устроили свою комендатуру, откуда исходили всякие грозные указы и предупреждения. Гражданам станицы запрещалось после восьми часов вечера выходить на улицу, слушать радиоприемники, препятствовать действиям немецких солдат. Особенно беспощадным было наказание за подпольную деятельность, за распространение советских листовок, за укрытие евреев-беженцев. В станице же осело много еврейских семей с Украины, не успевших эвакуироваться и также оказавшихся в окружении.

Мы все жили тихо, очень боялись взрыва немецкой ненависти. А такое случалось довольно часто. Как-то ночью в станице появился отряд эсесовцев. Они неожиданно врвались в дома, выискивали евреев и куда-то их уводили. Потом мы узнали, что их вывозили на окраину станицы и расстреливали над рвом.

Потрясением для всех нас явился также расстрел девяти советских парашютистов-разведчиков, сброшенных ночью с самолета. Но их заметили немцы, нашли в стоге сена в степи, долго допрашивали, издевались, отрезали уши, языки. Среди них была одна девушка, у нее на груди фашисты вырезали звезду. О подробностях мы узнали позже, когда наша станица была освобождена советскими войсками.

Жить при немцах было очень трудно, особенно эвакуированным семьям, которые не имели ничего своего. Зима 1942-1943 года была суровой во всех отношениях, стоял сильный, необычный для Кубани мороз, нечем было топить, ко всему, было очень голодно. Весь летний урожай 1942 года погиб, зерновые поля сжигались либо отступающими нашими войсками, либо пришедшими немцами. Взрывались элеваторы, где хранилось зерно, разоренными оказались колхозы и совхозы. Денег не было, да и зарабатывать их было негде. Цены на рынках баснословные: булочка хлеба стоила 250 рублей, литр молока – 200 рублей, блюдец кукурузы – 150 рублей. Как-то надо было добывать пищу и топливо, чтобы выжить. С братом ходили на взорванный элеватор и из груды сожженного зерна (горы зерна дымились всю зиму) выбирали сохранившиеся поджаренные зернышки. Это делали ночью, тайно, так как там стояли немцы с автоматами и запросто могли расстрелять.

С мамой ходили в поле и из-под снега вытаскивали неубранную осень кукурузу и подсолнух, проросшие зерна съедали, а стеблями сырыми пытались топить печку, однажды на бесхозном колхозном дворе обнаружили толстый слой овечьего кизяка, несколько дней на санях таскали его в мешках, и он тоже шел на топливо.

Так пережили зиму, а 2-го февраля 1943 года нашу станицу освободили советские войска. Кубанская земля была под немцами полгода. Немцы за несколько дней до этого буквально бежали из станицы. Боев на этот раз в нашем районе не было. Все произошло ночью, незаметно. Рано утром все дворы облетела радостная весть: «Наши пришли». Но наши тоже не задерживались, они гнали немцев дальше на Запад. В станице восстановилась советская власть. И буквально дня через три открылись школы, заработало радио, почта, телеграф. Мы с братом пошли в школу. Мама опять стала работать телеграфисткой.

Шла тяжелейшая весна 1943 года. Таяла земля и примерно через неделю - две после освобождения из рвов стали извлекать тела расстрелянных немцами советских людей. В парке, что располагался в центре станицы, выкопали огромную братскую могилу, в которой похоронили более 400 евреев. А гробы с изувеченными парашютистами поставили в клубе станицы. Нас учительница водила прощаться с ними. На всю жизнь запомнились молодые лица смелых русских парней и той единственной девушки. Их тоже похоронили в парке, в другой братской могиле. Звучали прощальные залпы винтовок и автоматов, духовой оркестр играл по-

хороший марш. Казалось, что время на какой-то миг остановилось. Так тяжело мы, дети, воспринимали все происходившее.

И еще настоящим испытанием для нас явилась голодная весна 1943 года. Жизнь пока не становилась легче. Мама получала по карточкам 400 грамм хлеба: 200 грамм на себя и по 100 грамм на нас с братом – таков был паек в сельской местности. Мамина месячная зарплата составляла 400 рублей, ее хватало на полторы булки черного хлеба. Не было теплой одежды, обуви. В школу ходили в бурках, сшитых мамой из старья, и в каких-то поношенных пиджачках. Было холодно, голодно, тревожно. Наша мечта в то время была – покушать вдоволь хлеба. Были дни совсем голодные, Я часто в школе теряла сознание, мама была опухшей от голода. Работала она на телеграфе сутками, а хлеб, видимо, сама совсем не ела,

отдавала нам. И когда мы с ней пытались делиться ею же принесенным куском черного хлеба со жмыхом, она говорила, что уже покушала.

Помню, как однажды мама принесла блюдце кукурузы и, уходя на работу, сказала: «Затопите, дети, печь и сварите кукурузу». Варить ее надо было долго, но пока она варилась, мы с братом голодные по ложечке таскали кукурузу из чугунок и делили по штучке: тебе одну, мне одну, т.е. пробовали готова ли она. Ну и допробовались..., заглянули в чугунок, а там осталось всего несколько зернышек, все еще не доварившиеся.

Весной 1943 года я училась уже в 5-м классе, с февраля и до лета мы прошли всю программу 5-го класса, несмотря на то, что два месяца, а может и больше этого времени ушло на работу в колхозе. Знали бы нынеш-

ние школьники, что годовую программу мы успевали пройти всего за несколько месяцев, а в конце сдавали настоящий экзамен по целому ряду предметов.

Лучшим моим другом тогда оказалась книжка. Мне очень повезло. На чердаке хозяйки дома, где мы жили я обнаружила много ценной художественной литературы: старые сочинения В. Гюго, Н. Гоголя, А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого и др. Как я узнала позже, их собирала дочь хозяйки, которая ушла на фронт.

Ой, как интересно и таинственно было забраться в свободное время с каганцом (горящий фитиль в бутылке с маслом) на чердак и читать до тех пор, пока мама не начнет разыскивать. Я читала запоем, все подряд: повести, рассказы, романы, поэмы, стихи. Может я не все еще осмысливала в этих произведениях (мне было всего 12 лет), но они меня увлекали, тревожили, будоражили мысль. Я жила жизнью персонажей книг. Волновалась за них, искала выход из создавшейся ситуации и верила, что жизнь возьмет свое. Порой мне кажется, что только книги и их герои помогли мне пережить все тяжести и горести труднейшего военного детства.

Учась в школе, мы вместе с взрослыми работали в колхозе, помогая весной в посадке, летом в прополке, а осенью в уборке урожая. Делали все, что казалось и взрослым не под силу. Такими были весна, лето и осень всех военных годов, начиная с 1943 года, и послевоенных. Учебный год у нас кончался, как правило, в мае, а начинался с середины октября. Школьных каникул мы практически не знали.

Чем занимались в колхозе? Под жгучим южным солнцем пропалывали вручную кукурузу и подсолнух, собирали колоски пшеницы вслед за косилкой, ломали початки созревшей кукурузы, срезали подсолнух, на токах рушили зерно, крутили колесо ручной веялки и многое другое. В колхозе мы, дети, несколько оживали и даже поправлялись. Видимо потому, что два раза в день получали по кружке молока и миске кукурузной каши. Спали на сеновалах, либо в амбарах, либо на открытом воздухе. Труднее всего было подниматься рано утром, а будили нас в 5 часов утра. Днем давали часа полтора отдохнуть, чтобы пропустить самую сильную жару. После обеда в поле уже не выходили, работали на токах, было трудно физически, очень уставали, болели руки, ноги.

На фронтах войны произошел перелом в нашу пользу. Советские солдаты гнали фашистов на запад. Мы с восторгом воспринимали каждую сводку информбюро. Немцы разгромлены под Сталинградом, снята блокада Ленинграда, освобождены Харьков, Киев, Минск, Смоленск и другие города. Наконец, наши войска вышли на границу СССР и очистили всю его территорию...

Еще одна страничка моей жизни в годы войны. Наша школа посто-

янно поддерживала связь с одной из фронтовых частей. В чем она состояла? Мы имели адрес части, писали классом коллективные письма солдатам на фронт. В письмах рассказывали о своей учебе, о работе комсомольской и пионерской организации школы, о нашей работе в колхозе, в госпитале, собирали посылки солдатам, вкладывая туда связанные своими руками шерстяные носки и варежки, спитые кисеты с табаком, вышитые носовые платочки.

И как трогательно было получить письмо-треугольник от солдат этой части, в котором они писали о проведенном бое, о героических поступках своих товарищей, о фронтовых буднях, благодарили за полученные подарки. Эти письма читались в классе.

Такие же письма-треугольники мы с мамой и братом получали от отца, который прошел всю войну связистом на передовой. А, закончив с войной на Западе, в Австрии, был с армией отправлен на Восток, участвовал в разгроме Японской квантунской армии в Китае.

Награжден он солдатским орденом «Слава», орденом «Красной Звезды» и многочисленными медалями. Письма от отца были редки, но полны оптимизма, веры в победу. До сих пор в нашем доме хранятся открытки освобожденных советскими войсками городов Будапешта и Вены, присланные с фронта. В каждом письме он обращался к маме с просьбой «как бы трудно не было, но сделай все, чтобы дети учились...». Дело в том, что многие ребята в войну не выдерживали такой нагрузки и бросали школу... Письма же отца были такой поддержкой, что трудно даже представить, как без них мы выжили бы в голоде и холоде, как могли бы учиться и одновременно работать, помогая взрослым.

Не могу не рассказать о своих учителях той военной поры. У нас были прекрасные учителя истории и географии. Оба инвалиды войны, ставшие ими в первый же год войны, хотя молоды и красивы. Учитель Истории – Федор Иванович – без руки, и учитель географии – Иван Ефимович – без глаза. Каждый из них любил свой предмет. Но более всего они любили нас, учеников. Отношения между нами были просто дружескими. Все события фронта, тыла, да и повседневной жизни обсуждались с нами на равных, на полном серьезе и с исключительным пониманием друг друга. Школа для нас была тогда большой дружной семьей.

Нельзя думать, конечно, что мы 12-13-летние девчонки и мальчишки были паиньками. Хотя и выросли мы быстро, и лишения переносили неимоверные, но как любые дети в таком возрасте мы частенько озорничали и даже бедокурили. Всем учителям мы давали клички. Например, учителю литературы – очень строгому и пожилому человеку приклеили кличку «Кудесник – любимец богов». Почти всем ученикам, как бы тот хорошо или плохо не отвечал на уроке, он ставил в журнал единицу. Почему так, мы поняли только позже. Для него важно было – читал ли ученик само произведение, о котором шла речь. А рассказ о персонаже просто по учеб-

нику он оценивал плохой оценкой. Ох, как мне тогда пригодилась литература, припасенная на чердаке. Чердак нашего дома стал своего рода читальным залом для многих моих друзей.

Был еще один, на всю жизнь запомнившийся случай. Физику у нас вел очень старый и больной учитель, о его личной жизни мы кое-что знали. Он был из числа эвакуированных ленинградцев и во время эвакуации погибла вся его семья, сын же погиб на фронте. Ходил он даже зимой в старом костюме и берете. Вел уроки очень профессионально, но без всяких эмоций. Однажды несколько наших учеников-озорников решили вызвать у него эмоции.

На стул учителя налили жидкие чернила. И вдруг наш физик вошел в класс в сером костюме. Мы все обезумели, никто и слова не успел произнести, чтобы предупредить учителя. Он как-то очень быстро подошел к столу и сел. Почувствовав что-то мокрое, он встал, машинально поднес руку к брюкам и увидел на руке следы чернил. Класс замер, ждали взрыва. Но мудрый учитель вздохнул и как-то очень тепло произнес: «Ничего не произошло, ребята, будем продолжать урок. Просто я хотел сказать вам, что у меня сегодня день рождения и я надел свой единственный приличный костюм». И он провел урок при полной тишине класса так красиво, так обстоятельно, что нам всем было не по себе и даже очень стыдно.

Вечером того же дня группа учеников класса решила пойти домой к учителю физики, мы поздравили его с днем рождения и принесли свои извинения. К нашему удивлению он жил в маленькой деревенской комнатухе, абсолютно пустой. В ней стоял лишь стол, топчан и две табуретки, но принял он нас просто и очень доброжелательно, мы все расселись на полу и до позднего вечера слушали его удивительный рассказ о красотах и музеях Ленинграда, о жизни и смерти, о скорости звука, летящей пули и бомбы. Наш молчаливый, всегда грустный старичок предстал перед нашими глазами умнейшим, тактичным, добрым педагогом.

Не могу не рассказать и об учительнице математики. Она одна воспитывала троих детей, муж ее был на фронте. Но работала она с нами «от зари до зари». Почти каждый день занималась дополнительно с отстающими учениками. Математика у меня шла прекрасно. После каждой контрольной работы она входила в класс с кипой тетрадей и начинала урок со слов: «По контрольной опять только одна пятерка, как всегда у самой маленькой девочки». А я была в классе действительно самой маленькой и очень худой. Мне это льстило. Хотелось оставаться лучшей ученицей в классе...

Можно много еще рассказывать о военном детстве ребят моего поколения. Но хочу подметить главное, что дети во время войны жили одной мыслью с взрослыми о скорейшей победе над врагом. Они также беспокоились о своих отцах и старших братьях, ушедших на фронт. С нетер-

пением ждали от них весточки с войны, а потом ночами при керосиновой лампе, тайно от мам, писали им длинные письма, рассказывая о своих буднях, мы делили с мамами все тяготы военного тыла. Никогда не ныли и удивительно стойко, не по детски, переносили голод, холод, болезни и тяжелый труд. Мы старались хорошо учиться, чтобы не было стыдно перед воюющим отцом или братом. Очень любили школу и умели ценить труд учителя, были преданы дружбе и всегда помогали слабому. Одним словом, дети войны слишком быстро выросли, были до предела терпеливы и ответственны за каждый свой поступок.

Корчагина (Антонова) Валентина Гавриловна

Родилась 24 января 1928 года.

В МФТИ с 1994 года.

Дежурная общежития.

Родилась в Москве, жили на улице Плющиха, в семье рабочих. Папа работал портным в военторге, очень жаль, что этот дом подлежит сносу. Мама работала дома, мы с братом учились в школе. По каким-то причинам родители уехали из города, мы не знали. Уехали на родину папы в город Руза, Московской области, село Никольское. Был большой дом, красивый сад и все остальное. Ходили в школу за 5 км.

Узнали, что немцы напали на нашу Родину, и вскоре гады появились в селе, стали убивать все живое. В нашем доме жила семья партизана из г. Руза, в селе никто не знал, думали, наши родные. Из дома нас выгнали и жили мы в амбаре, это такое строение, где раньше хранили зерно. Было холодно и голодно, ели картошку и мясо убитых лошадей.

Но враги ошиблись, думали, что покорят наш народ. И ровно через 3 месяца настал им конец в наших краях. 19 декабря 1941 года нас освободили. Первыми в село вступили наши танки, а 20 декабря фашисты бомбили село, ведь аэродром был рядом, за городом Можайск.

В 1942 г., в январе, упростили солдат довести нас до Москвы, и они согласились и взяли нас в хлебном ящике до Филей, а с Филей шли пешком до Плющихи. Мама пошла работать на фабрику им. Красина, а я поступила в 17-е ремесленное училище. Закончив его, попала на завод 2480 в сборочный цех, где главным конструктором был Микулин А. А.

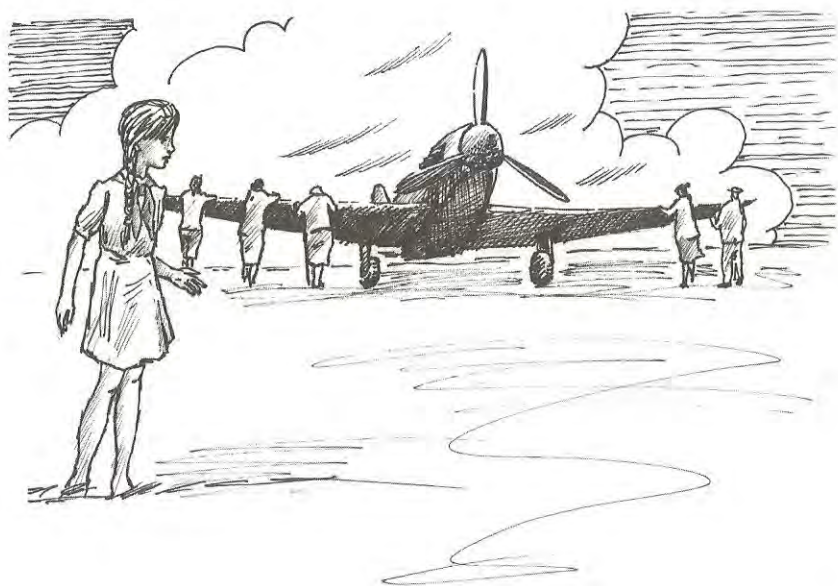
Работала на сборке коллектора зажигания. От моей работы зависела работа всего мотора, припаяй я проводок не к той клемме, и вся работа пойдет насмарку.

Получив квартиру в Зюзино, ушла работать на завод «Сапфир» механиком компрессорной упаковки. Замуж вышла в 1958 году, уехали в г. Николаевск на Амуре, в авиаотряд 144. Уехала в Москву в 1960 г. У нас

двое детей. Но судьба жестоко обошлась с нами.

Ушла на пенсию с завода, но дома без работы сидеть не могла. Двое детей и мама, муж умер в 1973 году в канун Дня Победы 8 мая.

Годы прошли и горе утихло. Мы и сейчас живем в Зюзино, работаю в общежитии нашего МФТИ.

Кудинова-Быковская Зинаида Андреевна

1929 г. рождения, деревня Малиновка,

Новосильского р-на Орловской области.

В МФТИ с 1955 года.

Работница столовой.

В нашей семье было четверо детей, три девочки и один мальчик, моложе меня. Отец был хорошим охотником. В 1938 году собрались девять семей, и мои родители выехали в Сибирь. Осели в селе Корымово Партизанского района Красноярского края. Нам предоставили дом, усадьбу, деньги, там мы и проживали. Отец устроился на работу, на ферму заведующим, мама болела сердцем (вторая группа).

Вообщем-то, все казалось бы нормально, но нет – началась в 1941 году война. Отца оставили на брони работать на ферме, вдруг он заболел воспалением легких, увезли его в г. Крас-

ноярск, подлечили, и опять стал на своем поприще работать, но недолго. Зимой 1942 года отец умирает, ему было всего 39 лет. Остаемся мы с больной мамой, старшая сестра пошла работать учетчицей на поля, записывала, сколько трактора вспашут.

Я же после школы стала готовить трактористам обеды. Все это было в поле. Со мной рядом был старый дедуля, который запрягал лошадь, помогал мне получать продукты со склада. Он на металлических трубках подвесил большой чугунный котел, подвозил бочку воды, дрова, разжигал костер, а я варила трактористам суп с клецками.

Начистим мы с ним мешок картофеля, замешу я тесто... Кроме супа я пекла в железной печи, что находилась в будке, лепешки, вкусные получались, меня мама научила. Нас мама учила всему, от пилки дров до вязки перчаток и шитья. И так вот до конца посевной.

Когда кончалась посевная, с этим дедулей мы переезжали на другой объект, начиналась уборка урожая. Тут я уже комбайнерам готовила обеды, любые, что закажут. После работы меня домой приводил дедуля на подводе, а утром опять за мной приезжал. Опять продукты, опять готовка, и так все школьные каникулы.

Директор нашей школы поставил перед всеми школьниками задачу выработать по 50 трудодней и предоставить справку в школу от колхоза. За учебу брали небольшой налог для фронта.

Зимой я вязала на фронт носки, шарфы, перчатки с двумя пальцами, чтобы солдату удобно было стрелять. Собирали посылки и отсылали их

на фронт, такое задание тоже получал каждый. Сибиряки очень трудолюбивые и дружные. Все понимали, что надо помогать фронту.

О войне мы знали все сведения и очень ждали, когда она закончится. С наших мест все мужчины ушли на фронт, остались малые, да старые. Уже в первый же год с фронта начали приходить раненые: один на костылях без одной ноги, другой — с деревянной ногой, его поставили председателем сельсовета, фронтовиков очень уважали и ценили. Еще мы, школьники, заготавливали дрова для школы. В Сибири холодные зимы, а все учреждения отапливались дровами. Шли в лес, пилили деревья, отрубали сучки у березы, а береза очень твердая, нужны были силенки, свозили на санях дрова к школе. Старшую сестру взяли по повестке на лесоповал, лес готовили тоже для фронта, он нужен был для окопов и землянок. Когда река таяла, его сплавляли в условленное место, оттуда увозили на фронт.

Мама моя в войну доила овец, и из этого молока я ей помогала делать брынзу. Брынзу отправляли на фронт, она была очень вкусной. Сибиряки все делали для победы, для фронта. Они — люди дружные, сильные, закаленные. Помню, как они топили баню, парились, а потом выбегали прямо на снег и натирали себя снегом, мы тоже учились у них. Во время войны в нашем селе многие переболели тифом, из нашей семьи — трое, но все обошлось.

Во время войны мы получали письма от маминых родственников из Орловской области. Там шли жестокие бои, территория была оккупирована, двух моих двоюродных братьев немцы повесили, они работали учителями, были партийные. Вот такая моя история детства.

Кончилась война на германском фронте, началась – на Японском... Моя старшая сестра Мария сразу уехала на родину в свою родную Машиновку, деревню в Орловской области. Вслед за ней уехали и мы. Мне запомнилось, что в Челябинске мы долго не могли закомпоновать билеты, сидели девять суток, солдаты возвращались с Японской войны, не было мест в поездах. Город был черный, голодный.

Приехали в деревню, шел уже 1946 год. А у нас «ни кола, ни двора». Нас к себе взяла мамина сестра, прожили у нее до тепла, а летом сделали шалаш, потом маленький соломенный домик. Младшие дети нашей семьи учились в школе, а мы с сестрой работали в колхозе, распахивали землю на волах. Одна девчонка ведет вола, другая – плуг держит, по очереди. Есть нечего было, голодные, на трудодни почти ничего не получали. Собирали гнилую картошку, варили суп из крапивы, из шавеля, пекли лепешки с лебедой.

Но вот как-то в деревню приехал молоковоз. Женщина, тетя Наташа, предложила мне поехать с ней на молокозавод работать. Я согласилась, подучили меня на курсах повышения квалификации, и проработала там пять лет. Старшая сестра – Мария уехала в Москву по вербовке, выучили ее на штукатура, строила дома. Она то и взяла меня к себе. Мы с ней строили корпуса МФТИ. Стройка наша называлась МОСспецвузстрой.

Потом открылся МФТИ, сестра ушла в физтех работать кладовщиком, а я в столовую, где и работаю с 1955 года. В этом году мне исполнится 74 года.

Лахтин Николай Алексеевич

1928 года рождения.

В МФТИ с 2002 года.

Стрелок охраны.

Родился и жил до призыва в армию (1948 г.) в Свердловской области 400 км от Екатеринбурга и 120 км от Тюмени.

Война застала нас, подростков, как-то неожиданно. Мы не были обременены заботами взрослых и вдруг резкое изменение условий жизни. Шел мне в ту пору (1941г.) 13-й год от рождения. За плечами было пять классов образования. Весной 1942 года я окончил шестой класс неполной средней школы, и с июня 1942 года в возрасте 14 лет началась моя настоящая трудовая биография.

Наши отцы и старшие братья были призваны в ряды Красной Армии. Остались в тылу наши доблестные женщины и мы, подростки. Рассказ мой пойдет о сельском хозяйстве, так как я жил в колхозе «Красная Нива», где было всего 22 двора. Труд в сельском хозяйстве – это нелегкий физический труд, да еще в условиях военного времени. В колхозе содержалось поголовье скота: коровы, овцы, свиньи, а главное – лошади, как тягловая сила лучшие лошади были отправлены в армию, а остались так называемые «клячи».

В таких условиях надо было пахать, сеять, убирать урожай. Государственные поставки планировались сверху, стране нужны были хлеб, картофель, мясо, шерсть и пр. Все шло для фронта, все для победы. Колхозникам почти ничего не оставалось. Единственным источником питания для семей колхозников были личные огороды. Но и с единоличных хозяйств тоже платили налоги, сдавалось определенное количество картофеля, молока, мяса, яиц.

Особенно тяжело было многодетным, до весны не хватало оставленных продуктов. Поэтому ранней весной, как только оттаивала земля, люди выходили на поле, раскапывали землю в поисках картофеля. Он был подморожен, из этого картофеля получались синие, синие лепешки, ими-то и питались.

Конечно, колхоз старался помогать семьям, где были дети, много детей.

Мы, подростки, вместе со взрослыми выполняли самые различные мужские работы: пахали, сеяли, работали на жатках по уборке зерновых культур. В посевную кампанию работали на лошадях. Выезжали пахать

в три-четыре часа утра и до заката солнца, т.е. работали по 15-17 часов. Правда, был двухчасовой перерыв на обед, а главное в это время надо было покормить лошадей.

Заданную норму мы не только выполняли, а, как правило, перевыполняли. Приведу один пример. Мы с двоюродным братом больше всех выкашивали травы в период сенокоса, т.е. намного перевыполняли норму по косьбе, вследствие чего эти нормы в нашем колхозе были увеличены.

По этому случаю в наш колхоз приезжал главный редактор областной газеты «Уральский рабочий» и фотографировал нас, как ударников труда.

Женщины в колхозе в основном работали на фермах по уходу за скотом. А в посевную компанию им приходилось производить боронование на веревках. Этих животных ранней весной мы поднимали и подтягива-

ли на веревках, чтобы они находились в стоячем положении, иначе могли получить переохлаждение, и «конец». Нечем было их кормить, сено тоже сдавали государству, и тогда раскрывали крыши, которые были покрыты соломой, ее мелко рубили, запаривали и кормили коров. Несмотря на неимоверные трудности, работали ударно, наш колхоз в районе был передовым.

В зимнее время многих из нас отправляли на лесозаготовки в тайгу с лошадьми. Там мы вывозили лес к дороге-ледянке, по которой трактор вез его уже к железной дороге для отправки на переработку. Из этого леса

изготавливали приклады для винтовок и автоматов, лыжи, фанеры для самолетов, т.е. «Все для фронта, все для победы». Работа на лесозаготовках была, пожалуй, самой трудной. В помощь нам на лесоповал иногда присылали «немцев с Поволжья», это было уже в 1944 году.

Не менее тяжелой была и работа при сдаче зерна и картофеля государству. Мешки под зерно были американские – стандарт, 70 кг мешок пшеницы. Чтобы его отнести, мы вдвоем поднимали на высокое место и оттуда уже поодиночке брали на плечо и несли на весы или в хранилище.

Вспоминая об этом сейчас, приходится удивляться, как же мы все это выдержали... Силенок не хватало, недоедание, недосыпание... Ну что же, вот так ковалась Победа в тылу...

Лифанова(Каткова) Анна Тимофеевна

1931 года рождения.

В МФТИ с 1968 года.

Квалифицированный рабочий 5-го разряда.

Накануне войны жили мы семьей в Москве на Филях, родители работали на 22-м военном авиационном заводе им. Горбунова (ныне 23). В семье было пятеро детей. Помню, когда началась война, фашисты бомбили Москву, бомба попала в Толевый завод, который находился от нас не так близко, но все кругом было черным-черно, прямо над нами летели горящие листы толи. Мой старший брат работал на 22-м заводе, но когда налетели немецкие самолеты, они с друзьями спасались в фруктовом саду, что располагался рядом. Однако фугасная бомба упала прямо на них и брату оторвало ногу, а один из друзей погиб.

Осенью 1941 года нас эвакуировали в Казань. Ехали на поезде очень долго. Поезд все время преследовали немецкие самолеты, беспощадно бомбили, бомбы попадали в вагоны, поезд останавливался, эти вагоны отцепляли и он следовал дальше. Когда прибыли в Казань, всех эвакуированных разместили прямо в Кремле, там и жили.

Жизнь в эвакуации была очень тяжелой. Я пошла учиться в школу, но не до учебы было. Чтобы прокормить пятерых детей, мама меняла сохранившиеся вещи на продукты, а в мою обязанность входило стоять в очереди за хлебом, который мы получали по карточкам. На детей тогда полагалось 200 грамм хлеба, но получить его было нелегко, стояли в очереди сутками в холодную зиму. Мама закутывала меня во что попало, лишь бы я не замерзла. Бывало получу долгожданную булку хлеба и, пока дойду до дома, отламываю по кусочку, так и съедала всю положенную мне норму.

Потом немцев отогнали от Москвы, наша семья переехала в Долгопрудный, родители работали на ДМЗ. Нам дали маленькую комнатку в бараке, который находился на месте сегодняшнего кладбища. Там и жили всей семьей.

В 12 лет началась моя самостоятельная жизнь. Прибавив себе годков, я поступила учиться в ФЗО при Дмитровской трикотажной фабрике. В войну срок обучения в ФЗО сокращался до нескольких месяцев и сразу же после окончания, я стала работать на той же фабрике вязальщицей носков. Работали на машинах, в цехе стоял длинный стол, по обе стороны которого располагались примерно по 15 машин.

Носки вязали исключительно для солдат, партиями отправляли их на фронт. Шерсть была самой лучшей — меринос, начесанная, мягкая, теплая.

На фабрике работали в основном взрослые женщины. Лишь мы с подружкой Тамарой были подростками, самыми маленькими. Но работали как взрослые, полную смену, скидки никакой. Работали мы очень старательно, без единого брака, никаких «затяжек», никаких «подтяжек» в нашей продукции не было, контроль на фабрике был очень строгий. Норма была большая, все старались выполнить ее и даже перевыполнить. Но у нас с Тамарой получалось как-то быстрее всех, видимо нам помогали наши маленькие ручки, они работали очень ловко. Нас, самых маленьких, на фабрике называли рекордсменками. Некоторые старички даже косились на нас.

Жили мы в общежитии фабрики, холодно было, кормежка скудная. Помню директора трикотажной фабрики Татьяну Ильиничну и инженера Зинаиду Ермиловну, прекрасные были люди, очень жалели нас, девочек. Случалось после смены проводят нас на кухню фабрики, скажут: «Помогите девочки почистить картошку». Мы поможем, и там нас подкармливали. Однажды я с голодухи съела целую тарелку пшенной каши

и чуть не отправилась на тот свет. Отвезли в Яхромскую больницу, спасли врачи, видимо, был заворот кишок, всю жизнь буду помнить и благодарить тех врачей.

Помнится, правда, и другой случай. У меня очень мерзли руки, и одна работница фабрики с другого цеха, где вязали варежки, дала мне тайно фабричные варежки, предупредив только, чтобы я ее не выдала. Но учебный мастер, звали ее Зоей, заметила на мне эти варежки и посадила меня в темную комнату с крысами, где я просидела долго без какой-нибудь еды. Об этом узнала потом директор фабрики Татьяна Ильинична, Зою наказали за жестокость.

В войну весь тыл работал для фронта, никто не думал о себе, всем жертвовали и ждали победы. Как же радовались мы, когда кончилась война... Мы уже повзрослели и строили новые планы. Я пошла учиться в другое ФЗУ, получила специальность ткачиха-трикотажница и пошла работать на Яхромскую ткацкую фабрику.

С 1968 года работаю в физтехе и дорожу этой работой.

Миронов Анатолий Михайлович

Родился в 1930 г.

В МФТИ с 1948 г.

Рабочий.

Когда началась война, мне шел 11-й год. Я родился в селе Солнечное Рязанской области Михайловского района. Буквально на второй же день войны в нашем селе начался призыв на фронт. За короткое время здесь остались только женщины, старики и подростки. Из мужчин оставались только мой отец, председатель сельства, и председатель колхоза. Но позже, когда немцы окружили Тулу, взяли Новомосковск и уже подходили к Михайлову, нашему райцентру, их тоже мобилизовали. Летом 1947 года мы получили извещение о гибели отца в Людиновском районе Калужской области.

Немцев как оккупантов, я видел в нашем селе, они приехали на семи машинах, в строгом порядке, установили пулемёты на окраинах деревни, возле церкви и начали перестрелку. Это было в 10 часов утра. Потом они стали ходить по селу, собирать яйца, молоко и хлеб. К нам тоже зашел один немец, попросил хлеба и молока. В 3 часа дня немцы стали спешно грузить оружие на машины и вскоре уехали. Мы, жители села, были полностью оторваны от всего, что происходило на фронте, приёмников у нас не было, телефон был отключен. т.к. наш райцентр Михайлов находился в руках немцев. И вот в ту же ночь, когда от нас уехали немцы, кто-то постучал к нам в дверь, это были наши солдаты. Так, если немцы остались бы в селе, были бы жертвы и среди военных, и среди мирных жителей.

Наши солдаты были очень уставшие и голодные, радовались каждому куску хлеба, картошке. Но первой задачей у них было освобождать наши деревни и города по направлению Новомосковск – Тула.

Теперь расскажу о дяде, брате отца. Он жил в Бескудниково, где и был призван на фронт. В составе наших наступающих войск ему пришлось освобождать наш райцентр Михайлов. Его часть располагалась в деревне, в 3-х км от нашей, и он как-то раз отпросился и заехал к нам в санной упряжке. Приехал он к нам на второй день после освобождения нашего села, пробыл у нас 2 часа и отправился догонять свою часть. Лошадь у него была очень слабая, заморенная и мы дали ему свою, а его забрали.

Перед приходом немцев наших колхозных лошадей раздали по домам, а как только немцев отогнали, лошадей отдали обратно в колхоз.

Дядя был тяжело ранен, ходил на костылях, вернулся обратно к семье в Бескудниково и там многие годы избирался председателем поселкового совета.

В нашем селе была неполная средняя школа, в которой обучались дети из 4-х деревень. Сразу же после освобождения села школа была укомплектована учениками и занятия продолжились. Школа плохо отапливалась, в классах сидели всегда одетые. Писали на газетах, бумаге из-под бумажных мешков, но учебу продолжали. Наш колхоз имел много пахотной земли и пастбищных лугов. И вот перед нами была поставлена задача: всю землю распахать, засеять, собрать урожай и дать фронту как можно больше хлебопродуктов. Сеяли в основном рожь. Из овощей сажали капусту, картофель. Нашим женщинам и старикам приходилось очень

много работать. Поэтому мы, подростки, тоже трудились в полях. Летом с косой в руках мы отправлялись на луга на заготовку сена для колхозных лошадей. Это была основная сила для колхозных работ. Правда, уже в 43-м к нам стали присылать транспортную бригаду из 5-6 тракторов. Когда рожь поспевала, её косили косилкой на лошадях, а кто покрепче из стариков и подростков, косили рожь крюком, т.е. косой, к которой прикрепляли грабли. Затем женщины вязали рожь в снопы и укладывали в крестцы, колосьями внутрь, чтобы уберечь зерно от дождя. После началась скирдовка. Этим делом занимались мы, школьники с 1-го по 7-й

класс, а также те, кто мог хотя бы один сноп занести в скирд. Задача заключалась в том, чтобы как можно скорее скосить рожь, связать в снопы и заскирдовать. В колхозе была своя молотилка, приводимая в действие через ременную передачу от трактора. Также молотили рожь вручную, цепями. Молотьба в некоторые годы продолжалась до самой зимы. Зерно веяли, насыпали в мешки и отвозили на лошадях за 30 км. На элеватор г. Михайлова.

Картофель и капусту убирали мы, подростки. Иногда к нам присылали курсантов из военного училища Рязани. Начиная с 13 лет, мы, подростки, в обязательном порядке косили траву, а также и рожь, что считалось очень тяжелой работой. В нашей местности по обычаю косьба считалась делом мужчин.

В 1946 г. я окончил седьмой класс школы, приехал в Долгопрудный и поступил учиться в Р.У. 45. В 1948 г. окончил училище, но долго не мог получить распределения. И вот я случайно узнал, что при Физико-техническом факультете МГУ в мастерские требовались рабочие нашей профессии. Так я стал работать, с августа 1948 г., в будущем МФТИ. Наша мастерская располагалась в подвале лабораторного корпуса. Оборудования не хватало, рабочих тоже, и вот я вновь встретился с немцами, но уже не как с завоевателями, а как с военнопленными, и некоторые из них работали у нас, до их отправки в Германию...

Можно долго рассказывать о том, как развивалась наша мастерская, ведь мастерским уделялось в то время большое внимание, т.к. они производили оборудование и приборы для различных лабораторий. Я и теперь продолжаю, по мере возможностей, трудиться в мастерской МФТИ.

Никольский Сергей Михайлович

Родился в 1905 году.

В МФТИ с 1951 года. Академик РАН.

Герой Социалистического труда.

Профессор кафедры высшей математики.

(Из книги «Мой математический век»

М., 2003 г., составил профессор Яковлев Г.Н.)

Первые дни войны

Вот как она для меня началась. За пару дней до этого в университете меня попросили написать методическую разработку по теории функций действительного переменного. Я обзавёлся соответствующими книжками и утром 22 июня стал писать мою методическую разработку, но в двенадцатом часу мне сказали, что на кухне по радио говорят что-то очень важное. Это была речь Молотова. Я выслушал её. Затем подошёл к своей разработке и одним махом её закончил, написав: «Прочитайте ещё такие-то параграфы».

Наутро были расклеены объявления о начале войны, о мобилизации. Мой год (1905) тоже был мобилизован (36 лет). Мы с семьёй с первым же поездом уехали в Москву. Там объяснили, что берут в армию по индивидуальным повесткам. На меня, видимо, как научного работника, Академия наук выписывала отсрочки (брони), и я всю войну повесток не получал.

В Институте сразу взяли в армию только имеющих командирские звания. Таким был Шмүльян. Он погиб на фронте. Я же был «рядовой необученный», к тому же имеющий бронь – таких не брали.

Всюду в Москве и Подмоскowie были затенены окна, на транспорте притушенные фары. У нас в Подмоскowie (в Ухтомской), где можно, создавали пруды, чтобы иметь их для тушения пожаров – пришлось много поработать по вечерам после прихода из института. Копали щели. Но через месяц немецкие самолёты еженочно стали посещать Москву. Во всех зданиях были организованы пожарные команды. С началом налётов правительство решило многие предприятия и учреждения срочно эвакуировать из Москвы. По Академии наук это были институты, оснащённые оборудованием (физические, химические, энергетические). Было постановлено, также эвакуировать из Москвы престарелых академиков. А может быть, «старых» академиков? Потому что в этом порядке уехал из Москвы

в Казань Иван Матвеевич Виноградов. Не знаю уж, по своей доброй воле или его заставили...

Мы помещались в одном крыле Энергетического института (по Ленинскому проспекту, 13 – против Президиума АН СССР). Теперь Энергетический институт уехал на восток, и всё большое здание в пожарном отношении должно было охраняться Математическим институтом. Сотрудники, совмещавшие свою работу с МГУ, оставили институт – во время войны можно было работать только в одном месте. Ушли от нас А. Н. Колмогоров, П. С. Александров, Израиль Моисеевич Гельфанд, Борис Владимирович Гнеденко. Они в МГУ тоже были пожарниками. Я точно знаю, что Колмогоров, Александров, Маркушевич были пожарниками в старых зданиях МГУ. Нас, стекловцев, осталось совсем немного. Я, например, в неделю 5 раз жил в институте на Ленинском проспекте полные сутки. Спал на мягких диванах в пустых кабинетах академиков Энергетического института...

Как только возвещали тревогу, отправлялись на чердак, распределялись на выходах на крышу. Тут были наготове щипцы, лопаты. С крыши можно было прекрасно видеть московское ночное небо. Гудят немецкие самолёты, их десятки. Каждый из них зря бомбу не бросает: спускается пониже и ищет свою цель, видимо, намеченную заранее. Но из многих пунктов Москвы выпущены светящиеся лучи прожекторов, которые шарят по небу и ловят самолёты. Не так уж редко эти лучи нащупывают самолёт и обычно не отрываются от него. Самолёт делает зигзаги, чтобы вырваться из пересечения двух лучей в темноту. В это время по нему палят зенитки. Осколки их снарядов падают на улицы и крыши домов. Немец, наконец, решается бросить бомбу. Если это фугасная бомба, которая может пробить и один, и два, и три этажа, то тут уж ничего не поделаешь – тебя укукопит вместе с этажом, а если зажигательная, то её осколки, сравнительно лёгкие, падают на крышу и зажигают её. Но тут из своего укрытия должен вылезти на крышу пожарник и щипцами схватить горячий осколок, и выбросить его во двор или на улицу.

К счастью, с нами таких случаев не было, ни первого, ни второго сорта. Старое здание мехмата МГУ поражалось бомбой, проделавшей основательную дыру во всех этажах. Только к концу войны это здание было восстановлено силами пленных немцев...

Противотанковый ров

Немцы быстро продвигались к Москве, но в августе их задержали под Смоленском. Сталин решил впереди Москвы на расстоянии 150 км построить грандиозный противотанковый ров, идущий с севера на юг сотни километров. Каждому району Москвы было приказано выделить на это дело по 1000 человек: Математический институт должен был выделить трёх человек. Партбюро остановилось на мне, докторанте Шине и Алек-

сее Андреевиче Ляпунове, который в это время был научным сотрудником института, кандидатом наук. Нас посадили в числе 1000 человек в специальный поезд, который привёз нас по Киевской железной дороге на станцию Ерденёво (вскоре после Малоярославца). Нас встретил военный в чине командира батальона, отвёл на лужайку подле станции. Без всяких помощников и писарей он стал выстраивать нас в два ряда. Было интересно, как он действует с неорганизованной тысячной толпой, которую он назвал батальоном. Видно, что человек имеет большой опыт непосредственного управления людьми.

Нам троим, пришлось решить сложную задачу: ухитриться оказать-

ся вместе в одном взводе, в то время как Ляпунов был очень высокий – косая сажень, Шин – очень низкий, а я – средний. Командир несколько раз разъединял нас, посылая Ляпунова на крайний правый фланг, а Шина – на левый, но мы, как только он обращался к другим, объединялись вместе...

Персонально командиры взводов и отделений выбирались чисто визуально. У Алексея Андреевича был весьма импозантный вид истого гвардейца, и его нельзя было не назначить командиром отделения. А он уже постарался, чтобы мы с Шином оказались в его отделении. Уже через 2 часа наш батальон, рассчитанный по 4 в ряд, шёл на север. Где-то ночевали, рассыпавшись по сеновалам. Потом снова шли, и пришли в какую-то деревню, где нас распределили на постой по хатам...

Нас будили засветло. Через десяток минут мы уже с котелками, которыми нас снабдили, стояли возле новенькой военной кухни, в которой находилась горячая похлёбка. Ещё полчаса – и мы строились и шли за околицу на поле, где нас ждала трасса. Каждому из нас на трассе отвели по 8 погонных метров, и мы должны были вырыть на своих участках ров глубиной 3 метра с поперечным сечением вида опрокинутой трапеции: внизу 3 метра, сверху 7 метров. Надо было выбросить лопатой 120 кубометров грунта. Особенно тяжело было в конце работы, когда надо было выбросить последний третий метр грунта. Придётся с утра к себе на участок, а там за ночь после дождя на дне скопилось много воды. В ботинках спускаешься в воду, стоишь по колено в воде и хлесташь её лопатой вверх, пока не выхлестнешь. Лопата не ведро. Дальше выбрасываешь глинистую жижу и затем только твёрдый грунт.

Среди нас были рабочие, привычные к физическому труду. Они легко обгоняли интеллигентов и в конце рабочего дня лежали на кромке трассы, покуривая. Мы с Шином работали средне, выполняя, в общем, урок. Но наш «гвардеец» Алексей Андреевич был вовсе не приспособлен к такому тяжёлому труду, хотя и старался изо всех сил. Там были и некоторые другие. Их пришлось снять с копки и отправить на кухню чистить картошку...

Алексей Андреевич не ленился. Он просто был не в состоянии физически тяжело работать. Его на кухне сделали постоянным дежурным. Мы с Шином благоденствовали – супу могли есть сколько угодно... Рядом с нами работали батальоны других районов Москвы, воинские части, колхозники, заключённые. Трасса тянулась на сотни километров.

В августе и сентябре работали в мирной обстановке, фронт далеко. Где-то поблизости вылетали наши самолёты, направляясь в бой, или возвращались после боя. Да ещё ночью обязательно летели с запада своры фашистских самолётов на Москву.

Однако к началу октября обстановка усложняется. Лёгкие немецкие самолёты летают низко над нами и поблизости, на железнодорож-

ных станциях, поражают цели, бомбят составы с артиллерийскими снарядами, снаряды по очереди разрываются. Я сначала думал, что там происходит артиллерийский бой. Но на нас немецкие лётчики не обращают внимания — могли бы пулемётными очередями расстрелять тысячи беззащитных людей. Видимо, они рассуждают так: пускай работают, ничего у них из этого не выйдет, а мы будем делать только то, что нужно, чтобы взять Москву...

Немцы наступали по дорогам, а мы работали в это самое время под ле. В глуши никаких армий не было — ни немецких, ни советских. В конце концов, наше начальство получило какие-то сведения о том, что немцы не только впереди нас, но и справа и слева, и нам надо убираться со своими лопатами восвояси. Наша рота передвигалась, и вперёд были высланы квартирьеры. Мы трое попали в их число.

Идём родными лесными подмосковными тропами. Один из квартирьеров хорошо пел. Мы подпевали ему, а я к тому же прихлопывал в такт полудоорвавшейся на ботинке подошвой, которую мне не хотелось окончательно отрывать, в надежде, что завтра удастся прибить. Приходим к заброшенной в лесах деревеньке. Теперь уже таких деревенок в Подмоскowie нет...

Утром я просыпаюсь в чердачном помещении довольно приличного дома. Рядом со мной Шин и Алексей Андреевич. Но и ещё десяток незнакомых парней. Среди них несколько военных. Я спросил: «Откуда вы?» — «Из самого пекла», — был ответ. Больше они не пожелали говорить. Похоже, что они вчера участвовали в бою и оторвались от своей части. Они поднялись и куда-то ушли...

Мы шли на восток к Киевской железной дороге. На железной дороге как раз оказался полустанок. На нём дежурил телеграфист. Он говорил, что сообщение с Москвой прервано. Немцы уже в Малоярославце. Дежурный этот всё-таки не оставлял своего поста. Кто его знает, может быть, о нём забыли, а он помнил твёрдо, что государству надо служить.

Мы пошли дальше на восток. Куда идём, мы не знали. Некоторые говорили, что нас ведут на Серпухов. Но кто «ведёт», не видно, начальства что-то не видно. Постепенно стали понимать, что никто, собственно, не ведёт. Мы — люди гражданские и, естественно, нам нужно вернуться домой в Москву. К вечеру дошли до большого села и все бросились искать ночлег. Мы зашли в школу...

Ночью, задолго до рассвета мы встали, чтобы двигаться на север к Москве. К нам присоединились два командира, которые, видимо, как специалисты консультировали стройку. Они знали, что мы находимся в опасной зоне и серьёзно допускали, что мы находимся в окружении немцев. Это было 13 октября. Теперь известно, что немцы в это время, не встречая сопротивления наших войск, по дороге с Юхнова прорвались к Малоярославцу, и там происходил бой с нашими частями, состоящими из кур-

сантских школ. Ребята, с которыми я спал, видимо, и были участниками этих боёв. Немцы рвались также с юга, со стороны Тулы, но их задержали. Иначе мы оказались бы в капкане.

Так или иначе, мы шли на север 13 октября с двумя командирами по нейтральной зоне. Слева от нас параллельно шли немцы, справа – неизвестно кто, и только далеко впереди – наши регулярные войска, на которые мы в дальнейшем наткнулись. Утром, пройдя уже 15 километров, мы пришли к большому селу на реке Протва, через которое проходит старая Калужская дорога. В то время эта дорога представляла собой обычный русский большак с несколькими колеями для телег, по которым не так уж легко проехать и при крепких лошадях. Грязь, лужи, колдобины. Но уже с обеда (впрочем, в этот день мы ничего не ели) мы вместе уже со многими москвичами шли через дремучий лес по старой Калужской дороге. Прошли ещё пару десятков километров. Только в конце нашего пути нас задержали наши передовые военные заставы.

Оказывается, мы пришли в Тарутино – знаменитый городок, где на площади стоял памятник битве кутузовских войск с наполеоновскими. Эта площадь была совершенно пустынна. В темноте можно было различить памятник и старинные купеческие магазины...

Рано утром мы пересекли реку Нару и вышли на автомобильную трассу Малоярославец-Подольск и повернули пешком на Подольск. Эта трасса тогда шла почти сплошь по лесу. Из Подольска на Малоярославец по ней время от времени шли пешком части курсантов к боям, которые в это время шли в Малоярославце. Оттуда на телегах и автомашинах везли раненых. Над шоссе реяли немецкие бомбардировщики. Время от времени сбрасывали на шоссе бомбы. В это время наши зенитки, спрятанные в лесу, старались поразить немецкие самолёты. Машины и телеги останавливались, легко раненные из них выскакивали и прятались в лесу...

В нашем отступлении уже тогда наметился перелом. По дороге ехали, шли пешком беженцы. Шли заключённые, выпущенные из тюрем. Шли и наши ребята с трассы. Провода с телеграфных столбов всё-таки снимались. По дороге были расположены киоски с продажей дешёвого хлеба всем. Вот когда мы покупали после долговременной диеты. К вечеру 13 октября, уже в темноте мы добрались до электрички в Подольске...

Отхода электрички из Подольска мы ждали долго. Пассажиров было немного – все сидели, никто не стоял. На Курском вокзале нас жёстко контролировали. Меня, в конце концов, оставили в покое, а Шина, как корейца, оставили при себе. Когда я его стал защищать, они на меня с угрозами прикрикнули. Больше я милого корейца Шин-Ден-Юна уже не видел. Впоследствии секретарь парторганизации Бенцион Израилевич Сегал мне говорил, что Шина отправили к его семье в Казахстан, и он там вскоре умер. Вечная ему память.

Поздно ночью 14 октября я уже был в Ухтомской у тещи. Жена моя с сыном ещё раньше эвакуировалась из Москвы вместе с её отцом-метал-

лургом, посланным в связи с войной помогать Ижевским и Воткинским заводам.

Эпопея с противотанковыми рвами окончилась. За неё я имею медаль «За оборону Москвы».

Октябрь 1941-го

15 октября 1941 года утром я отправился из Ухтомской в Москву. Сначала помылся в бане около Казанского вокзала. В здание Энергетического института, где помещалась наша Стекловка, меня не пустили – там уже был госпиталь. Кстати, это здание вообще строилось в начале тридцатых для больницы. Только в связи с переездом Академии наук из Ленинграда его в чрезвычайном порядке отдали Академии. Я пошёл в Президиум. Оказывается, там, на ступеньках в холле собрались сотрудники Математического института с вещами. Они уже несколько дней тут ждут поезда, который должен вывезти их из Москвы в Казань. Однако, положение с эвакуацией с каждым днем ухудшалось. Поезда откладывались, со дня на день количество мест, выделяемых для поездки, уменьшалось и дошло, в конце концов, чуть ли не до 10.

В то время, когда я явился, в поезде было отказано совсем. Однако, отмечалось, что Москва находится в большой опасности, и рекомендовалось сотрудникам спастись из Москвы пешком. Наши сотрудники были возбуждены, а когда увидели меня, то обступили, расспрашивали, так ли опасно положение сейчас для Москвы. Я ничего не мог сказать им толком. Всё не так просто. Более молодые собирались уходить пешком и просили меня, чтобы я их возглавил. Они почему-то считали, что я приобрёл особый опыт преодоления трудностей, который им может пригодиться...

Я видел Сергея Львовича Соболева – он в это время чувствовал себя полным директором Института. Был также и А.Н. Колмогоров и долго меня расспрашивал. Оба они, Колмогоров и Соболев, получили вечером этого дня (15 октября) телефонное указание как академикам, немедленно явиться с ручными чемоданами на Павелецкий вокзал, откуда специальный поезд их вывезет в Казань. Они так и сделали.

Встретился я и с Анатолием Ивановичем Мальцевым. С ним у нас был особый разговор. Мы решили, что, если придётся уходить из Москвы пешком, то мы отправимся в это путешествие вдвоём, и точкой отправления нашей будет Ухтомская. А пока Анатолий Иванович предложил съездить в МГУ на мехмат, узнать, как у них дела. От площади, носящей теперь имя Петровского, тогда ходил трамвай через центр. На мехмате был буфет. Я засел в него. При мне объявлялось по университетскому радио, что поезда, предназначенные для эвакуации МГУ, отменяются. Москва в опасности. Профессорам и доцентам рекомендуется выехать из Москвы, как кто может, или даже уйти пешком. Безопасными направлениями для выездов назывались Горьковское и Казанское...

Наутро, 16 октября, на улицах продолжали продавать булочки. Это я помню, потому что не мог не прикупить себе их некоторую толику – «противотанковая диета» продолжала сказываться. Однако, самое главное – на лицах москвичей и в их действиях сказывалось большое волнение: каждый готов был рассказать другому о том, что он видел и пережил. Оказывается, директор такого-то завода вместе с бухгалтером нагроулили заводским добром заводскую машину, набрали из кассы денег и укатили из Москвы. Остальное добро растащили рабочие. Совсем как сейчас, при наших реформах. Людей это возмущало. Много таких случаев можно было услышать в разных вариантах...

Мы с Анатолием Ивановичем решили, что отбудем из Москвы пешком, и отправились к нему на квартиру, собрали его вещи и повезли на Казанский вокзал. Но на пути Анатолий Иванович сошёл с трамвая возле МГУ, чтобы навестить там дополнительные справки. Я должен был ждать его под дебаркадером. Я ждал его очень долго. Замёрз ужасно, не выдержал и ушёл на электричку. Там собралось много народу прямо на платформе. Прилетели немецкие самолёты, застреляли противовоздушные орудия, западали осколки. Народ куда-то не убегал, стоял на открытой платформе. Я тоже. Исходили из малой вероятности поражения. С большими приключениями я приехал домой. В мой поезд попал-таки осколок и прекратил его движение... Только на другой день явился в Ухтомскую Анатолий Иванович.

В дальнейшем, в более спокойной обстановке были предоставлены МГУ поезда, на которых МГУ уехал, кажется, в Янгильд. Мы же с Анатолием Ивановичем снова вернулись в Москву и на этот раз узнали, что правительство выделило специальный поезд для вывоза из Москвы докторов наук и что на этот поезд можно пустить и нас с Анатолием Ивановичем, как-никак мы докторанты – почти доктора. Через несколько дней такой поезд действительно был организован. Он состоял сплошь из вагонов метро и вагонов международного класса. Это доказывает, что правительство считало не невозможным, что немцы войдут в Москву...

Так или иначе, мы сели в поезд. Говорили, что нас отвезут в Казань, куда переехал наш институт. Однако, на самом деле наш поезд шёл в Свердловск. И мы посчитали разумным сойти с него на пересечении железной дороги с рекой Вяткой. Навигация ещё не закончилась. На пристани скопились беженцы. Для них были выделены специальные баржи. Мы с Анатолием Ивановичем подсели в одну из них, доехав, таким образом, до реки Камы. А там с комфортом ехали в Казань первым классом. Эти места нам с Анатолием Ивановичем знакомы. В 1938 году мы с ним, Андреем Николаевичем и Павлом Сергеевичем прошли их на гребных лодках. В Казани сразу же устроились жить в большом зале Университета, где всё было сплошь заполнено кроватями...

Казанский период

Математический институт занимал второй этаж небольшого трёхэтажного здания, находящегося в усадьбе Университета. Это помещение называется Кабинетом имени Лобачевского. Директорскую должность теперь занимал С.Л.Соболев...

Через несколько дней после нашего приезда, нас позвали на собрание Физико-математического отделения. Конечно, нас с Анатолием Ивановичем, как только докторантов, можно было бы и не звать на собрание таких важных персон. Но, по-видимому, не ожидалось, что эти важные персоны будут в достаточном количестве, а кворум всё же нужен. К собранию обратился академик А.Ф.Иоффе. Он призывал всех поменьше заниматься своими личными делами и всё внимание и усилия направить на помощь войне. Эта помощь должна быть конкретной. Любые научные темы, не отвечающие этой цели, должны быть отброшены. Но он добавляет: «Я не могу заготовить всем Вам нужные темы. Думайте сами. Я допускаю, что многие из Вас такие темы не выдумают. В таком случае будет лучше, если Вы найдёте для себя полезные в указанном смысле занятия, как интеллигентные люди». – «Я, например, – сказал академик Иоффе, – пришёл к заключению, что буду наиболее полезен в качестве деятеля по руководству строительства укрепления вокруг Казани». Видимо, в то время академик Иоффе об атомной энергии не помышлял...

Когда я отправлялся под Малоярославец, я не знал, что со мной будет – может быть, меня переведут на фронт? Вероятно, так и было бы, если бы немцы так внезапно не прорвались к Москве. Я передал свою рукопись Андрею Николаевичу Колмогорову через учёного секретаря К. К. Марджанишвили. Через несколько дней, после моего приезда в Казань, мы встретились с Андреем Николаевичем. Он позвал меня к себе. Напоил чаем. Затем вынес из-за шкафов – что же Вы думаете? – мою рукопись. Оказывается, он полностью ознакомился с ней и пришёл к такому заключению, что её можно рассматривать как законченную докторскую диссертацию. «Берите, – сказал Андрей Николаевич. – Печатайте её и защищайте».

Когда Андрею Николаевичу было 80 лет, и я на его юбилейном банкете сидел как академик почти рядом с ним, я в своём выступлении как раз этот факт вспомнил – факт, показывающий всё благородство и отзывчивость этого великого человека. Ведь ему 16 октября сказали, чтобы он с ручным чемоданом явился к поезду, который должен был вывезти его из опасной Москвы. Он мог положить в чемодан лишние штаны, а положил мою рукопись. До последних минут жизни этот великий благородный человек, мой учитель, будет находиться в моём сердце...

Андрей Николаевич в это время занимался теорией турбулентности. Я помогал Андрею Николаевичу по некоторым частным аспектам этой его деятельности. Эти работы Андрея Николаевича формально по научным планам Академии наук входили в ранг оборонных. Меня тоже как

помощника туда приписали, и я некоторое время получал за это вместо обычных 600 граммов хлеба – 800 граммов. Всё равно этот хлеб шёл в общий котёл с Анатолием Ивановичем. До лета 1942 года мы спали рядом, кушали всегда вместе. Если кому-либо из нас хотелось в какой-то момент скушать кусочек хлеба, он обязательно совещался по этому поводу с другим. Вместе устанавливали, какого размера этот кусочек надо отрезать от общего куска. Затем этот кусочек делился пополам и выбрасывался жребий. Всё это с шутками. Но предупредительно друг к другу, без излишних сентиментальностей.

Однако Анатолий Иванович тоже в общий котёл вносил немало. Когда наш поезд чуть ли не трое суток стоял на Ярославском вокзале в ожидании выпуска его из Москвы, я, улучив десяток минут, обошёл ближайшие к вокзалу гастрономы. «Ничего нет, – сказал я, придя обратно. – На полках гастрономов только шампанское, да ещё какой-то сухой квас». – «Что же Вы не купили? Идёмте, сейчас мы купим!» И мы накупили много шампанского и много квасу. Интересно, что в дальнейшем мы оба так и не догадались разводить квас в кипятке, а употребляли его в порошке ложечками. И это был единственный продукт, который елся без жребия. Такого рода закуски нам удавалось производить и в дальнейшем...

К обеду сотрудники собирались в институте, получали по карточкам хлеб. Чтобы избежать очередей, институт получал хлеб сразу за всех. Этим занималась приехавшая из Москвы почтенная молодая дама. В Москве она была заведующей кафедрой иностранных языков в большом вузе. Приходил Иван Матвеевич Виноградов с сумкой, охотно беседовал с любыми сотрудниками, заходил на некоторое время в комнату директора Сергея Львовича, куда стекались и другие учёные постарше. Все оживлённо обсуждали события на фронте, изучали карты. Кстати, большой успех имел принадлежавший мне атлас, который я предоставил в пользование всему Институту...

Вообще, во время войны печатание научных журналов не прекращалось. Редакции и типографии переехали из Москвы и быстро на новых местах восстанавливали свою деятельность. Но беда заключалась в том, что в продаже журналы по-прежнему продавались за копейки, и народ расхватывал их на курительную бумагу. Всё же «Известия» с моей статьёй (1943) попали-таки в Южную Африку, где тогда спасался Аткинсон...

Ранней весной в казанских газетах было опубликовано, что кто хочет, может приехать на берег Волги и купить полтора пуда соли (за гроши), а организации могут получить соль машинами. С мирного времени на берегу Волги красовалась гора соли, предназначенная для города. В своё время эта соль была привезена по Волге на баржах. Соли угрожало наводнение, а машин для её вывоза городские власти не имели – шла война. Решили спасти соль – отдать её населению.

Наш институт выпросил у Президиума машину и послал несколько

человек, в том числе меня, Анатолия Ивановича, Александра Даниловича грузить соль. В институте её разделили. Нам дали как грузчикам больше. У нас с Анатолием Ивановичем получился громадный мешок соли. Мы уже жили в это время в полуподвале у старухи, за шкафом...

К лету я остался один у старухи, но тут же появилась необходимость ехать к жене в Ижевск, чтобы забрать ее в Казань вместе с двумя сыновьями (Юрой и Мишей, родившимся уже в Ижевске)...

Моя семья в Ижевске голодала, по карточкам ряд месяцев не давали никаких продуктов, кроме хлеба (300 г в день). Совсем как сейчас задерживают зарплату. Но с моим приездом дела поправились – меня прикрепили к магазину МВТУ, и я по запущенным карточкам получил много съестного.

Месяц я провозился с выездом, затем мы отправились на пароходе в Казань. В Казани нас никто не ждал, к старухе ехать было бессмысленно. И я водворил своё семейство в благословенный зал университета. Благо, никто этого водворения не заметил – милиционеров и омоновцев в те времена в зданиях университетов не было. Но и в зале нас никто не ждал. Разместились на краешке сцены – без кроватей. В зале жили в это время почти исключительно семьи сотрудников академических институтов из Ленинграда, прошедшие знаменитую голодовку.

Лето было тревожное. В Казани с пароходов выгружали тысячи раненых из Сталинграда. К осени зал потребовался для «науки», а в это время городские власти освободили солидное здание «Дом профсоюзов» для вселения туда академиков и членов-корреспондентов. Но нашлись комнаты и для живущих в зале. И нас в них распределили.

Мою семью (4 человека) поместили с другой семьей, состоящей из 6 человек, в одну большую комнату. Комната была разделена в этой пропорции верёвкой, на которую повесили, сколько можно больше юбок. Дмитрий Сергеевич Лихачёв возглавлял эту другую семью. Сейчас он – известнейшая персона на всю нашу Россию, а тогда по научной иерархии он был на одном уровне со мной...

Наука и картошка

Время, которое я описываю, содержало период Сталинградской битвы, следствием которой было последующее передвижение нашей науки и нашего высшего образования обратно с востока на запад. В конце мая мы узнали, что все московские институты Академии наук и вузы должны вернуться в Москву и приступить там к деятельности, рассчитанной не только на военное время, но и на мирное – послевоенное. Вузы должны были развернуть достаточно большие контингенты студентов.

В середине июня был подан вагон и для нашего института Стеклова, и мы со своими семьями в свободных купе приехали в Москву. Наш ин-

ститут занял своё прежнее место – крыло Энергетического института. Очень интересный факт. Подумайте. Курская дуга была ещё впереди – она же началась 5 июля. Почитайте, что пишут о Курской дуге маршалы. Они пишут, что Курская дуга была обеспечена громадными нашими силами. И в то же время они подчёркивали, что исход битвы мог быть решён только на поле боя, в плохом для нас случае немцы всей своей мощью повернули бы на север и Москве пришлось бы туго. А ведь смотрите, Сталин не пожелал ожидать исхода Курской битвы и приказал всей московской науке ехать в Москву и заняться, по существу, будущими мирными делами. Выходит, что Сталин был уверен, что он в Курской битве победит...

Хлеб в Москве всем жителям давали по 400 граммов в день, карточки на другое питание далеко не всегда отоваривались. Под Москвой жители получали по 300 граммов в день.

Однако, научные работники получали из своих учреждений специальные карточки с литерами А, Б, В. А – получали академики и члены-корреспонденты, Б – доктора наук, В – кандидаты наук. Я, таким образом, получал литературу Б. Для меня лично продовольствия было бы достаточно, для всей семьи – нет.

Сергей Львович получил в ЦАГИ с помощью своего приятеля академика С. А. Христиановича для Математического института 250 кг посевной картошки. ЦАГИ предоставил Институту также кусок земли у себя за оградой...

Меня сделали председателем колхоза, в который входили сотрудники Института – Соболев, Понтрягин, Делоне, Марджанишвили и другие. Была заведена такая система, что, каждый получал из урожая пропорционально сделанному труду. Труд разной тяжести (копка, прополка и т. д.) оценивался соответствующим коэффициентом. Участник колхоза мог прийти на участок индивидуально, выполнить очередную работу в посильных размерах, обмерить результат работы и сообщить их мне. Все оказались честными, и конфликтов никаких не было.

Стекловка снова в Москве

Итак, в 1943 году Математический институт вернулся в Москву. Как и всю войну, Москва в 1943-45 годах была на военном положении. Ночью быть на улицах запрещалось. На ночь воздвигалась над Москвой завеса, держащаяся на больших надувных колбасах, прожекторы и зенитки были наготове, но немцы уже не прилетали. В наше здание, теперь уже освобождённое от госпиталя, вернулся и Энергетический институт. Я уже ночевал в Институте по пожарным делам значительно реже, чем в 1941 году...

Свиридова Лидия Петровна

1927 года рождения.

В МФТИ с 1970 года.

Работник отдела снабжения.

В 1941 году всей семьей жили в Чуйсово Московской области, и там нас застала война. Я была еще школьницей, но уже понимала, что горе пришло в каждую семью России.

Помню, как все со слезами провожали мужчин на фронт, а молодых девчат, (16-17 -летних), отправляли на трудовой фронт, кого рыть окопы, кого заготавливать дрова, угля в стране не хватало, поезда ходили на дровах.

Отец с первых дней войны ушел на фронт, в сражении на Курской дуге он погиб. Осталось нас трое детей и мама. Брату было 16 лет, по-

шел работать на завод, ремонт самолетов.

Тяжелые бои шли к подходу Красной Поляны, немцы рвались к Лобне, жестоко бомбили. Прорвавшись на Красную поляну, немцы расправились с населением местности, в деревне Кошюшки сбросили детей в колодец. С самолетов бросали листовки с крупным текстом с обещанием хорошей жизни.

Помню стоял бронепоезд, защищая подход наших войск, немцы сбрасывали на него бомбы, но к счастью он уцелел. Вечером того же дня подошел состав с военными сибиряками, помню, были моряки в морской форме; освобождены были Красная поляна, дер. Катюшки и еще некоторые деревни.

Не могу не рассказать, как я и мама шли по минному полю. Мы не знали, что поле было заминировано, табличку с надписью не заметили, догадались только тогда, когда увидели жителей, наблюдавших за нами. Они что-то нам кричали. Мы прошли, не подорвавшись.

Слышали тайные разговоры, что в тылу у врага имелась типография, которая сообщала о военных действиях населению, через расклеивание листовок.

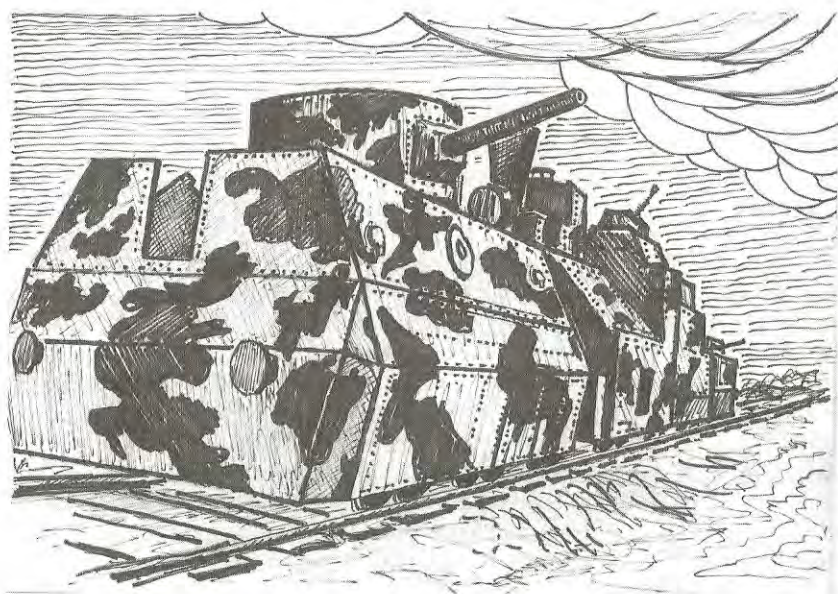
Как только освобождалась наша земля от немцев, поля засеивались, сажали овощи. В деревне остались только старики и дети, поэтому вся тяжесть полевых работ легла на наши плечи. Работали на полях Кешово, колхоз назывался «Красный октябрь». Жилось нам очень трудно, мы недоедали, одежда, обувь изнашивались.

Но, несмотря ни на что ждали Победы, слушали радио и радовались,

что немцев гонят на всех фронтах, это вселяло в людей силу, стремление сделать больше, чем можешь, и надежду на мирную жизнь... И настал тот день победы над фашизмом, люди обезумели от радости, обнимались, целовали друг друга, встречали военных с цветами, но плакали те, кто получил похоронку.

Я и мои подруги, уже семнадцатилетние, занялись кто учебой, кто мирным трудом.

Но все пережитое, не все охвачено в моем воспоминании, оно остается на всю мою оставшуюся жизнь.

Суворова Кармия Михайловна

1929 года рождения.

В МФТИ в 1960 - 1998 гг.

Кандидат химических наук.

Я родилась в Киеве в 1929 году. Отец мой коммунист, в годы гражданской войны был комиссаром в Красной Армии. Потом учился в Киевском Артиллерийском училище и Политехническом институте.

В 1931 году на Украине начался страшный голод, и семья наша уехала в Москву к бабушке, отец работал в Гражданской авиации.

Спустя какое-то время, отец по призыву уехал работать на Дальний Восток и взял с собой семью. Он строил ангары для аэродромов, работал вместе с Кокинаки. Жили мы на границе с Китаем. То было трудное

время, когда враг прощупывал восточные границы нашей страны. Беспрерывно гудели сирены, извещающие о военной опасности...

С 1935 года мы обосновались в Долгопрудном. Папа работал начальником сметной группы на Дирижаблестрое. В 1937 году отца арестовали, как «врага народа»...

Долгопрудная тогда была маленькой станцией, утопающей в лесах. Против станции стояло 7 – 8 барачных, в одном из них и жили мы. По всему поселку тянулись деревянные мостки и булыжная мостовая. До Москвы добирались на паровике около часа.

Маму, после ареста отца, долго не брали нигде на работу, но в конце концов, приняли бухгалтером в больницу, позже во время войны она работала в райздраве.

Еще при отце мы получили комнату в доме Дирижаблестроителей, что на Первомайской, в которой жили во время войны и после. В этом доме размещалась вся эскадра Дирижаблестроителей.

1941 год – война! Мне 12 лет, я только что окончила 4-й класс. На Москву начались налеты немецких самолетов. Отдельным из них удавалось пробиться в Москву, сбрасывались на город бомбы, из Долгопрудного видны были дым, зарево. Сначала мы по-детски смотрели на все это, как на фейерверк. Но множество аэростатов в небе преграждали путь вражеским самолетам к Москве, и они сбрасывали свой смертоносный груз где попало... Одна бомба упала на Долгопрудный. В Долгопрудном стояли эллинги, где раньше хранились дирижабли, немцы метили в них. Вот те пруды, что за кинотеатром «Полет» – это воронки от немецких бомб.

Вскоре начался и обстрел Долгопрудного. Фашистские войска рвались к Москве, они находились совсем рядом в Красной Поляне под Лобней. Уже в октябре 1941 года прекратились занятия в школе, а в ноябре 1941 – стоял страшный мороз, шла неимоверная стрельба. На месте нынешней физтеховской столовой находилось здание детского сада, в котором разместился военный госпиталь. Туда беспрерывно везли раненых.

Мы с мамой решили уйти пешком из Долгопрудного в Москву к бабушке. Но сумели дойти только до газового завода, ныне НИОПИК, и вернулись обратно, испугались холода, кругом рвущихся снарядов.

Осень и зима 1941-1942 года были очень тяжелыми, голодно, жили трудно, но одной надеждой, что удастся отогнать немцев от Москвы.

Потом пришел раненый и сказал, что немцы остановлены. Действительно, Москва была спасена.

Уже после войны я сама видела пленных немцев, которые работали на благоустройстве поселка Долгопрудного.

Сразу после разгрома немцев под Москвой, в январе 1942 года, у нас возобновились занятия в школе. Я училась в школе ныне № 5, она тогда была маленькой, в классе числилось всего 18 человек, из них – 6 отличников. Мы все понимали, что, несмотря на войну, надо учиться, и школа, ее прекрасные учителя выполняли свой долг.

Наши мамы трудились, отцы многих моих сверстников находились на фронте. Мы, дети, старались преодолевать все трудности войны: и учились, и помогали в семье, и работали, – такая уж выпала на нас доля. Мы были плохо одеты, голодны, электричества не было, учились при копилке, нечем обогреться...

Мама получала по 200 грамм хлеба на себя и на меня. Еще давали два килограмма пшеницы в месяц на двоих. Ее надо было сварить. Но как? Где добыть дров? Рубили лес в округе на месте нынешних общежитий физтеха. Рубить не разрешалось, поэтому чаще всего чистили лес, брали упавшее. Дрова превращали в лучинки, которыми топили маленькие приспособления, поставленные на конфорку печки.

Маме на работе давали бутылочку рыбьего жира, мы очень его берегли.

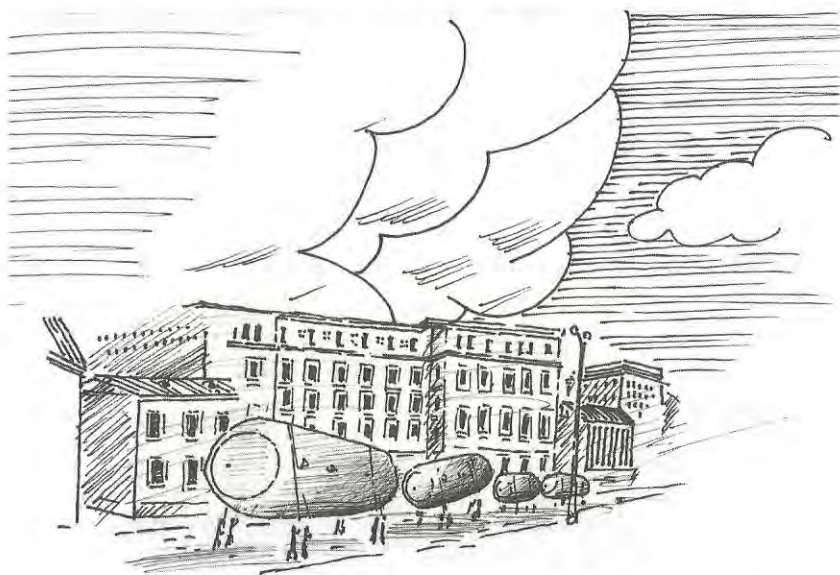
Весной 1942 года нам дали на окраине Долгопрудного пять соток земли. Трудно было копать целину, силенок не хватало, но все-таки картошку вырастили, которую варили и поливали рыбьим жиром.

К этому времени мы приобрели печку-буржуйку. Прорубили стену своей комнаты, чтобы вывести трубу на улицу, стало теплее. Чуть позже у нас появилась и керосиновая лампа. Во время войны мы, ученики 5-х - 7-х классов, помогали фронту, чем только могли. Все лето работали то на полях колхоза в деревне Котово, то в Грибках, то в Красной Поляне. Осенью всей школой выходили на уборку картошки. Но чаще всего мне при-

шлось работать на полях опытной станции ДАОСА. Работали весь день с утра до вечера. Давали задание прополоть 2 длинные грядки. Там росли разные корнеплоды и злаковые. Трава – выше моего роста. Надо было вырвать ее так, чтобы не затронуть культурное растение. Там нас подкармливали тарелкой супа.

Удивительно, но даже в годы войны не прекращались научно-исследовательские работы на этой опытной научной станции.

Конечно же на всю жизнь остался в памяти День Победы. Когда я услышала по радио о капитуляции Германии, бежала через весь поселок к маме на работу и радостно во весь голос кричала о конце войны. А 9 Мая – пробралась в Москву на Красную площадь. Там так много собралось людей, что казалось сюда пришли все... Небо было синее, синее и в нем

плавал аэростат с огромным белым полотнищем, на котором висели портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. На улице было еще холодно, но согревала охватившая всех радость Победы!

Хочу вспомнить своих друзей, товарищей, которые учились и работали вместе со мной, и испытывали те же трудности военного времени. Среди них были: Надя Киряева, ставшая прекрасным врачом – окулистом, которая ныне работает в поликлинике физтеха; Валя Турчин – сын профессора ДАОСА и который сам, через одиннадцать лет после окончания школы, стал профессором; Андриюша Соколов – известный инженер в будущем и др.

Сама я закончила химфак МГУ, затем аспирантуру в физтехе, в котором, работала с 1960 по 1998 год.

Трушечкина Галина Яковлевна

1931 года рождения.

В МФТИ с 1990 года.

Лифтер.

Родилась в 1931 году, 18 марта, в семье крестьянина Тамбовской области Шутьгинского района. Мать Мякинина Пелагея Васильевна, умерла в 1931 году. Моя семья многодетная. Нас в семье осталось без матери 9 человек: 6 братьев и 3 сестры. После смерти матери старший брат Мякинин И. Я. взял меня в Москву, и я с ним жила и училась, а перед войной отправил меня в деревню.

И так во время войны мы со старшей сестрой (1928 года) трудились в колхозе. Сестра брала меня с собой на работу. На работе, в поле, на току сушили зерно, на молотилке двигали снопы, чтобы они двигались по конвейеру. Мы помогали, как могли. Отец, Мякинин Яков Иванович, работал агентом по сбору шерсти. И в этом случае мы помогали: расфасовывали шерсть и отдавали тем, кто мог прясть и вязать варежки и носки, а потом отсылали на фронт. И каждый день ждали окончания войны. С сентября месяца я училась в школе. А летом ходила с сестрой на работу.

Три брата: Мякинин Иван Яковлевич, Николай Яковлевич и Владимир Яковлевич и три родных дяди – все они защищали нашу Родину от фашистов.

Брат Иван Яковлевич получил тяжелое ранение, не мог двигаться и лежал на поле боя. К счастью, ему повезло, что девочка 14 лет спасла ему жизнь. Она его, как могла, три километра тащила, вся изнемогая, и потом сдала его в госпиталь. Спасибо ей великое, что она спасла ему жизнь, что мой брат вернулся живым домой. К сожалению, спасительницу мы не знаем, где она и как живет.

Брат, Николай Яковлевич, также был на фронте. Ранен в плечо, попал в госпиталь, подлечили и опять пошел защищать Родину. Кончилась война, вернулся домой, все мы были счастливы. Он умер от сердечной недостаточности.

Брат, Мякинин Владимир Яковлевич, с начала до окончания войны был на фронте. После войны вернулся домой. А в настоящее время является инвалидом первой группы. Лечится в госпитале. И еще трое родных дядей защищали Родину. Один вернулся с фронта домой, а двое погибли. Им поставлен обелиск и на него занесены их имена. Обелиск поставлен в Тамбовской области Тульсинского района в деревне Сосновка.

После войны мы с братом Иваном Яковлевичем вернулись в Москву. Нашу квартиру заняли. Мы жили у знакомых, пока суд не постановил освободить наше жилье. Я пошла учиться в пятый класс, а брат пошел работать. И так и пошла наша жизнь. Брат женился, а я вышла замуж.

С мужем пошли работать в МГУ. Там нам дали жилье, и проработала в МГУ 35 лет, а потом в Госстрое до пенсионного возраста. После пенсии устроилась в общежитие МФТИ и работаю там в настоящее время.

ГЛАВА IV

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОСЛЕДНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Гаранина Светлана Васильевна
(девичья фамилия Копченова)

Родилась в 1938 г.

В МФТИ с 1967 г.

*Старший преподаватель и тренер
кафедры физического воспитания и спорта.*

В первые дни войны отец ушел на фронт. В Красную Поляну, где я родилась, война пришла в начале зимы 1941 года. Со слов матери, да и в моей детской памяти, немцы выгнали нас ночью из дома на улицу, сказав: «сейчас здесь будет бой, уходите». Закутанные впопыхах в кое-какие тряпки, одеяла, на босу ногу валенки, с криком и плачем мы ночью оказались на улице. Мать погрузила нас с сестрой на санки и повезла подальше от этого страшного кошмара. Мы сели в поезд и намеревались уехать как можно дальше из этих мест. Кто-то посоветовал матери не уезжать далеко от Москвы:

«Немцев сюда не пустят». Послушались. Сошли на первой же остановке. Так вот и оказались здесь в Долгопрудном.

Смутными детскими воспоминаниями представляется, как летали самолеты, бросали бомбы. Как такового, города Долгопрудный и не было. Лишь одни бараки вокруг, поля и леса.

Помню голод военных лет, вкус крошек хлеба, как боялись уронить их. Приходилось есть все, что можно жевать, лишь бы наполнить живот. Несчастье и горе посетило и нас, пришло извещение: пропал без вести отец в мае 1942 года. Этот страшный документ постоянно хранится у нас. Жили, терпели, выжили.

Формы № 4

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж
(муж, сын, брат военного звания) Монченко Василий Николаевич
(фамилия, имя и отчество)

Город Долгопрудный Уроженец _____
(область, район, деревня)

находясь на фронте героически без бояни сбит в 1942 г.
похоронен с отдаванием воинских почестей _____

(адрес и наименование места погребения)

Настоящее извещение является документом для возбуждения
ходатайства о пенсии.

Долгопрудненский гражданском-
пожарник Александрович
Магальницкий Ф. И. (подпись)
начальник пожаротушения Сидоров
Печать: Долгопрудненский район, отдел пожарной охраны, Москва

(Подпись) Сидоров
Магальницкий

Краснополосная тира, бак. 2120

Котина Светлана Васильевна

Родилась в 1936 году.

В МФТИ с 1970 года.

Профессор кафедры философии.

Вспоминаю начало войны так: мне было около пяти лет, вся семья на террасе дома в поселке Шуя Новосибирской области. Прекрасный летний день, недалеко внизу плывет пароход, пассажирам которого мы, по привычке, приветливо машем, а в ответ слышим крик, обращенных к нам: «Война, началась война!».

Отец мой, директор средней школы (мои родители преподаватели биологии и древней истории, их совместное изображение с заслуженными преподавателями Сибири, сфотографированное в Кремле, при вручении им меда-

лей Калининым, до сих пор является предметом гордости нашего семейного архива) восклицает: «Я иду добровольцем на фронт».

Так оно и произошло, отец ушел на фронт, больше мы его не видели, а мать с четырьмя детьми (младшему было два месяца) переехали в г. Джалал-Абад Киргизской Республики, где жили родители отца. Мать, как активный, деловой человек, сразу же назначается директором средней школы, а мы, дети, ведем обычную жизнь тыловых детей: учимся, помогаем фронту, собирая хлопок вместе с местным населением, выступаем с песнями и стихами перед ранеными, эшелоны которых все чаще и чаще поступают в город. Проблем много (питание, топливо), но всё это скрашивается общим патриотическим чувством и уверенностью в Победе.

Наступает 1944 год. В освобожденные районы Молдавии от фашистских захватчиков приглашаются передовики-коммунисты, готовые пропагандировать идеи социализма. Моя мать, в числе первых подает добровольно заявление, желая начать свою деятельность не в центральном городе, а в глубинке, селе. Никого не смущает наличие у неё четырех детей, — её активность и безупречное поведение патриота-коммуниста вне сомнения. Семья переезжает в село «Страшены» бывшей Молдавской Республики, где начинается второй этап нашей военной жизни. Мать целый день на работе в качестве партийного инструктора. Работы много: население относится с опаской и недоверием, но поддерживала нас возникающая дружба с наиболее бедными слоями молдавского народа и прибывшими, как и мы, добровольцами огромного партийного механиз-

ма, уверенными, что они приехали в Молдавию, чтобы создать условия для развития социалистических отношений и нового образа жизни. Было далеко не просто, — действовали банды: то одно убийство, то другое; то один саботаж, то другой. Но это, как мы были уверены, связано с непониманием нашей высокой миссии.

Фактически беспризорные дети (мать целый день с раннего утра до позднего вечера на работе) голодают. Мы собираем крапиву, траву, напши вздутые животы и опухшие мордочки — результат постоянного недоедания и использования в пищу некачественных продуктов. В помощь голодающему населению изредка выдают из формирующегося колхоза очистки от картофеля, жмых, сыворотку от молочных продуктов. Малярня, скитание из квартиры в квартиру, но мы были уверены — это временные военные трудности.

Однако уже в своем восьмилетнем возрасте я замечаю, что местное население живет всё-таки гораздо лучше, чем мы — освободители, а среди освободителей тоже формируется неравенство. «Мама, а почему у Адика Хабибулина, есть кожаные сапожки и ест он каждый день хлеб с маслом, а у нас нет, — спрашиваю я, — Разве ты меньше работаешь, чем его папа?». Мама почему-то смущенно отворачивается и шепчет: «Замолчи!». Позже я поняла, что оплата происходит не столько по количеству вложенного труда, сколько по распределению.

На собственном опыте жизни и внимательно наблюдая за окружающими, я стала постепенно понимать, что есть преданные люди в коммунистической партии, которые работают по совести, и добросовестно выполняя самую трудную работу в большом механизме партийной деятельности, но почему-то они-то, добросовестные и честные, жертвующие во имя своего дела, живут гораздо хуже, чем небольшая группа деятелей, входящих в сферу партийных руководителей, живущих довольно обособленной, закрытой от посторонних глаз, жизнью. Но это все забывалось, т.к. шла война, большинство жило бедно и трудно, а мою маму все-таки не забывали, награждали.

Страна жила трудно, но мне всегда думалось: «Какая богатая Россия, если она в состоянии была создать из разрушенной полуголодной сельскохозяйственной страны Молдавии республику с заводами, передовой технологией производства в колхозах, высокоразвитым сельским хозяйством, виноделием и т.д.»

Каково же было мое разочарование, когда я волею судьбы, после окончания МГУ, стала ездить с чтением лекций по линии общества «Знания» по Российской Республике. Я увидела, что в России колхозники живут очень бедно, что они по многим параметрам ущемлены гораздо больше, чем в освобожденной Молдавии. И тогда мне снова стало ясно, что русский народ лишали необходимого и отдавали, принадлежащее по праву ему, во вновь появившиеся республики как необ-

ходимую для него технику, так и специалистов. И это делалось сознательно не только во время войны, но и в мирное время, и отдавались не излишки, а необходимое: велась односторонняя политика заигрывания и подкармливания местной республиканской молдавской элиты, которая на словах говорила «Москва – старший брат. Мы ей так признательны и благодарны», а на деле проводилась узконациональная политика. Мне никогда не забыть, когда с моей мамой беседовал один из высокопоставленных чиновников, заявивший следующее: «Вы являетесь секретарем партийной организации Педагогического института, у вас много докторов и кандидатов наук из России, но нам нужны свои, местные кадры. Поэтому поймите, что вы здесь лишние и, сделав свое дело, уезжайте отсюда. Вы, россияне (имелись в виду не только русские, но и евреи, казахи, чуваш и другие национальности), нам не нужны». Воспитанная в духе интернационализма, моя мать опе-

шила и возмущенно ответила, что об этом она доложит в ЦК КПСС. На это высокопоставленный чиновник от партии ответил: «Ну и что, вы винтики в механизме нашей власти, кто поверит Вам? У Вас нет свидетелей разговора, а я откажусь». Об этом, спустя годы, она мне поведала, когда я была на распутье: после окончания философской ас-

пирантуры в МГУ, возвращаться в Молдавию, либо искать работу в России.

Меня сейчас очень волнует вопрос о том, как же теперь живут наши ветераны и добровольцы трудового фронта, прибывшие в Молдавию еще во время Второй Мировой войны по призыву ЦК КПСС, если даже в добрые времена, к прибывшим относились далеко не однозначно, в чем реально выражается забота об оставшихся там наших россиянах?

Я полагаю, если наше правительство не будет повторять ошибок прошлого, а мы не будем однолинейными, пассивными винтиками в механизме большой Государственной машины, то народ, который сумел избавить Европу от фашистской чумы, а сам, истерзанный, смог помочь дружественно настроенным к нам странам, разрушенным и униженным, подняться на уровень технологической цивилизации, в состоянии избавиться от внутренних, перестроечных проблем. Мне кажется, что сейчас в стране сложилась благоприятная ситуация, когда ветераны войны и работники трудового фронта вправе предложить правительству обеспечить возможность проведения Всероссийского конкурса на разработку коллективами ученых комплексного государственного плана с прозрачными и четкими экономико-математическими расчетами, учитывающими резервы страны и ее потенциальные возможности на ближайшее время, под названием: «О возможности создания условий для обеспечения безбедного существования каждого российского гражданина и создания условий для его гармоничного развития, мерах по укреплению внутренней и внешней безопасности страны». Это должны быть не утопические планы, а реальные расчеты по обеспечению труда и получения таких доходов, на которые можно было бы прокормить себя, содержать семью, квартиру, машину, участвовать в прибылях акционерных сообществ, складывающейся рыночной системы, равные возможности для получения бесплатного, обязательного среднего образования и медицинской помощи, наличия свободного времени для повышения своих духовных, общекультурных потребностей.

Совет ветеранов и работников трудового фронта вправе потребовать от Европейского сообщества учета наших исторических заслуг в выполнении жертвенной роли в период второй мировой войны, способствующей спасению Европейской цивилизации от варварства и разрушения, создавшей для ее народов благоприятные условия для научного и духовного роста. Европа может и должна быть заинтересована в создании единого культурного поля дружественных контактов для всеобщей борьбы против угрозы терроризма, наркомании, СПИДа и других экологических и религиозных проблем, которые постоянно потрясают европейские страны и страны Ближнего Востока. И в этом мы можем и должны убе-

дять Европейские страны своими практическими шагами, по улучшению жизни каждого гражданина в своем отечестве и миролюбивой политикой во внешних отношениях с другими странами.

Олешек Леонард Брониславович

Родился в 1934 году.

В МФТИ с 1964 года.

*Старший преподаватель и тренер кафедры
физического воспитания и спорта*

Весна 1940 г., ст. Турист, пос. Деденево – красивые холмистые места, березовые и сосновые рощи и леса, небольшая речка с чистой родниковой водой и множеством мальков и рыбешек, канал, водохранилище, а в центре поселка – церковь с высокой колокольней.

Вот в такое место наша семья – отец, мама, я и трехмесячная сестренка переехали в 1940 г. из Икшанской трудовой колонии, где отец работал учителем. В этом учительском городке мы прожили более 25 лет, там же пережили войну, встречали День Победы, окончили школу и учились в институтах. О событиях тех дней, особенно военных, мне хочется рассказать молодежи без прикрас и лакировки. Эта память о войне должна быть востребована, наше молодое поколение не должно расти Иванами, не помнящими родства.

Лето 1941 года выдалось жарким и солнечным и запомнилось мне играми, купанием в речке, ловлей рыбешек, чтением сказок Пушкина А.С. и беззаботным смехом. И вдруг наше беззаботное детство нарушается тревожными событиями. В один из дней конца июня по радио прозвучало объявление о начале войны. У радиоприемника наших соседей собрались все взрослые и внимательно вслушивались в сообщение диктора о вероломном нападении Германии на нашу страну. Последующие дни прошли в тревоге и ожидании, а по радио передавали сводки о боях, о наступлении немцев и отходе наших войск на новые рубежи, о потерях и т.п.

В начале июля провожали на фронт нашего соседа Переплетчикова, отца моего товарища, через несколько дней уходит Сукодолский, впоследствии воевавший в корпусе Доватора. Примерно в эти же дни уходят на фронт старший и младший сыны нашего учителя Николая Павловича Завьялова. Оба воевали на Балтике. Старший, Юрий Николаевич, кадровый морской офицер, в морской форме произвел на нас незабываемое впечатление. Его форма и морской кортик на поясе вызывали неописуемый восторг и гордость. Оба брата прошли всю войну, были ранены, но возвратились живыми.

В конце июня я узнал от мамы о том, что отец записался добровольцем в ополчение вместе со своими коллегами, учителями Деденевской

школы. Через две недели добровольцев вызвали в военкомат г. Дмитрова для военной подготовки.

Проводы были краткими. Мама собрала необходимые вещи и уложила в вещмешок. По просьбе отца она положила туда альбом для рисования и коробку карандашей. Я знал и видел, что отец в свободное время рисовал и писал пейзажи. Кое-что из рисунков военных лет сохранилось, но многое пропало, когда отец был контужен и лежал в госпитале. Простились с отцом без слез, молча. Но что-то неуловимое, тревожное витало в воздухе в этот яркий солнечный день лета. Вскоре были призваны еще несколько отцов моих товарищей, были слезы и скорбное прощание. В наших учительских домах все молодые отцы ушли на фронт, остались трое пожилых мужчин, тоже учителей, да 8 или 9 матерей с ребятишкой.

Где-то в начале августа мы с мамой и сестренкой навестили отца в воинской части, расположенной где-то под Красноармейском. Поезда еще ходили и мы добрались без происшествий до части. Мы с сестренкой сначала отца не узнали, он был одет в солдатскую форму, сапоги и с пилоткой на голове, лишь улыбка на лице и голос были знакомыми и родными. Та встреча запомнилась еще и тем, что кроме нас в часть приехали женщины, кто с детьми, а кто и без. Кто-то из женщин смеялся, кто-то плакал, а мы, ребята, бегали по дорожкам и собирали железные осколки с рваными острыми краями, их было очень много. Отец потом сказал, что немцы не так давно бомбили их военный городок, но все обошлось, а один немецкий самолет был подбит зенитчиками.

Последняя встреча с отцом и расставание произошли в конце августа на ст. Турист в эшелоне, следовавшем на фронт. О том, что в такой-то день их эшелон с бойцами проследует через нашу станцию, мы узнали из его коротенького письма. Эшелон стоял недолго, бойцов призванных из окрестных деревень: Шуколово, Целеево, Муханки, Новленки, Парамово и пос. Деденево – окружили родные и близкие, дети – их обнимали и плакали. Но вот раздались протяжные паровозные гудки и эшелон медленно тронулся. Отец поцеловал нас с сестрой, обнял маму и сказал мне: «будь умницей и помогай маме» – и быстро побежал вдоль насыпи, догоняя свой вагон-теплушку, ухватился за поручень и подхваченный руками своих товарищей, вскочил в вагон...

Состав набирал скорость, бойцы махали пилотками родным и близким, стоявшим вдоль насыпи с поднятыми руками, державшим белые платки, кто-то громко рыдал, кто-то кричал вслед уходящему эшелону. Последний вагон исчез за поворотом и воцарилась тишина, державшаяся довольно долго, затем провожавшие – женщины, дети и несколько пожилых мужчин стали медленно и молча расходиться в разные стороны. Мама вытерла слезы, взяла нас за руки и мы медленно побрели домой, за нами следом побрели и наши соседи с ребятишкой. Соседка, Раиса Михайловна, так и не встретила своего мужа, вероятно, он уезжал в другом

эшелоне, прошедшем ночью. В последующие дни, через каждые час-полтора через Турист шли эшелоны. Несколько дней прошли, прежде чем мы все как-то отошли от всего происшедшего, а нашим мамам добавилось забот по дому, уходу за нами и, конечно, приготовление еды, тем более, что особых запасов продуктов не было, разве что несколько пакетов сухарей. Но магазины еще работали, и мама приносила домой хлеб и кое-что из продуктов.

В один из дней конца августа, рядом с нашим учительским городком из 3-х домов, расположился большой отряд молодежи, приехавшей рыть окопы и противотанковые рвы вдоль железной дороги и ж/дорожного моста. Остатки этих рвов, но уже основательно заросших кустарниками и березами, можно обнаружить и сегодня. На полянке возле дома, в 10 метрах от колодца была сооружена полевая кухня: установлены два или три больших котла, а под ними устроен подтопок для разведения костра. С утра и до вечера возле них хлопотали несколько поварих и парень, заготавливавший и коловший дрова для костров. Вокруг кухни всегда стоял какой-то особенный запах и суета. Нам, ребятам, было интересно наблюдать за всей этой суматохой, иногда сглатывать слюну от вида варившейся каши или картошки. Поварихи иногда угощали нас после раздачи членам отряда, если в котлах что-то оставалось. Вечерами молодежь собиралась у костра, слышны были звуки гитары и грустные песни о расставании и еще о каком-то молодом бойце. Молодежный отряд пробыл у нас почти три недели и по окончании работ отбыл в Москву.

Июль месяц запомнился тревожными вестями с фронтов, немцы наступали, а в 20-х числах июля немцы дважды совершили массированный налет на Москву. Ночью мы слышали как высоко над нами, монотонно гудя с небольшими интервалами, летели немецкие самолеты бомбить Москву, а затем через какое-то время они возвращались обратно. Над Москвой виднелись яркие вспышки разрывов и лучи прожекторов, шарящих по небу – все это мы видели своими глазами, забравшись на крышу сарая и дома.

Примерно в это же время неподалеку, на окраине д. Целеево располагалась небольшая воинская часть. Солдаты рыли окопы, устанавливали прожектора и зенитные орудия. Мы, мальчишки, частенько подходили поближе и с любопытством разглядывали технику. Над прожекторами и зенитками днем солдаты натягивали маскировочные сети зеленоватого цвета. Солдаты нас не прогоняли, а их командир, совсем молодой, что-то объяснял нам, не все нам было понятно, но любопытно и интересно.

Тревожные вести с фронта ежедневно обсуждались соседями и родственниками. Что делать, если немцы придут в поселок? Несколько семей уезжают в Москву, там у них есть родственники и у них можно разместить-

ся. Но многие решают остаться, мама тоже – в Москве нет ни родных, ни знакомых, и ехать некуда.

В последующие дни снова провожали призывников на фронт, прощальные объятия, поцелуи и слезы. Призывники стараются держаться бодро и обещают немцев прогнать и возвратиться живыми домой. Но немногим из них суждено было вернуться домой, одни погибли в боях на подступах к Москве, другие в боях под Вязмой, на Волге, Днепре и других местах. Более трехсот бойцов, их имена и фамилии запечатлены на мемориале в п. Деденево, а сколько в г. Яхроме, Рогачеве, Белом Расте и других местах Подмосковья останутся навечно в памяти людей.

В середине сентября на ст. Турист прибыл бронепоезд, окрашенный в светло-зеленоватый цвет с разводами, с орудийными башнями и пулеметными гнездами. Такого мы, мальчишки, еще никогда не видели и, конечно, во все глаза рассматривали его и экипаж бронепоезда, одетый в темные комбинезоны и шлемы. Бронепоезд регулярно курсировал по железной дороге в сторону Дмитрова и обратно, днем же стоял под парами в Головинском лесу под прикрытием маскировочных сеток. Позже бронепоезд участвовал в боях, когда немцы подошли к Дмитрову и Яхроме.

Запомнился на всю жизнь первый воздушный бой двух наших ястребков с немецкими истребителями. Это произошло в конце сентября. Мы с ребятами играли в разведчиков, стояла ясная и тихая погода, с деревьев падали листья. В этот момент мы увидели два ястребка, пролетавших на небольшой высоте в сторону г. Дмитрова, проводив их взглядами мы продолжили игру. Через несколько минут снова послышался рокот моторов и мы увидели возвращавшихся с задания ястребков. Вдруг из-за горы с ревом и воем над нашими головами пронеслись два немецких самолета черной окраски с желтыми крестами на крыльях в догонку за нашими самолетами. Через мгновение над огромным пойменным лугом на высоте 30-40 метров закружилась карусель. Немецкие самолеты и ястребки, описывая большие круги, гонялись друг за другом и строчили из пулеметов. Слышно было, как пули впились в стволы и кроны деревьев и срезали листья. Все прекратили игру, инстинктивно прижались к стволам деревьев и следили за боем. Было страшновато и любопытно. Воздушный бой продолжался несколько минут, один из ястребков вдруг резко снижался вниз и на бреющем полете умчался в сторону Москвы. Другой ястребок некоторое время увертывался от немецких очередей и самолетов, но потом вдруг задымил и, заваливаясь на правое крыло, полетел в направлении Шуколовского оврага. Немецкие истребители не преследовали наш самолет и, сделав круг над деревьями, умчались в западном направлении. Мы были ужасно огорчены и прибежали домой со слезами на глазах. На следующий день из разговоров взрослых узнали, что наш летчик сумел выбраться из горящего самолета, раскрыть, но не полностью, парашют и повиснуть на макушках деревьев.

Его подобрали военные, без сознания и сильно обожженным, но живым. Самолет упал и сгорел, только отдельные части и мотор нашли на месте падения. В последующие дни сентября немецкие самолеты-истребители над поселком Деденево не появлялись, однако днем высоко-высоко и довольно долго кружил двухфюзеляжный немецкий самолет, называемый солдатами «рамой», вероятно, это был немецкий разведчик. Однажды он сбросил листовки. В моей памяти не сохранился текст листовки, но взрослые, прочтя их, возмущались и со злостью рвали их и сжигали.

В один из последующих дней немецкий самолет сбросил прямо над нами какие-то блестящие шарики, мы с родителями находились возле дома. Послышался усиливающийся вой, «шарики» продолжали снижаться смекаясь в сторону оврага. Кто-то из взрослых вдруг крикнул: «это бомбы, дети быстро в подвал». Не успели мы все заскочить в наше «бомбоубежище», как почувствовали сотрясение стен и услышали глухой звук разрывов. Спустя час или два мы вылезли из своего убежища, самолет улетел, дома стояли целыми, пожаров в деревне не было. Позже мы обнаружили в 150-200 м воронки от взорвавшихся бомб. К нашему счастью летчик промахнулся и никто не пострадал. В д. Целево также упало несколько бомб, но никто не пострадал. Фронт приближался, появились беженцы – женщины, старики, дети. Магазины работали с перебоями, продуктов на всех не хватало, а с каждым днем становилось голодней, а тут еще и холода наступили. Приближался ноябрь с его снежными и морозными днями.

Немецкие самолеты все чаще и чаще стали появляться над нами, сбрасывали листовки и улетали на запад. Однажды мы проснулись от взрывов, все взрослые и дети выскочили во двор и бросились в подвал, туда набилось человек 20-25. Через полчаса кто-то из взрослых выглянул наружу и, вернувшись в подвал, сообщил: «немцы бомбили Деденево, там пожар и все в дыму». Днем все выяснилось. Немецкие летчики сбросили бомбы на больницу, где размещался военный госпиталь. Несколько бомб попало в бывший корпус монастыря и молельню, которая сгорела до тла вместе с утварью и имуществом. Больница тоже сгорела, при пожаре погибло много тяжело-раненных, и лишь ходячие успели покинуть горящее здание. Кроме этого фашисты разбомбили и школу в Головинском лесу, где временно располагался лазарет. В этой школе мы должны были учиться, но увы, не пришлось.

Весной, когда стаял снег, мы находили в разбомбленной школе детские игрушки, кубики, рисунки и приборы, книги и детские журналы. Все целое и не обгоревшее мы собирали и сдавали завхозу.

На всю жизнь запомнилась картина разбомбленной больницы, церкви и школы. Они еще не один год после разгрома немцев напоминали о варварском налете и его последствиях, о человеческих жертвах и войне.

По прошествию многих лет довольно трудно проследить точную хро-

нологию событий, детская память избирательна и запечатлела те события, которые были ярки и необычны. В памяти сохранились эпизоды военных дней. Вот мы, группа ребят человек 10-15 во все глаза смотрим, как в Целеевскую горку, урча и разбрасывая снег, ползут танки. «Неужели немцы, этого не может быть», – мелькает в голове. Всматриваемся и видим на идущих впереди колонны 3-х или 4-х машинах звезды, а следом за ними ползут необычно угловатые, темной окраски с разводами, тяжелые машины без звезд. Передние люки водителей и люки на башнях открыты, молодые танкисты в шлемах приветливо улыбаются и что-то нам говорят, но за шумом моторов ничего не слышно. Передние танки останавливаются и танкисты соскакивают с машин, мы гурьбой бросаемся к ним. Улыбаясь, танкисты похлопывают нас по спине, по плечам и просят принести водички. Мы со всех ног несем домой и спустя какое-то время возвращаемся с чайниками, полными кипятка. Наши мамы даже чай заварили, благо в это время печки топились и варилась еда. Танкисты на морозе пьют чай и шутят: «Ну, что пострелята, как вам нравятся эти английские чуда-юда?» Мы молчим, нам в первые в жизни довелось увидеть иностранные тяжелые танки... Но звучит команда, заводят моторы, и колонна трогается. Мы провожаем их до околицы, машем им вслед и гурьбой возвращаемся назад. Еще долго слышится урчание моторов, а в воздухе стоит запах бензина и гари, да снежная пороша.

К концу следующего дня, когда стемнело, в наш учительский городок прибыл взвод солдат, покрытых инеем и хлопьями снега с головы до ног. Большинство солдат были одеты в шинели, задубевшие от мороза, неко-

торые в полушубки, на ногах солдатские ботинки и обмотки, за плечами вещмешки и автоматы. Солдат разместили в домах, женщины растопили печки, нагрели воды, заварили чай. Солдаты молчаливо сняли с себя шинели, размотали примерзшие к портянкам обмотки и растирали заочевеншими ладонями ноги, грели их в тазиках с теплой водой. Наши мамы грустно и жалостливо вздыхали и старались угостить солдат чем-нибудь и напоить чаем. До глубокой ночи при коптилках и свечах, электрического света давно уже не было, продолжалась суeta и разговоры. После полуночи, отогревшись солдат уложили спать и все затихло.

Наутро, после солдатского завтрака – консервов с хлебом и чаем, был объявлен сбор и построение. Молодой командир проверил наличие бойцов, их готовность к походу и, скомандовав «марш», пошел впереди колонны. Прямо по снежной целине в обход деревни. Мы все молча провожали бойцов-сибиряков, кое-кто из женщин осеял их крестным знамением, кто-то тихо плакал. Бойцы поблагодарили женщин за заботу, и, помахав на прощание, один за одним двинулись за командиром. Кто-то из пожилых мужчин-учителей (кого опрашивал командир о лесных дорогах, ближайших деревнях, делая пометки на карте) сказал, что командир не хочет вести бойцов через деревню, чтобы не подвергать мирных жителей, их дома обстрелу или бомбежке.

Позже, в конце декабря, от взрослых мы узнали, что бойцы-сибиряки выбивали немцев из д. Степаново, а другие части сибиряков освобождали г. Яхрому, Рогачев и другие деревни и поселки за Дмитровом. В конце ноября немцы заняли г. Яхрому, где-то 25-26 ноября была слышна сильная орудийная стрельба, стихшая к вечеру. Было очень тревожно, в воздухе пахло гарью и порохом. Несколько раз появлялись немецкие самолеты и сбрасывали бомбы. Накануне занятия немцами Яхромы, мы стали свидетелями подрыва железнодорожного моста через канал. С Целевской горы хорошо был виден и мост, и г. Яхрома. Вероятно, подрыв моста был необходимой мерой для предотвращения прорыва немецких войск по ж/дороге к Туристу и дальше. Но тогда мы думали, что это сделали немцы. Бои в районе г. Яхромы продолжались всю 1-ю неделю декабря, 8 или 9 декабря г. Яхрома был освобожден от фашистов, прекратилась стрельба, и стало тихо. В это же самое время наши танкисты и сибиряки выбили в ночном бою немцев из д. Степаново, где те окопались, зарыв танки в землю, оказали отчаянное сопротивление нашим войскам.

Все мы, взрослые и дети, после стольких тревожных дней и ночей радовались успехам наших войск и с радостью встречали солдат, идущих на пополнение и подкрепление.

Новый 1942 год встречали все вместе, кто-то из родителей принес и поставил небольшую елку, ребятишки повесили елочные игрушки и свечи, и мы расположились вокруг елки, каждому из нас вручили подарки – несколько леденцов и сухариков. Этим подаркам мы были несказанно

рады, ведь последние два месяца мы редко когда были сыты, да и родителям было не до подарков.

Январь и февраль 1942 года были тяжелыми, хотя подвоз хлеба и продуктов был налажен, а выдача проводилась регулярно по карточкам, еды было недостаточно. Но мы не жаловались.

Фронт отодвинулся далеко на запад, не слышно было канонады, немецкие самолеты, если и появлялись, то очень редко, и удирали, как только появлялись наши самолеты – истребители. Жизнь постепенно налаживалась, но очереди за хлебом и продуктами еще продолжали быть. С приходом весны стало немного полегче, мы с родителями выходили несколько раз на колхозные поля, где выкапывали картофель, оставшийся в поле в сентябре.

В конце марта, начало апреля, на ст. Турист стали свозить трофейную немецкую технику, привезли десяток подбитых немецких танков, три или четыре машины с крупнокалиберными пулеметами на вращающихся станинах, зенитные и противотанковые орудия, искореженные мотоциклы и многое другое. Сгорая от любопытства мы, поселковые и деревенские ребята, не один раз посещали этот «склад трофеев», залезали в танки, крутили ручки и штурвалы, интересовались устройством пулеметов, орудий и т.п. Старшие ребята – 12-14 лет, несмотря на запрет родителей, несколько раз ходили в д. Парамоново и, конечно, в д. Степаново, где побывали немцы. Один из таких походов кончился плачевно. В одном из немецких окопов или блиндажей ребята нашли патроны и коробку коротеньких карандашей – зеленого, красного и синего цвета. Придя домой, один из ребят, Колька Смирнов, будущий мой одноклассник, решил заточить один из зеленых карандашей. Его попытки кончились тем, что «карандаш» взорвался в его руке. Это был запал. Взрыв изуродовал правую кисть руки и опалил лицо. Аналогичный случай произошел и с другим моим школьным товарищем, Виктором Овсянниковым. Но самый ужасным был случай с ребятами из Яхромы. Нам о нем рассказали военные, когда делали обходы домов в деревнях по сбору оружия, патронов, снарядов и мин. Так вот, несколько яхромских парнишек нашли несколько противотанковых мин и решили их взорвать, бросив в костер. Сложили мины и подожгли костер, а сами отбежали метров на 20-30 и спрятались в траншее. Ждали долго, но взрыва не было. Тогда один из них встал и пошел к костру выяснить в чем дело, за ним гуськом последовали другие. Прежде чем ребята подошли вплотную к костру произошел взрыв, двое ребят погибли, остальные были ранены и подобраны военными, прибывшими к месту взрыва. После этого происшествия и, вероятно, других аналогичных случаев, родителей строго-настрого предупредили и проинструктировали, запретив ребятам собирать патроны, гранаты и мины. При обнаружении их просили срочно вызывать саперов или милицию.

С фронта приходили вести о тяжелых боях, зверствах фашистов. Почта приносила письма от бойцов-односельчан и похоронки, извещения о

пропавших без вести. В деревнях, почти каждая третья семья получила такие извещения. Я помню фамилии многих отцов моих товарищей, кто погиб или пропал на фронте.

По железной дороге, которую проложили временно вдоль канала, шли поезда со снаряжением, танками, тягачами, машинами и даже самолетами. Вскоре прибыл эшелон строителей-железнодорожников, который стоял на ст. Турист больше года. Строители работали на восстановлении железнодорожного моста и укладке дополнительных запасных путей для товарных составов, идущих то в одном, то в другом направлении.

Наступила весна 1942 года. Мама ездила куда-то за Дмитров, обменивала отцовский костюм на продукты – зерно, пшено, горох, что позволило нам весну и лето продержаться и не умереть с голоду. В начале мая маме пришлось копать огород, сажать картошку и овощи, я принимал участие тоже. Было тяжело, но необходимо. Потом заготавливали на зиму дрова и сушняк, которые можно было собрать в ближайшем овраге.

Где-то в июне-июле в нашем доме поселилась молодая учительница, Васса Александровна Исакова, которая в сентябре стала нашим классным руководителем и педагогом на четыре года, вплоть до окончания войны. Мы первоклассники, а нас было около 30 человек, с первых дней привязались к ней и полюбили ее за спокойный характер, за справедливость, чуткость и обаяние. Она умела найти подход к каждому и даже накормить. Я думаю, эти четыре года начальных классов под ее руководством и заботой о нас не прошли впустую. Она научила нас многому, и главное быть честными, отзывчивыми и помогать товарищам и взрослым. Мы учились писать, читать, рисовать, играть в разные игры, собирать гербарии, ходить в походы, петь песни и участвовать в различных школьных мероприятиях: готовить подарки бойцам, собирать металлолом, украшать школу, помогать колхозам в уборке урожая и многое другое. Позже, в 1945 году, всем классом ходили возлагать цветы к памятнику погибших бойцов, сажали деревья и кустарники. Май 1945 года запомнился на всю жизнь, по радио передавали сообщение об окончании войны, о падении Берлина и капитуляции Германии. На улицах царил ликование, люди обнимались и плакали, всюду развевались флаги. Офицеров и солдат, а их в поселке было не так много, обнимали и качали. Это были радостные и незабываемые минуты. К этому следует добавить и другое – из армии стали возвращаться демобилизованные солдаты и офицеры. В конце 1944 года вернулись и учителя – ополченцы, в том числе и отец. Многие из них имели ранения, контузии и, конечно, боевые награды.

В старших классах мне и моим друзьям довелось учиться у учителей-фронтовиков истории, физике, математике и другим предметам, но это

было позже, в мирные годы, когда страна залечивала раны. Следует сказать, что уже в 1943 году, в разгар войны, детей со слабым здоровьем и легочными заболеваниями направляли в лесной лагерь, который работал в пос. Деденево с декабря по апрель месяц. В числе этих ребят было и несколько моих друзей, которые, благодаря лагерю и питанию, выздоровели.

Поляков Владимир Васильевич

Родился в 1935 г.

В МФТИ с 1962 г.

Ст. преподаватель и тренер кафедры физвоспитания и спорта

Когда началась Великая Отечественная война, мне было почти 6 лет. Но все помню очень отчетливо, как будто это было вчера. Может быть потому, что память у человека своеобразна: то, что было в раннем детстве помнишь лучше, чем то, что было недавно.

Жили мы тогда на Октябрьском поле за метро «Сокол» (сейчас Ходынское поле) в доме типа барака, там несколько двухэтажных домов стояли рядом. Жил я в этом доме до 1959 года. Когда начались налеты немецких самолетов на Москву в 1941 году, одна бомба попала в рядом стоящий дом и полностью его

разрушила, многие люди погибли. Позже вражеские самолеты не долетали до Москвы, их сбивали. Но когда объявлялись тревоги мы, старшие дети, сами спускались в бомбоубежище, маленьких же сестер на руках вносили родители.

Хорошо помню, как мы с мамой и сестрой ходили осенью на колхозное поле, что находилось недалеко от дома, перекапывали землю и собирали оставшуюся в ней мелкую картошку. Неожиданно вдруг появлялся немецкий самолет и расстреливал из пулемета женщин и детей, находящихся в поле...

Недалеко от нашего дома была роща, там стояла воинская часть, брошевики, их было много. Однажды я принес полные карманы полупальто денег. Когда мама узнала, что брал деньги у бойцов, то мне сильно попало. Мама сказала: «Им деньги нужны для папирос, а ты у них попрошайничаешь». Это был для меня урок на всю жизнь. Я сейчас лучше отдам, чем попрошу.

В этой роще (сейчас ул. Маршала Бирюзова) запускали аэростаты для заграждения от немецких самолетов. Здесь мы просили резинки и делали из них рогатки, нельзя забывать что нам было всего-то 6-8 лет.

Помню, что мама каждую ночь дежурила на чердаке дома. Там стояли бочки с водой, горка песка рядом и большие щипцы. Немцы много сбрасывали зажигательных бомб. Они были маленькие и сильно горели. Их брали щипцами, клали в воду и песок. Мама получила медаль «За оборону Москвы».

Папа ходил в военной одежде, с ружьем. Когда ночевал дома, ружье

ставил в угол, патроны прятал, т.к. знал, что я иногда брал ружье в руки. Папа никогда не спускался в бомбоубежище и спал в доме, он охранял метрополитен от «Сокола» до «Парка культуры»...

А есть всегда хотелось... Сейчас вспоминаю, как мама отдавала свой кусочек хлеба нам, детям. Старший брат ушел на фронт, он ушел готовить самолеты к вылетам, часто прилетал в Москву за новыми самолетами и брал их недалеко от дома. Авиационный завод находился между «Аэропортом» и «Динамо», средний брат Саша с 13-ти лет работал на этом заводе, часто ночевал там, а когда приходил домой, приносил то картофелину, то котлетку, сам недоедал, но приносил. Сейчас Александр Васильевич Поляков – адмирал, профессор, доктор исторических наук, работает в университете им. Шевченко в Киеве. Всю жизнь отдал флоту...

Трухан Эдуард Михайлович

Родился в 1935 году.

В МФТИ с 1962 года.

Профессор, заведующий кафедрой биофизики и экологии.

С родителями мне повезло. Мать, Мария Сергеевна (в девичестве Пахомова) уроженка города Таганрога. «Спортсменка, комсомолка и просто красивая женщина» – это про неё. Отец, Михаил Маркович, родом из Запорожья, будучи студентом Харьковского авиационного института, познакомился с ней во время производственной практики на таганрогском авиационном заводе. После окончания института он распределился в Таганрог, где я и родился в 1935 году. Сколько себя помню, в семье царил культ порядочности, справедливости и трудолюбия. Отец был способным инженером – са-

молётостроителем, и был востребован страной, в те годы энергично создававшей авиационную промышленность. В семейном архиве хранится старая заводская многотиражка, в которой пишется о том, как молодой инженер коммунист М.М. Трухан, прибывший на завод, вместо предложенной ему должности начальника цеха, попросил направить его мастером самого отстающего участка и быстро вывел его в передовые. А уже через год стал техническим директором завода. Помню, как после очередной командировки в Москву, отец получил предложение работать в главке авиационной промышленности и привёз ордер на квартиру на улице Горького в доме, где сейчас спортивный магазин «Динамо». Мать категорически отказалась уезжать из родного города, и отцу пришлось отказаться от почётного предложения, ссылаясь на семейные обстоятельства. Так этот ордер и пролежал в папке у отца как реликвия почти полвека. Но всё же семье пришлось в 1940 году переехать в Ленинград, там срочно понадобились специалисты с квалификацией отца. Однако сырая осень и зябкая зима Ленинграда оказались невыносимыми выходцам из юга. И я, и полугодовалая сестра, и сам отец постоянно болели, и к весне 1941 года отца перевели в Москву, точнее, в Химки. Здесь нас и застала война.

Мне было пять с половиной лет и многие эпизоды этого периода я хорошо помню. Помню первый день войны, тревогу и растерянность. Помню длинную вереницу танкеток с солдатами, уходящих на фронт по Ленинградскому шоссе мимо нашего дома, и мы, мальчишки, толпились около них, стараясь дотянуться до боевых машин и потрогать руками их горячий металл. Помню первый налёт немцев на Москву 22 июля, тучу са-

молётов, летевших к городу. Захлопали две зенитки, стоявшие на пустыре у дома, и нас, детей, срочно спустили в бомбоубежище. А утром мы со старшими ребятами лазали по крыше и собирали осколки от снарядов. Я всерьёз считал, что взрослые неправильно называют зенитки «зенитками», и их надо называть «звентиками», так как после их выстрела сильно звенит в ушах.

Отец всегда много работал и поздно приходил домой. Но в этот период я его почти совсем не видел. К осени обстановка в городе стала совсем тревожной. Помню какие-то слухи о разбоях и грабежах в Москве. Все ночи семья (за исключением отца) проводила в бомбоубежище. Однажды утром мы обнаружили, что рожь на поле напротив нашего дома как-то странно помята, и кто-то сказал, что ночью туда приземлился десяток немецких парашютистов, но их изловили. Не знаю, правда ли это, но это усилило общую тревогу. Сосед посоветовал маме уехать с детьми и дал адрес своих родственников в Перми (тогда Молотове). Разговора между родителями на эту тему я не слышал, но, видимо, отец это одобрил, и в октябре месяце мы (мама, бабушка, полуторагодовалая сестра и я), уехали в Пермь. Поездку на поезде до Перми помню плохо, однако приезд туда отчётливо запомнился несколькими яркими эпизодами. Поезд пришёл в конце короткого осеннего дня. Вышли на привокзальную площадь. Темно, идёт октябрьский дождь. Площадь быстро опустела. Никакого транспорта, куда идти или ехать!? Адрес записан на бумажке, но спросить, где это, не у кого. Наконец откуда-то из темноты появляется извозчик. Рожа — типичного разбойника из страшных сказок. «Куды надо?» Мама что-то объясняет. Он точно не знает, но согласен подвести в нужном направлении. И вот мы снова одни в темноте под дождем, на каком-то пустыре. Бабушка пошла, искать людей, мы жмёмся к матери. Наконец, бабушка выходит из темноты с молодыми ребятами, вероятно, ремесленниками. Расспрашиваем их про нужный нам адрес. Они не знают, но вдруг предлагают нам просушиться и переночевать у них в общежитии. Неожиданно, но очень кстати. Они ведут нас в общежитие, объясняют своим друзьям ситуацию. Те быстро куда-то переселяются, освобождают нам небольшую комнату, дают одеяла, поят нас горячим чаем и с недетской деликатностью удаляются, оставляя нас одних. С тех пор прошло более шести десятков лет, а я с неизменной теплотой вспоминаю этих чудесных рабочих ребят, оказавших нам столь своевременную и бескорыстную помощь. Таких теперь уже, похоже, не делают.

Утром ребята сообща выясняют вопрос с нашим адресом. Оказывается, это совсем недалеко, и с их помощью мы быстро находим нужный дом. Это типичная рубленая деревенская изба с несколькими маленькими комнатами. Хозяйка, естественно, нас не ждала, но, прочитав письмо от родственника, привезенное матерью, не высказала никакого недовольства и отвела нам единственную свободную комнату. Остальные комна-

ты были заняты семьёй хозяйки и ещё какими-то жильцами. Почти все обитатели дома работали. С продуктами уже были проблемы, за хлебом и молоком стояли дикие очереди. Мама с сестрёнкой на руках уходила с утра в поисках пропитания. Бабушка устроилась работать в совхоз, там и жила, но периодически приезжала и привозила продукты, полученные на свои «трудодни». Это нас и спасало. Я оставался в доме один, иногда с маленькой соседской девочкой, когда её матери нужно было отлучиться. Как раз в это время мне исполнилось шесть лет. Свет часто отключали, а оставаться в тёмном доме, полном мышей и крыс, было страшно. Иногда я не выдерживал, открывал дверь на улицу и плакал наружу, чтобы хоть кто-нибудь услышал. А ночью мыши нагло бегали по стенам и прыгали на кровать. У соседской девочки крыса обгрызла носик и кончики пальцев на руках...

Однажды зимней ночью к нам в окно постучал и заглянул ...отец! Страшно худой и заросший. Как потом вспоминала мама, её обожгла мысль: сдали Москву! Оказалось, завод, где работал отец, эвакуировался в Новосибирск, и эшелон сделал остановку в Перми. Конечно, отец, свободный от семейных забот, целиком отдавался заводским делам, а эвакуация авиационного завода с сохранением станочно-инструментального хозяйства – дело нешуточное. Потому он так высох. Используя благоприятный случай, отец решил забрать нас с собой. Но бабушка в это время была в совхозе, и мама, конечно, не могла её оставить. Отец сразу же уехал. Но через месяц он приехал ещё раз уже из Новосибирска специально за нами. Эту поездку в переполненной теплушке с нарами я помню хорошо. Взрослые по очереди на остановках, рискуя своей свободой, а то и жизнью, приворачивали под носом у часовых уголь из вагонов, идущих с Кузбасса в центр страны. Теплушку надо было отапливать. Однажды бабушку всё же поймали. Это было страшно, законы военного времени суровы, и мы могли её потерять совсем. Но часовой пожалел её, правда, отобрал ведро из-под угля. По тем временам это тоже была большая потеря. Дорога заняла неделю, и вот в начале 1942 года мы оказались в Сибири.

Первое время, а именно зиму сорок второго года, мы жили в бараке, специально построенном для семей эвакуированных работников завода. Было холодно и голодно. Барак, наспех построенный из сырых досок, продувался насквозь. А сквозь щели между комнатами соседи могли свободно общаться друг с другом. Удобства, разумеется, на улице. Периодически приезжал трактор с волокушей и увозил содержимое выгребной ямы. Для нас, мальчишек, это был праздник: на волокуше можно было прокатиться... Были проблемы с едой, постоянно хотелось есть. Однажды в бараке появился мужик с мешком мяса, предлагавший его по дешевке. Но что-то насторожило женщин, и продавец поспешил удалиться. Как потом выяснилось, не зря: мясо оказалось человеческим...

Где-то к лету сорок второго мы перебрались в новый большой дом, предназначенный в основном для инженерно-технических работников завода (ИТР). Здесь же жило много семей фронтовиков, с детьми которых я впоследствии был близко дружен. В этом же доме жил и главный авиаконструктор всемирно известный А.С. Яковлев.

Завод имени Чкалова (ЗИЧ) № 153 располагался в пригороде Новосибирска у станции Малая Ельцовка. В тот период он выпускал красавцы истребители «Яки»: вначале самый лёгкий в мире боевой самолёт Як-3 («русс фанер», как называли его немцы), позже великолепный Як-9, самолёт безупречных форм и выдающихся боевых качеств. Вместе с истребителями Лавочкина Ла-5 и Ла-7, Яки составляли основу истребительной авиации Красной Армии. Отец вначале был начальником сборочного цеха, а затем начальником ЛИСа (лётно-испытательной станции), т. е., попросту, испытательного аэродрома. Аэродром находился рядом с нашим новым домом, и вся последующая часть моего военного детства проходила под песни авиационных моторов и дробь пристреливаемых авиационных пушек. Поверьте, для мальчишки это сладкие звуки.

Близость авиационного завода и особенно аэродрома оказывала на нас, мальчишек, самое непосредственное и романтическое воздействие: конечно, все мечтали стать лётчиками, и я не был исключением. Однажды эта близость аэродрома сыграла со мной злую шутку. Мне было лет восемь или девять, когда я с такими же, как я малолетками пролез под колючей проволокой на лётное поле. По безграничной детской дурости, утоляя своё жгучее любопытство, я выскочил на взлётную полосу и оказался прямо перед самолётом, идущим на взлёт. Лётчик успел затормозить и отвернуть в сторону. Можно только догадываться, какие выражения он адресовал часовому, который тут же появился из укрытия. Придя в себя после секундного замешательства, я рванул за пределы лётного поля так энергично, что не заметил, как перелетел через колючую проволоку. Я откровенно боялся получить пулю в спину. Бедный часовой, ему наверно сильно попало. Впрочем немного позже у меня появилась возможность законно посещать лётное поле, правда только со взрослыми: многим работникам завода выделили участки под огороды на поле вокруг взлётной полосы. Почва была лёгкая песчаная, и картошка росла прекрасно, хотя из экономии сажали не семена, а картофельные очистки. Меня долго удивляло, как это из ничего вырастает крупная и вкусная картошка.

Детские игры во дворе отражали тогдашнюю настоящую жизнь. Помимо популярных тогда лапты, штандера и футбола с тряпичным мячом или пустой консервной банкой, все игры были связаны с войной. Малыши «летали» по двору, расставив руки – крылья, преследуя и сбивая противника, а ребята постарше группировались в «армии» со своими отрядами, командирами, разведчиками и штабами, укрытыми где-то в подвале дома или в специально вырытой и оборудованной землянке. Впрочем,

иногда эти игры перерастали в серьезные настоящие противостояния. Наш дом был единственным в округе благоустроенным каменным домом со всеми удобствами. Он был окружён с одной стороны двухэтажными «каркасными» домами (с насыпным шлаком в качестве теплоизолятора) и с другой стороны – типичными для Сибири двухэтажными «брусчатыми» домами (из деревянного бруса). В этих домах жили семьи рабочих завода. Разделение в игре на «своих» и «чужих» по этому коммунальному признаку было вполне естественно, но оно усугублялось ещё и социальным фактором. Ребята оттуда относились к нам недоброжелательно и почему-то называли нас евреями. Я не помню серьёзных кровавых драк, но иногда отношения обострялись, и тогда, чтобы не испытывать судьбу, мы старались в одиночку от нашего двора не удаляться.

Но в другие периоды наши «противники» были нормальными хорошими ребятами, и общение с ними не создавало никаких проблем. Среди моих сверстников было много таких ребят, с двумя из них, Володи́ей Павельевым и Колей Артюховым, у меня были близкие дружеские отношения. Оба – из так называемых «неблагополучных» семей. Хулиганистые и вечно голодные, они при всём желании не могли сосредоточиться на учёбе. А желание было. Я помогал им, как мог, занимался с ними, часто – у нас дома, и тогда мама обязательно их кормила. Ребята были способные и быстро всё схватывали, если помочь им сосредоточиться. Мне кажется, они искренне ценили и мою помощь, и мамины обеды. Но в основном они питались жмыхами, которые можно было недорого купить на рынке. Деньги они добывали в широко распространённых тогда дворовых монетных играх в «расшибец» и «пристенок». Необходимость этого постоянного дохода сделала их профессионалами.

Преступность в тот период была ощутимой. До нас то и дело доходили слухи о воровстве, грабежах, убийствах, ходили легенды о «чёрной кошке».

Недалеко от дома, за высоченным забором с колючей проволокой, находился лагерь заключённых «Сиблаг». «Зеков» водили на работу и обратно по дороге мимо нашего дома. На работу они шли рано, когда мы ещё спали, а вот их возвращение проходило на наших глазах. Мы видели в них только «зеков» и, стоя на обочине дороги, с опаской смотрели на, как нам казалось, опасных преступников. Это мнение укреплялось их убогим видом и хмурыми взглядами, а также солидным конвоем с автоматами и свирепыми овчарками. Лишь значительно позже я узнал, что это представление глубоко ошибочно, и среди заключённых много, если не большинство, невинно пострадавших порядочных людей.

В первый класс я пошёл в сорок третьем. Первоклашкам в школе полагалось молоко. На большой перемене учительница приносила в класс полное ведро соевого молока. Почему-то многим оно не нравилось, и они отказывались от него. Мне же оно казалось вкусным, и я пил его с удо-

вольствием, но больше полулитра в меня не влезало. В отличие от меня, другой любитель молока, Котегин (имени, к сожалению, не помню), мог выпить пол ведра, и на это удивительное явление приходили посмотреть даже ребята из других классов.

В школе был очень суровый учитель физкультуры, он же и военрук. Общение с ним оставило у меня тяжёлые чувства. Рядом со школой находился большой овраг. Зимой в лыжный сезон он устраивал уроки-соревнования. Лыжная трасса начиналась на краю оврага и сразу спускалась круто вниз, чтобы через десяток метров также круто взобраться вверх по другому склону оврага. И спуск, и особенно подъём создавали серьёзные сложности, но малодушничать и останавливаться было совершенно невозможно: грубые, оскорбительные окрики и поднятые вверх кулаки физрук исключали всякую альтернативу. Бедные ученики падали, карабкались вверх и снова падали, задыхаясь от обиды и бессилия. Конечно, военное время требовало воспитания мужества у подрастающего поколения, но, мне кажется, физрук понимал это слишком прямолинейно.

В сорок четвёртом году госпиталь, расположенный в соседнем школьном здании, рядом с нашим домом сократился, и на двух освободившихся этажах открылась новая начальная школа. Естественно, меня перевели в эту школу. Близость школы от дома играла важную роль. Не нужно было спешить в неё утром и после уроков можно задержаться, зная, что дом рядом, и в любой момент я могу туда вернуться. Я часто оставался в школе, занимался с отстающими, помогал в уборке класса, в ремонте мебели, был участником художественной самодеятельности, школа стала привлекательной жизненной территорией. Через год госпиталь закрыли совсем, и школа заняла все четыре этажа. Разбирая мусор и инвентарь, оставшийся после ликвидации госпиталя, мы обнаружили много плакатов с изображением различных видов оружия и прекрасный макет пулемёта «Максим», все детали которого были сделаны из дерева, но точно соответствовали настоящим. Вероятно, у выздоравливающих раненых были занятия по повышению квалификации. Эти находки мы с удовольствием реквизировали. Плакаты развесили на стенах нашего штаба в подвале дома, и они оказались очень полезны, а пулемёт долго служил нам в наших военных играх и был предметом зависти у наших соперников.

Мы увлечённо играли в военные игры, и все мечтали попасть на фронт или хотя бы в партизаны. А фронт был рядом, за заводской проходной. Адское трудовое напряжение, царившее на нашем заводе, выпускавшем важнейшую боевую технику, можно было сравнить только с настоящей фронтовой обстановкой. Я видел, каким измождённым, но с горящими от возбуждения глазами, поздно вечером приходил отец домой и рано утром исчезал снова. Однажды зимой он пришёл особенно возбуждённым и, улыбаясь, сказал маме: «Представляешь? Сорок два!» Это означало, что за сегодняшний день они выпустили для фронта 42 истреби-

теля. И, откинувшись на спинку дивана, тут же заснул. А я хорошо представил себе, как «Яки» один за другим, разрубая винтом снежные сугробы, выруливают на взлётную полосу и при свете прожекторов уходят в испытательный полет в холодное звёздное небо (Сибирь, однако!). В таком же напряжении жили все знакомые мне работники завода. И всё-таки бойцы этого трудового фронта хотели большего, многие рвались на настоящий фронт. О подобном же желании часто говорил отец, но его не отпускали. Но однажды, когда подвернулся подходящий случай, отец решил рискнуть. В городе формировалась одна из сибирских дивизий, и отец записался добровольцем. Вечером он пришёл раньше обычного, мама, видимо, уже была в курсе дела и быстро собрала ему вещи и продукты. Закинув за плечи рюкзачок и попрощавшись с нами, отец «ушёл на фронт». Все мы всплакнули, но действиями отца были горды. А наутро отца вернули почти под конвоем. «Броня», которая была у него как классного специалиста, оказалась двухсторонней: она защищала его от призыва на фронт, но она же не позволяла ему направляться туда добровольно. После этого случая у отца, как я слышал из домашних разговоров, были сложности по партийной линии. Такое перенапряжение сказалось потом. Отец и оба его брата умерли рано, едва дотянув до пенсии. А ведь они были из рода долгожителей.

Вообще, надо сказать, патриотические настроения тружеников тыла были в тот период очень сильны. Несмотря на невысокий материальный достаток, люди отдавали в помощь фронту и вещи, и продукты, и деньги. Большое распространение имели денежные взносы на создание военной техники, в наших условиях, конечно, на строительство самолётов. Себестоимость одного истребителя была около ста тысяч рублей. Хорошо помню кадры кинохроники, где колхозник Головатый передаёт лётчику, если не ошибаюсь, Покрышеву, выкупленный лично им Як-9. Вот передо мной старый номер заводской многотиражки «Чкаловец» за 21 января 1943 года. В ней рассказывается, как тов. Туржанский (в ту пору начальник ЛИСа) внес из своих личных сбережений 10 тысяч рублей на строительство эскадрильи «Чкаловец», и, следуя его примеру, лётчики Пашкевич (наш сосед), Терёхин внесли по 3000, Хруслов – 2500 рублей. По 20-30 тысяч рублей собирали в цехах тов. Купченко, Туманова, Малышева, Мазанова, Гладких и других. Даже сотрудники детских яслей № 37 собрали 8330 рублей. И здесь же маленькая заметка, в которой сообщается, что (цитирую дословно):

«В редакцию местного радиовещания поступило письмо от семилетнего Эдика Трухана, в котором юный патриот сообщает, что сбережённые им деньги в сумме 1008 рублей он внёс в Сталинский фонд обороны на строительство самолёта «Дошкольник». Эдик заявляет, что он и впредь будет копить деньги и передавать их на укрепление боевой мощи Красной Армии».

Здесь, конечно сильно приукрашено. Никакого письма я не писал и ничего подобного не говорил, но факт моего взноса действительно имел место. Я честно заработал эти деньги, показывая своим сверстникам диафильмы. У нас дома был диапроектор и большой набор замечательных детских диафильмов, и я, желая доставить друзьям удовольствие, стал их приглашать на просмотры фильмов. Читал я уже хорошо, и показ я сопровождал чтением подписей под кадрами. А фильмы были прекрасные: «Али-баба и сорок разбойников», «Багдадский вор», «Волшебная лампа Алладина», «Кот – скоряк», «Четыре старушки», «Три поросёнка», что-то про братца кролика и братца лиса, словом добрые старые сказки. Это всем нравилось и быстро превратилось в регулярное мероприятие. Но однажды кто-то в шутку сказал о билетах, дескать, так было бы ещё интереснее. А за билеты можно было бы и платить... И тут кто-то подсказал идею, действительно установить плату, а деньги сдать в фонд обороны. Родители зрителей, узнав об этой идее, не только поддерживали её, но стали и сами приходить на сеансы и приносить приличные суммы. Через некоторое время уже можно было делать солидный взнос. И уже в последний момент в сберкассе мама выгребла из своего кошелька всё, что у неё было, и с этой добавкой возникла такая некруглая, но приличная сумма. Так я вошёл в историю как юный патриот...

Дом наш был большой – 80 квартир, но общение жильцов было достаточно тесным, не таким как сейчас, и практически все знали друг друга. О возвращении фронтовиков домой, после ранения или контузии, о получении похоронки и, тем более, о гибели кого-то из жильцов быстро узнавали все. А к сожалению, люди гибли. Это лётчики – испытатели. Испытание машин, сходящих с конвейера, работающего в ускоренном военном режиме, дело необходимое, но опасное. Даже после обкатки на земле, испытание самолета в воздухе – неизбежный риск. И лётчик-испытатель подставляет себя опасности вместо лётчика – фронтовика, принимая на себя все последствия дефектов комплектующих деталей и ошибок сборки. Каждый раз после трагедии, когда взрослые занимались похоронами погибшего, детей собирали вместе и, оберегая их психику от тяжёлых испытаний, поручали их опеку кому-то из взрослых. Я помню эти тягостные дни и вечера, когда мы, притихшие и придавленные общими переживаниями, сидели вместе и слушали, как кто-то из взрослых читал нам книжку или рассказывал что-то интересное, стараясь отвлечь от главного события. Но отвлечь полностью не удавалось, Цепкая детская память до сих пор удерживает фамилии некоторых из погибших: Коростылёв, Старощук, Попельнюшенко... Светлая им память!

Отдельно нужно сказать о детях фронтовиков и погибших на фронте. Их было много среди нас, и я был близок со многими из них. Не слишком жизнерадостные и, как правило, худые. Я, достаточно упитанный, легко валил их одной рукой во время наших дворовых схваток. Но было

в них что-то, что уже тогда в раннем детстве вызывало к ним уважение. Они были мужчинами, иногда старшими в своей семье. И это проявлялось во многом. Недетская серьёзность и озабоченность чем-то, что недоступно нам, детям из полных семей. Ответственность и обязательность, которой нам ещё предстояло научиться. Тесное общение с ними передавало отчасти эти качества и нам. В отличие от современных детей, лишённых отцов по другим причинам, они гордились своими отцами и, вероятно, это придавало им силы. И только теперь, размышляя о том периоде, я начинаю понимать, какие тяжёлые испытания выпали их матерям. Молодые женщины, лишённые своих мужей на годы войны, а многие и на всю оставшуюся жизнь, они работали, кормили и воспитывали детей, получая взамен лишь иногда их любовь и признательность. Низкий им поклон.

Завод иногда помогал многодетным семьям. Помню, как-то осенью заводская трехтонка привезла полный кузов белокачанной капусты для многодетной семьи, жившей на первом этаже в нашем подъезде. Все ребята прибежали помогать разгружать машину. Выстроили конвейер и быстро и весело переправили капусту по назначению, завалив ею полностью полупустую комнату. И не очень задумывались над тем, что эта капуста – единственный гарантированный продукт для этой семьи до следующего года.

Хочу назвать имена своих дорогих друзей того далёкого времени. Помимо уже упомянутых раньше это Миша Воскобойников, Валя Петров, Сергей Синельчиков, Валя Серенков, Борис Шутов, Радик Пашкевич. Где они теперь, как сложилась их судьба?!

Мне почему-то глубоко врезалось в память одно весеннее утро сорокового года. Было воскресенье, все были дома. Я лежал в кровати, через открытую дверь балкона в комнату заглядывало ласковое утреннее солнце, и залетал свежий ветерок, а от стоящего рядом дерева, усыпанного воробьями, доносилось их звонкое щебетание. Меня, четырёхлетнего мальчика, охватило ощущение безграничного счастья: впереди был не только воскресный день с папой и мамой, но и вся казавшаяся бесконечной предстоящая счастливая жизнь. Это было в Таганроге, незадолго до войны. Разве я мог представить себе, что вскоре по этому прекрасному городу дважды прокатится тяжёлый каток войны.

Не помню почему, но известие о победе пришло к нам рано утром. Переполненный радостью, я наспех оделся и выскочил из дома. Двор был пуст. Ликование народных масс и многолюдный митинг у проходной завода возникли позже. Я прислонился спиной к стене дома, поставил лицо утреннему солнцу и отдался тихой радости. Из памяти всплыло то довоенное утро в Таганроге. Эти дни разделяло несколько лет, а для меня это казалось целой эпохой. Но, как и тогда, мною вновь овладело ощущение счастья от предстоящей мирной и всё ещё бесконечной предстоящей жизни.

Заканчивая изложение своих воспоминаний об отдельных эпизодах военного периода детства, мне хотелось бы сделать небольшое обобщение. Конечно, здесь рассказано лишь о малой части того, что я хорошо помню. Но даже вместе с неописанными все воспоминания составляют только малую надводную часть того айсберга, который представляет из себя настоящая жизнь человека. Основная, подводная его часть это повседневные будничные события, которые память не фиксирует, но которые на самом деле оказывают большое влияние на становление молодого человека. Именно они постепенно формируют характер и пристрастия человека, воспитывают в нём конкретное содержание понятий «нужно!» и «нельзя!». Говоря о периоде военных лет, не нужно забывать и тесно примыкающие к ним предвоенные годы, которые во многих отношениях уже напрягали общество и оказывали свое воздействие. Это тем более справедливо по отношению к послевоенным годам, полным лишений и трудового напряжения, иногда мало чем, уступающего военному периоду. В целом этот период составляет десятилетие. Люди, чьё детство, отрочество и юность пришлись на эти годы – это особое поколение. Трудности и лишения, необходимость выживать самому и помогать стране объективно заложили в этом поколении особый потенциал трудолюбия, терпимости и патриотизма. Надо добавить к этому, что страна смогла обеспечить ему хорошее образование. В значительной степени именно усилиями этого поколения, после разрушительной войны, страна достигла своего могущества в шестидесятые годы. Такое повторится нескоро.

Много лет спустя, к сороковой годовщине Дня Победы, я попытался выразить своё отношение к участникам войны в стихотворении «Тем, кому за сорок». Отдавая дань памяти погибших и живых участников боевых действий, к которым я испытываю искреннее уважение, я расширил традиционную постановку проблемы, обратив внимание не только на бывших фронтовиков, живущих среди нас и не всегда замечаемых, но и на тружеников тыла, объединив их понятием «свидетелей войны». В итоге я обнаружил, что и сам имею отношение к этой уважаемой категории граждан страны. Предлагаю читателям это стихотворение.

Тем, кому за сорок.

В электричке подмосковной,
Как сложилось с давних пор,
Под колёсный стук проворный
Шёл обычный разговор.

Там народные приметы
Обсуждают по весне,
Там старушка что-то, где-то
Усмотрела в вещем сне.

Там юнцы, прижавшись туго,
Подперев косяк плечом,
И, не слушая друг друга,
Громко спорят ни о чём.

Здесь в углу, к окну прижатый,
Подперев щеку рукой,
Дремлет дед, и рот щербатый
Шепчет что-то про покой.

На скамье напротив деда
Молодой сидит народ,
Оживлённую беседу
Громким голосом ведет.

Аспирант и два студента,
– Их условно назовём, –
До какого-то момента
Разговор ведут втроем.

«Хартри-Фок, спиноры, вектор,
Столько вкладываешь сил!
Доплер, матрица, рефлектор.
Шеф в Европу укатил!»

Средь простой житейской речи
Их учёный лексикон
Был, конечно же, замечен,
– Постепенно смолк вагон.

Аспирант расправил плечи,
Глаз скосил туда, сюда,
Увеличил громкость речи:
«Да, Европа это да!

Я вот скоро защищаюсь,
Шеф доволен мной вполне.
И тогда уж покатаюсь,
По Европе, по стране!

Мир увидеть хорошо бы,
Подучится кой-чему,
К мировой культуре, чтобы
Прикоснуться самому!

А то часто, как бывает-
Заберётся в угол свой,
Ни о чём другом не знает,
На работу и домой!

«Вот, небось – кивнул на деда, –
Знать не знает ничего,
Нет проблем у домоседа,
Что Европа для него!?»

«Был в Европе я, ребята!»
Проскрипел вдруг дед баском
«В сорок пятом, с автоматом,
Где на танке, где ползком.»

И, с трудом поднявшись с места,
Враз закончил разговор.
Без эмоций и без жеста,
Словно вынес приговор!

И, кляня свою ошибку,
Взор потупил аспирант,
Скупно выдавил улыбку,
Мол, неожиданный вариант!

А такой ли уж неожиданный —
Мне подумалось в тот миг, —
Вариант ничуть не странный.
Этот старый фронтовик.

Обведи спокойным взглядом
Тех людей, что здесь сидят,
Ты поймешь: с тобою рядом
Ветеран, вдова, солдат...

Среди них бойцы лихие,
Что за жизнь, а не за страх,
Пол-Европы, пол-России
Пропахали на локтях!

Да и все, кому за сорок,
Все свидетели войны,
Хоть не каждый нюхал порох,
Все войной опалены!

Присмотрись-ка к ним с вниманьем:
Много ль женщин без морщин?
Приглядишься к сединам ранним,
Что сверкают у мужчин.

Сколько их, войны отметин?!
Сколько их, незримых ран?!

Просто в буднях не заметен
Инвалид и ветеран.

До сих пор мы счесть не можем
Все потери на войне,
Может та старушка тоже
Сына ищет в «вещем сне»?!

Ах, как сладок День Победы!
Но, как горек тризны час!
Сколько Вас, отцы и деды,
Нет сегодня среди нас?!

Нет! Не может всё бесследно
Утонуть в потоке лет!
Благодарно в День Победный
Вспомним Вас, отец и дед!

Шабунин Михаил Иванович

Родился в 1931 году.

В МФТИ с 1957 года.

*Профессор кафедры
высшей математики.*

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 10 лет. Мы жили в деревне Заозерье, расположенной недалеко от красивого озера Шейпо в Тверской области. В 1936 году умер мой отец и на долю моей мамы выпала нелегкая судьба. Нужно было вырастить двоих детей (сестра старше меня на два года).

В середине октября 1941 г. мы оказались на оккупированной территории. Хорошо помню первое появление немцев в нашей деревне. Они прибыли на открытой легковой машине. Один из офицеров на

русском языке обратился к жителям деревни с просьбой принести молоко и яйца и расплатился марками. Спустя несколько дней после этого визита, в деревне стали часто появляться подводы с немецкими солдатами, которые грабили жителей деревни, резали скот, расстреливали кур. Этот продолжалось до середины декабря 1941 г., когда наши войска перешли в наступление.

Отступая, немцы сожгли до тла нашу деревню, в которой было около 50 домов. Не поленились сжечь и скирду необмолоченного хлеба, стоявшую вдали от деревни. До сих пор перед глазами зарево пожара в морозную ночь. Было светло, как днем. Оставшись без имущества и средств к существованию, мы перебрались в город Тверь (Калинин), где в большой тесноте прожили несколько лет.

Военные годы остались в памяти как трудное, голодное время, когда все усилия были направлены на то, что бы выжить. Взаимовыручка, коллективизм, вера в нашу победу – все это помогало преодолевать трудности и лишения, выпавшие на долю моего поколения. Мы с сестрой много трудились, обрабатывали большой участок земли, чтобы на нем вырастить овощи. Летом 1943 и 1944 г.г. нас отправляли в летние лагеря, где мы в течение месяца работали на прополке овощей и заготовке сена. Это был наш трудовой фронт.

Несмотря на все трудности, наше государство делало все, чтобы мы могли получить образование. В 1948 г., без потери года (был пе-

рерыв в учебе с октября 1941 по январь 1942 г.), я закончил среднюю школу с золотой медалью и стал студентом Московского Государственного университета.

Послесловие.

Мы надеемся, что наши воспоминания помогут представить героическую Отечественную войну 1941-45 гг. и понять истоки Великой Победы над врагом.

Они лишь небольшая часть того, что запомнилось каждому из нас через шестьдесят лет после Победы. Наша жизнь прожита не зря, и небольшой ее остаток можно использовать для продолжения благородного дела передачи правды об Отечественной войне.

Мы будем рады, если наши дети и внуки и все, читающие книгу, когда-нибудь скажут: мы их видели, сами слышали выступления ветеранов Великой Отечественной войны, читали их воспоминания, они говорили правду.

Хочется обратиться к нашим товарищам и коллегам, которые чуть-чуть моложе нас и являются последними свидетелями войны. Они помнят многое и еще могут долго рассказывать о войне, когда уже уйдут из жизни ее ветераны.

Аверина Л.В., Артамонова Н.Д., Белкина К.С., Бирюков П.П., Блохина Н.М., Болдинова М.П., Владимиров В.С., Грачева З.И., Дементьева Л.А., Емельянов В.В., Емельянова Е.Д., Зубков С.Л., Кизель В.А., Корчагина В.Г., Кривенков Ю.П., Кудинова З.А., Лахтин Н.А., Лидский В.Б., Лифанова А.Т., Лузин И.Н., Минкин Е.А., Митюшин Н.А., Миронов А.М., Никольский С.М., Попов И.А., Свиридова Л.П., Синеокая М.В., Суворова К.М., Тиваньян В.Ф., Трушечкина Г.Я., Цирлин А.И.

Благодарим за оказанную помощь:

Блохину Н.М., Кулигина Л. Е.(студент), Рудакову М.В., Роменскую М.В., Тарасова Ю.А.(студент), Уварова А.В.(студент), Чавельча П.В.

За плечами автора и организатора проекта, доцента, кандидата философских наук Емельянова В.В. шестидесятилетний трудовой и пятидесятилетний вузовский стаж, в МФТИ он работает тридцать лет.

С его появлением в 1997 г. в Совете ветеранов, по его инициативе и совместно с профессором кафедры истории, ветераном Отечественной войны Емельяновой Е.Д., возобновились встречи и беседы ветеранов войны со студентами. Они натолкнулись на ряд трудностей: далеко не все ветераны осознавали необходимость выступлений

перед молодежью, а в обществе того времени существовало мнение о ненужности этой работы.

На встречах и беседах молодые слушатели постоянно задают много различных вопросов – их накопилось около сотни. Все это и навело на мысль дать студентам правду о Великой Отечественной войне из «первых рук» – написать книгу воспоминаний ветеранов войны Физтеха, с которыми студенты общаются ежедневно.

Емельянов В.В. выступал на заседаниях различных кафедр и собраниях, в ректорате, многократно разговаривал с каждым ветераном, убеждал в необходимости и важности их воспоминаний. Без большой, кропотливой работы автора и организатора проекта, без его инициативы и настойчивости наша книга не увидела бы свет.

У некоторых ветеранов пришлось побывать дома и с их слов записать воспоминания. Здесь большую помощь оказала Емельянова Е.Д. Другой ветеран войны Блохина Н.М. принимала участие в сборе воспоминаний и фотографий.

Книга «Физтех помнит...» войдет как страничка во Всероссийскую книгу памяти, о необходимости создания которой, объявил комитет «Победа», утвержденный президентом РФ Путиным В.В. в преддверии подготовки 60-летия окончания Великой Отечественной войны.

*Председатель Совета ветеранов МФТИ,
полковник в отставке, доцент Седов Б.С.
Октябрь 2004 года.*

Емсельянов Валентин Владимирович
Седов Борис Сергеевич

Физтех помнит...
воспоминания

Редактор *Е.А. Орлова*
Художник *А.В. Обухов*

Подписано в печать 23.11.2004
Формат 60х90 /16. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14. Тираж 1000 экз. Заказ № 0415950.

ЗАО «Издательство Азбука»
109544, г. Москва, ул. Рабочая, 84
тел.: 743-2902
azbuka@nm.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

